

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Теодориду Еирини

**Аксиологическое пространство паремий с компонентом-зоонимом
в греческом, русском и английском языках**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент **Волкова Я.А.**

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ	17
1.1. Паремия как объект лингвистического исследования	17
1.1.1. Этимология и исторические корни паремий	17
1.1.2. Лингвистические признаки и структурные особенности паремий ..	21
1.1.3. Паремия в системе устойчивых единиц языка	32
1.1.4. Функции паремий в языке и культуре	41
1.2. Паремия как средство категоризации и концептуализации знаний о мире	48
1.3. Паремия как средство вербализации и объективации лингвокультурных концептов	52
1.3.1. Типология концептов и их объективация в паремиях	53
1.3.2. Паремии как форма вербализации лингвокультурных концептов ...	62
Выводы по первой главе	66
ГЛАВА 2. ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В ГРЕЧЕСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	69
2.1. Структурно-семантические особенности паремий с компонентом- зоонимом	71
2.1.1. Структурные модели паремий с зоонимом	72
2.1.2. Выражение оценочной семантики при помощи глаголов в паремиях с компонентом-зоонимом	75
2.1.3. Символика зоонимов в греческом, английском и русском языках	80
2.2. Аксиологическое пространство паремий с компонентом-зоонимом	81

2.2.1. Аксиологический аспект паремий с компонентом-зоонимом в греческом языке	90
2.2.2. Аксиологический аспект паремий с компонентом-зоонимом в английском языке	105
2.2.3. Аксиологический аспект паремий с компонентом-зоонимом в русском языке	123
2.2.4. Сопоставление аксиологических коннотаций зоонимов в трёх языках	134
Выводы по второй главе	143
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В СОВРЕМЕННОМ ГРЕЧЕСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	147
3.1. Паремии как отражение менталитета нации: корпусный анализ	147
3.1.1. Корпусный анализ греческих паремий	150
3.1.2. Корпусный анализ английских паремий	157
3.1.3. Корпусный анализ русских паремий	165
3.1.4. Сравнительный анализ: частотность употребления и ценностные доминанты	172
3.2. Рецепция зоонимических паремий в языковом сознании	175
3.2.1. Восприятие паремий с компонентом-зоонимом в греческой лингвокультуре	177
3.2.2. Восприятие паремий с компонентом-зоонимом в англоязычной культуре	189
3.2.3. Восприятие паремий с компонентом-зоонимом в русской лингвокультуре	199
3.2.4. Сравнительный анализ интерпретативной «прозрачности» паремий	210
Выводы по третьей главе	216

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	223
ПРИЛОЖЕНИЯ	244
Приложение 1. Полный текст анкеты (на английском, русском и греческом языках)	244
Приложение 2. Перечень упоминаемых в диссертации паремий с зоонимами	253

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования в области лингвокультурологии и лингвоаксиологии всё активнее обращаются к языковым единицам, в которых максимально сконцентрированы национально-культурные смыслы. К числу таких единиц относятся **паремии** – краткие, устойчивые изречения, отражающие мировоззрение, ценности, нормы и поведенческие установки этноса. Особенно выразительным оказывается пласт паремий, включающих компонент-зооним, поскольку зоонимы в культуре традиционно несут богатую символическую нагрузку, фиксируя поведенческие, моральные, этнические и аксиологические характеристики.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению аксиологического пространства паремий с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках. Сравнительный анализ паремий, содержащих названия животных, позволяет выявить, как сквозь призму устойчивых выражений отражаются ценностные ориентиры соответствующих культур, сходства и различия в восприятии определенных концептов, а также степень универсальности или уникальности конкретных образов животных.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов:

– необходимостью изучения паремиологии в контексте аксиологии, что позволяет получить доступ к ценностно-нормативной структуре общества, проанализировать культурные особенности и индивидуальные предпочтения на основе системы ценностных приоритетов.

– необходимостью включения в научный оборот паремиологических единиц новогреческого языка;

– паремии с зоонимами представляют собой уникальное сочетание когнитивных, лингвокультурных и дискурсивных характеристик. Выявление аксиологических коннотаций в таких паремиях даёт возможность глубже понять

ценностные доминанты в разных языках, что особенно значимо в условиях глобального межкультурного взаимодействия.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование опирается на лингвокультурологический подход, согласно которому языковые явления рассматриваются как единицы, отражающие национальную специфику культуры. Этот подход получил развитие в трудах таких учёных, как Н.Ф. Алефиренко, И.С. Брилева, В.В. Воробьев, Д.Б. Гудков, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова, Д.С. Скарнев, В.Н. Телия, И.В. Зыкова, В.М. Шаклеин и др. Их работы заложили основу для изучения взаимодействия языка и культуры, а также для анализа лингвокультурных концептов и особенностях ценностных установок каждой языковой общности, к которым относятся паремии.

Теоретическое осмысление паремии, включая их семантические и структурные особенности, связано с фундаментальными исследованиями В.Н. Телия, которая охарактеризовала паремии как язык бытовой культуры, передаваемый из поколения в поколение и отражающий жизненную философию народа. По наблюдению Г.Л. Пермякова, смысловая организация паремий основана на ограниченном круге устойчивых бинарных оппозиций, включая пары «свой–чужой», «ближний–дальний», «добро–зло» и др. Различные образы в пословицах и поговорках являются лишь индикаторами этих общих свойств. Идеи этих учёных получили развитие в работах таких исследователей, как В.Л. Архангельский, А.Н. Афанасьев, А.И. Гаевая, Д.О. Добровольский, В.П. Жуков, Е.Е. Иванов, А.В. Кунин, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Е.И. Селиверстова и др., чьи работы направлены на разработку лексикографических принципов описания паремий.

Паремии как устойчивые формы народной мудрости на протяжении веков активно использовались в художественной литературе, выступая не только как выразительное средство, но и как маркеры национального менталитета. В новогреческой литературной традиции пословицы и поговорки находят отражение в произведениях таких выдающихся писателей и поэтов, как Н. Казандзакис,

К. Паламас, где они выполняют функцию культурного кода, придающего тексту дополнительную глубину и стилистическую окраску.

Аналогично в англоязычной литературе паремии широко представлены в творчестве Дж. Чосера, У. Шекспира, Б. Джонсона, Л. Кэрролла и других авторов, использующих пословицы как элемент народной речи, инструмент иронии, сатиры или морализаторского посыла. Эти примеры демонстрируют живое присутствие паремий в коллективном языковом сознании и их активную роль в формировании художественного дискурса.

Научный интерес к паремиям возник на стыке фольклористики, лексикографии, лингвистики и культурологии. В греческой науке значительный вклад в систематизацию и изучение паремий внесли такие исследователи, как Г. Бабиниотис, Н. Политис, Г. Сифакис. Их труды положили начало академическому осмыслению пословиц как культурных и языковых явлений.

В англоязычной традиции важным этапом стало формирование паремиологических сборников и классификаций, над которыми работали В. Мидер (W. Mieder), Б. Уайтинг (B. Whiting) и др. В их исследованиях паремии рассматриваются как универсальные элементы народной мудрости, играющие ключевую роль в передаче культурных норм, ценностей и коллективного опыта из поколения в поколение.

В российской научной школе изучение паремий носит комплексный и междисциплинарный характер. Исследования В.И. Беликова, Е.Е. Жигариной, М.Ю. Котовой, Ю.Г. Круглова, В.О. Чернощёкова и др. охватывают широкий спектр проблем – от структурных характеристик до аксиологических и когнитивных аспектов функционирования паремий. Современные работы также активно опираются на корпусный анализ, позволяющий выявить частотность употребления, дискурсивную функцию и динамику ценностных ориентиров, зафиксированных в паремиях.

Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных паремиям в различных языках, вопросы репрезентации культурных ценностей в паремиях с компонентом-зоонимом в греческом, английском и русском языках

остаются малоизученными. Как правило, в исследованиях рассматривалась отдельные аспекты – символика зоонимов [Бабушкин, 1996; Бадмаева, 2022; Бойко, 2008; Елгешина, 2023; Забудская, Тресорукова, 2019; Mizhaeva, 2003], метафорика животных [Алефиренко, 2016; Байрамова, 2008; Каримова, 2021; Малкова, 2019; Петрова, 2024; Piirainen, 2011], структурные модели пословиц [Арсентьева, 1989; Пермяков, 1979; Раджабова, 2016; Тубалова, 2024; Abrahams, 1977; Ауурова, 2020] – без комплексного сопоставления аксиологических установок, зафиксированных в паремиологическом фонде трёх языков.

В современной лингвокультурологии особую значимость приобретает изучение того, как через устойчивые языковые формы транслируются ценностные приоритеты конкретной культуры. Паремии с зоонимическим компонентом в этом контексте представляют собой важнейший источник, в котором отражаются национальные представления о добре и зле, своём и чужом, силе и слабости, социальной норме и отклонении от неё.

Настоящее исследование призвано восполнить существующий пробел, предложив сопоставительный анализ паремий с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках в аспекте лингвоаксиологии. Исследование опирается на достижения греческой, русской и англоязычной паремиологических традиций и предлагает сопоставительный подход к выявлению универсальных и национально-специфических ценностных представлений, отраженных в пословицах с зоонимическим компонентом.

Объектом исследования являются паремии с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках.

Предмет исследования – аксиологические характеристики и коммуникативно-дискурсивные функции паремий с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках.

Цель исследования состоит в выявлении и сопоставительном описании аксиологических особенностей паремий с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках, что позволит определить универсальные и этноспецифические ценностные ориентиры, отраженные в языковой картине мира трёх лингвокультур.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить лингвистические признаки и функции паремий, а также их роль в языковой системе и коммуникации;
- выявить способы объективации лингвокультурных концептов в пословицах с компонентом-зоонимом;
- описать структурные модели паремий с зоонимом в греческом, русском и английском языках;
- исследовать аксиологические коннотации зоонимов в паремиях каждой из трёх лингвокультур;
- провести сопоставительный анализ аксиологических доминант, выявив как универсальные, так и национально-специфические ценности;
- проанализировать функционирование паремий с компонентом-зоонимом в современной речи на основе корпусных данных трёх языков;
- оценить коммуникативно-прагматические особенности использования паремий, показав их роль в формировании и передаче ценностных ориентиров в устной и письменной коммуникации.

Гипотеза исследования: зоонимические паремии в греческом, русском и английском языках являются устойчивыми средствами вербализации культурных ценностей, закреплённых в коллективном сознании носителей. Их аксиологическая нагрузка определяется как универсальными моделями, отражающими базовые представления человечества о мире животных и их символике, так и культурно-специфическими факторами, задающими уникальные способы интерпретации образов.

На семантическом уровне зоонимы формируют систему метафор и символов, через которые эксплицируются такие ценностные ориентиры, как интеллект, сила, социальная иерархия, высокие моральные качества, а также поведенческие нормы. При этом степень прозрачности и интерпретируемости паремий коррелирует с аксиологической системой каждой из трёх культур: чем ближе образ к национальному культурному прототипу, тем выше его понятность и частотность употребления.

В работе были использованы следующие **методы исследования**:

– общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, классификация) – применялись для систематизации теоретического материала;

– сравнительно-сопоставительный анализ – использовался для выявления универсальных и этноспецифических черт паремий с компонентом-зоонимом в греческом, английском и русском языках;

– семантический и этимологический анализ – применялся для изучения значений и происхождения зоонимов, функционирующих в составе паремий, с учётом культурной семантики;

– концептуальный анализ – позволил выявить способы репрезентации лингвокультурных концептов, таких как «добро», «зло», «жизнь», «смерть», «дружба», «враждебность», «богатство», «бедность», «любовь», «страх», «истина», «ложь», «семья» и др.;

– лингвоаксиологический анализ – направлен на выявление и интерпретацию ценностных смыслов, закреплённых в паремиях с компонентом-зоонимом, а также на определение культурных доминант и моральных ориентиров, репрезентируемых через эти выражения;

– интерпретативный анализ – использовался для анализа символики зоонимов в паремиях и их культурной обусловленности в контексте народного сознания;

– корпусный анализ – применялся для выявления частотности, актуальности и степени интерпретационной прозрачности паремий в современном языке на материале национальных корпусов греческого, английского и русского языков;

– анкетирование и количественный анализ для подсчёта полученных данных.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды греческих, российских и зарубежных учёных в области:

– *лингвокультурологии* [Алефиренко, 2016; Байрамова, 2010; Карасик, 2002; Ковшова, 1999, 2006; Маслова, 2001; Телия, 1996, 2006; Juraeva, 2022; Piirainen, 2011; Μότσιου, 2012; и др.];

– *фразеологии и паремологии* [Афанасьев, 1895; Даль, 1997; Кабакова, 2006; Кацюба, 2007; Кунин, 1986; Ломакина, 2018, 2020; Молотков, 1977; Мокиенко, 1986; Пермяков, 1970, 1988; Селиверстова, 2017; Телия, 1996; Тресорукова, 2021, 2026; Abrahams, 1976, 1977; Krikmann, 2001; Russo, 1983; Taylor, 1950, 1962; Λουκάτος, 1957, 1978, др.];

– *лингвоаксиологии* [Байрамова, 2008; Волкова, 2024; Карасик, 2002; Карасик, Китанина, 2023; Ломакина, 2015, 2025; Некрасова, 2006; Нелюбова, 2019 и др.);

– *лингвокультурной концептологии* [Алефиренко, 2016; Арсентьева, 1989; Бабушкин, 2001; Ломакина, 2020, 2021; Степанов, 2001; Слышкин, 2004; Mieder, 2004, 2012; Δέδε, 1988, и др.];

– *этнолингвистики* [Красных, 2006; Ломакина, 2018, 2019; Мокиенко, 1986; Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, 2005; Αραβαντινός, 1996; Κουκουλές 1950; и др.];

Материалом исследования послужили 620 греческих, 389 английских и 586 русских паремий и фразеологизмов, отобранных из материалов [Булатов, 1961: 126; Даль, 1997: 612; Круглов, 1990; Cowie, 1999; King, 2019; Speaker, 2015; Λουκάτος, 1957: 331; Τεγόπουλος-Φυτράκης, 1993]. Материалом исследования также послужили три лингвистических корпуса – Национальный корпус русского языка, The Library of Congress (LOC): Center for Applied Linguistics (CAL) (фонд Библиотеки Конгресса: Центр прикладной лингвистики) и Ηλεκτρονικό Σώμα Κειμένων Ελληνικής γλώσσας (Электронный корпус текстов греческого языка), а также результаты пилотного онлайн-опроса 100 русскоговорящих, 100 грекоговорящих и 40 англоговорящих респондентов. Общий объем проанализированного материала на русском языке составил 384 046 печатных знаков, на английском языке – 44 063 знаков, на греческом языке – 22 180 знаков. Список паремий с компонентом-зоонимом, упоминаемых в работе, представлен в Приложении 2.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– впервые получены результаты сравнительно-сопоставительного анализа, свидетельствующие о том, что зоонимические образы в паремиях греческого, русского и английского языков репрезентируют устойчивый набор

универсальных ценностных ориентиров (интеллект, физические и нравственные качества, социальный статус, моральные установки, способность к трансформации), при этом их национально-специфическая интерпретация обусловлена вариативностью символики конкретных животных в каждой лингвокультуре;

- раскрыта лингвоаксиологическая природа зоонимов как носителей культурных ценностей, определяющих восприятие и оценку социальных явлений;

- впервые в научный оборот введён репрезентативный массив зоонимических пословиц новогреческого языка, что позволило сформировать сопоставимую эмпирическую базу и получить новые данные о частотных, прагматических и аксиологических характеристиках паремий с зоонимами в трёх лингвокультурах, а также об особенностях их восприятия носителями греческого, русского и английского языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- исследование развивает лингвоаксиологический подход к анализу паремий, выявляя механизмы репрезентации культурных и моральных ценностей через зоонимы;

- уточняется понятие аксиологического пространства и аксиологической маркированности паремий как формы коллективной оценки и ментальной категоризации;

- формируется основа для дальнейшей типологии паремий с учётом аксиологических и лингвокультурных признаков;

- подтверждается продуктивность использования корпусных данных для анализа ценностной семантики и прагматики паремий в трёх языках.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его материалов и выводов в преподавании курсов по фразеологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации и теории перевода, а также при составлении учебных пособий, словарей устойчивых выражений и лингвокультурных комментариев к ним. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны для практикующих переводчиков, преподавателей

иностранных языков, специалистов в области межкультурной коммуникации, а также для лингвистов, занимающихся корпусными и контрастивными исследованиями.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Паремии с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках образуют аксиологическое пространство, в рамках которого зоонимические образы функционируют как устойчивые символические маркеры, закрепляющие коллективные представления о базовых ценностных ориентирах; аксиологическая функция таких паремий реализуется через системную оценку интеллектуальных, физических, социальных и нравственных характеристик человека и отражает устойчивые модели лингвокультурной категоризации опыта.

2. Зоонимические образы обладают универсальными и культурно-специфическими коннотациями: универсальность проявляется в репрезентации базовых ценностных ориентиров личности (интеллект, физические и нравственные качества, социальный статус, моральные установки, способность к трансформации), тогда как культурная специфика обусловлена различиями в символической интерпретации отдельных животных в греческой, русской и английской лингвокультурах.

3. Разработанная аксиологическая типология паремий с зоонимами по структурным, семантическим и прагматическим параметрам позволяет системно описывать их роль в формировании и трансляции ценностных ориентиров, а также отображать различия в степени интерпретативной доступности (прозрачности) паремиологических единиц.

4. Сопоставительный анализ, основанный на корпусных данных и опросе респондентов, показал, что паремии с компонентом-зоонимом сохраняют высокую коммуникативную значимость в современной речи. При этом степень их узнаваемости и точности интерпретации варьируется: универсальные образы животных интерпретируются легко и однозначно, а культурно-специфичные требуют дополнительных знаний или комментариев. Это свидетельствует о диахронической устойчивости паремиологических ценностных ориентиров и одновременно о процессах культурной динамики, связанных с изменением

аксиологической и когнитивной базы носителей языка.

Обоснованность и достоверность диссертационного исследования обеспечена обширной источниковой базой, которая включает в себя труды греческих, английских и российских исследователей, а также всесторонним анализом материала, проведенным с применением комплекса современных методов исследования, и всесторонним анализом большого количества языковых примеров.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии во всех стадиях исследования – от постановки и решения задач и достижения цели до отражения результатов исследования в научных публикациях, докладах и положениях, выносимых на защиту.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены и одобрены на кафедре теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, а также представлены в форме докладов на следующих конференциях: Международной научно-практической конференции «Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора В.И. Зимина (Москва, МПГУ, 2021); «Инновационная траектория развития лингвистических исследований в современном мире» (Москва – Мехико, Центр современных научных исследований и образовательных технологий, 2021), Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Языковая и дискурсивная креативность человека говорящего: современный мир в языках России, Востока» (Владивосток, ДВФУ, 2022); «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Москва, Интернаука, 2022); «Глобальные проблемы научной цивилизации, пути совершенствования» (Ростов-на-Дону, ИУБиП, 2022); I Всероссийском конкурсе научных статей «Лучшая научная статья – 2023» (Москва, Научно-образовательная платформа «Наука и образование», 2023); I Всероссийском конкурсе научных, учебных и творческих работ «Молодой ученый – 2023» (Москва, Научно-образовательная платформа «Наука и образование», 2023);

XVI Международном конкурсе научных, учебных и творческих работ (Москва, Научная общественная организация «Наука Плюс», 2024); 8th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology (Москва, РУДН, 2022); 1st International scientific languages education development (LED) conference and exhibition (Москва, ВШЭ, 2021); 14th All-Russian Research and Methodological Conference with International Participation (Москва, РУДН, 2022); 16th Annual International Technology, Education and Development Conference «INTED – 2022» (Испания, Валенсия, 2022); 14th International Conference on Education and New Learning Technologies «EDULEARN – 2022» (Испания, Пальма-де-Майорка, 2022).

Результаты и выводы, выработанные в ходе научного исследования, нашли отражение в 12 научных статьях, 3 из которых опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертационного исследования соответствуют содержанию специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Структура и содержание диссертации обусловлены кругом исследуемых проблем и отвечают поставленным цели, задачам, отражают объект и предмет исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, включающих семь параграфов, заключения, списка источников и литературы по теме исследования и приложения.

Глава 1 посвящена теоретико-методологическим основам исследования: рассматриваются понятие «паремия», её функции и место в языковой системе; анализируются когнитивные и лингвокультурные механизмы концептуализации и категоризации через пословично-поговорочные формы.

В **главе 2** проводится структурно-семантический и аксиологический анализ паремий с компонентом-зоонимом в греческом, русском и английском языках. Особое внимание уделяется типологии зоонимов, оценочной нагрузке и

отражению культурных ценностей.

Глава 3 посвящена коммуникативно-прагматическим и дискурсивным аспектам функционирования паремий с зоонимом: анализируется их употребление в современной речи на основе корпусных данных, а также степень прозрачности восприятия паремий в трёх культурах.

В заключении представлены основные выводы результатов исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Паремия как объект лингвистического исследования

Паремии – это короткое содержательное изложение простой житейской мудрости, философии или советов. Они часто выражают смысл при помощи метафоры, рифмы или аллитерации, относятся к какому-то общему человеческому опыту и являются общеупотребительными, а также часто носят сатирический или насмешливый характер [Jurueva, 2022].

1.1.1. Этимология и исторические корни паремий

Вопрос об этимологии и функциональной роли паремий в языковом и культурном контексте требует учета ряда исторических и лексико-семантических факторов. Многие из них, будучи наследием древности, противоречивы, и для их глубокого понимания необходимо учитывать мировоззрение, существовавшее несколько столетий назад. Язык паремий часто демонстрирует грамматические отклонения и диалектные особенности, что является характерным для устной речи того времени [Λουκάτος, 1957].

Термин «*παροιμία*» впервые встречается в трагедии Эсхила «Агамемнон» (458 г. до н.э.), где он обозначает высказывания, обладающие практическим значением для повседневной жизни. Гесихий Александрийский в V в. трактует паремию как полезное изречение, часто произносимое в ходе путешествий, где слово «*οἴμος*» («дорога») указывает на путеводное значение этих высказываний. В свою очередь, известный фольклорист Димитриос Лукатос уточняет, что паремия служила своего рода вспомогательным элементом в

человеческой коммуникации и передавалась через устные практики [Μπαλιγιώτης, 2002: 16].

Существует и другая теория этимологии слова «*παροιμία*», согласно которой оно состоит из предлога «*παρά*» («рядом») и слова «*οἶμος*» («путь»), что, в свою очередь, связано с древнегреческим термином «*προοίμιον*» («предвестие»). В древности существовала практика гравировать краткие изречения на мраморе, которые делались, в частности, на статуях бога Гермеса, устанавливаемых на дорогах и перекрестках. Эти изречения служили путеводными указаниями и передавались из уст в уста, постепенно приобретая форму пословиц.

Паремии играют важную роль в отражении философии повседневной жизни, часто отображая остроту человеческих наблюдений и характер поведения людей. Их устойчивость объясняется краткостью, рифмовкой и ритмической структурой, что способствовало их запоминанию и передаче через поколения.

Известный паремиограф Арчер Тейлор определяет паремию как краткое дидактическое высказывание, которое отражает мудрость множества и остроумие одного человека [Strässler, 1982].

Паремии могут быть представлены в виде констатаций фактов («*Honesty is the best policy*» – «Честность – лучшая политика») или метафор, относящихся к конкретной ситуации («*Don't change horses when crossing a stream*» – «Не меняй лошадей на переправе»). Также существует множество примеров, в которых выражены опыт и практические рекомендации: «*Rain before seven, fine before eleven*» (о погодных приметах) или «*Silence means consent*» (о молчании как признаке согласия). В дополнение к этому Димитриос Лукатос уточняет, что паремии могут быть как стихотворными, так и прозаическими высказываниями, ярко иносказательно выражающими мудрость, совет или мораль [Λουκάτος, 1978: 122–129]. Эти изречения становятся устойчивыми элементами повседневной речи и служат основой аргументации.

Применение паремий в литературе отмечается с античных времен, когда великие поэты, такие как Гомер и Гесиод, а также драматурги, включая Аристофана и Менандра, использовали их в своих произведениях. Отцы Церкви и

византийские писатели также активно использовали паремии, придавая им моральное значение. Архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст указывал на важность народной мудрости, заключенной в пословицах, утверждая, что они обладают мудростью и полезностью, не уступающими высокому философскому дискурсу [Αραβαντινός, 1996: 43].

Использование паремий в мировой литературной традиции стало широко распространённым. Примеры таких произведений включают работы Чосера, Сервантеса, Шекспира, Данте и многих других авторов [Mieder, 1996: 305]. В частности, У. Шекспир широко использовал пословицы в своих пьесах трагедиях.

В английской литературе Джеффри Чосер (ок. 1340–1400), которого считают основателем английской поэзии, использовал множество пословиц и поговорок в своих стихах. В частности, использование пословиц и поговорок было на пике популярности в XVI и XVII вв. Драматурги елизаветинской эпохи Джон Лили (ок. 1554–1606) [Chaucer, 2022] и Бен Джонсон (1572–1637) [Jonson, 2022] широко использовали паремии в своих пьесах. Великий драматург У. Шекспир (1564–1616) украшал свои пьесы пословицами и использовал их в названиях двух своих комедий: «All's Well That Ends Well» («Все хорошо, что хорошо кончается») и «Measure for Measure» («Мера за меру»). Также он использовал различные паремии в знаменитых трагедиях «Ромео и Джульетта» и особенно в «Гамлете» (сцена 5, акт I) [Sinclair, 2004: 40]. А его современник Майкл Дрейтон (1563–1631) написал сонет «To Proverbe» в форме диалога, в текст которого включил 10 пословиц и поговорок [Devitt, 1987].

В начале XIX в., после возрождения интереса к фольклору, которое было вызвано романтическим движением, 2 выдающихся романиста – В. Скотт (1771–1832) [Puttenham, 1904] и Ч. Диккенс (1812–1870) [Bruner, 1986] – включили значительное количество пословиц и поговорок в свои многочисленные популярные романы. Паремии также можно найти и в «Алисе в стране чудес» Л. Кэрролла (1865). Более систематическое изучение паремий в течение XX в. показывает возобновление интереса к народной культуре, в частности, к

пословицам и поговоркам. Так, например, Л. Даррелл в своей книге «Горькие лимоны» использует 3 кипрско-греческие паремии [Drayton, 1953].

В русской литературе многие паремии состоят из двух пропорциональных рифмующихся частей. Пословицы, как правило, имеют как прямое, так и переносное значение (мораль). Часто бывает несколько разных версий пословиц с одной и той же моралью. По сравнению с поговорками пословицы имеют более яркое обобщающее значение. Самые ранние сохранившиеся фрагменты древнерусской письменности, содержащие пословицы, относятся к XII в. [Беликов, 1994].

Паремии встречаются в некоторых известных произведениях древнерусской литературы: «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление Даниила Замурованного» (XIII в.) и др. Рукописные сборники пословиц выпускались, начиная с XVII в. [Жигарина, 2006].

Некоторая часть паремий, укоренившихся в России, происходит из устного народного творчества; некоторые из них были заимствованы из древних афоризмов и религиозных источников. Многие пословицы и поговорки взяты из произведений русских писателей, таких как «Горе от ума» А.С. Грибоедова, басен И.А. Крылова и др. [McKenna, 1998].

В новогреческой литературе отмечается присутствие пословиц и поговорок в произведениях некоторых виднейших поэтов и прозаиков. Знаменитый поэт Костис Паламас (1851–1943), например, по случаю публикации большого сборника пословиц греческого фольклориста и профессора Афинского университета Николаоса Политиса рекомендовал изучать паремии и считал их своего рода поэзией. «Паремии заслуживают того, чтобы их анализировали как лингвистические памятники, которые однажды принесут пользу философу и поэту», – писал он [Πολίτης, 2015]. Никос Казандзакис (1883–1957) также использовал ряд пословиц в своих популярных романах «Алексис Зорбас» и «Капитан Михалис». В последнем выявлено и перечислено не менее 50 пословиц и поговорок [Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, 2005: 503–506].

Исследование этимологии и функционального назначения паремий позволяет сделать вывод о глубокой укорененности данного жанра в культуре,

языке и мышлении различных народов. Происхождение термина «*παροιμία*», восходящего к древнегреческим источникам, свидетельствует о его изначальной связи с повседневной жизнью, практическими потребностями и коммуникацией в социокультурном пространстве античности.

Паремии представляют собой устойчивые языковые конструкции, обладающие высокой степенью обобщенности и лаконичности, что способствует их длительному бытованию и широкому распространению в устной и письменной традициях. Они выполняют целый ряд функций (дидактическую, прагматическую, поэтическую, культурно-мнемоническую) и в совокупности представляют собой концентрированное выражение народной мудрости и коллективного опыта.

Многообразие литературных источников, в которых фиксируется использование паремий (от античных авторов до представителей новоевропейской и новогреческой литературы), подтверждает устойчивость этого жанра и его значимость в формировании образно-ассоциативного пространства текста. Широкое распространение паремий в литературе, фольклоре и быденной речи обусловлено их универсальностью, семантической насыщенностью и способностью служить средством выражения моральных, этических и философских установок общества.

Таким образом, паремия является важным элементом культурного наследия, обладающим как языковой, так и познавательной ценностью. Она представляет интерес для междисциплинарных исследований в области лингвистики, фольклористики, литературоведения и культурологии.

1.1.2. Лингвистические признаки и структурные особенности паремий

Пословицы и поговорки отличаются от устойчивых выражений тем, что последние, как правило, не являются самостоятельными высказываниями и не имеют отношения к жанру басен. Устойчивые выражения изначально произносились отдельными лицами в конкретных ситуациях, после чего повторялись, становились узнаваемыми и постепенно входили в широкое употребление. В отличие от них,

пословицы и поговорки представляют собой завершённые синтаксические единицы, несущие в себе обобщённый жизненный смысл.

На лингвистическом уровне в пословицах и поговорках регулярно встречаются определенные фонологические, семантические и синтаксические конструкции, которые можно рассматривать как маркеры – формальные признаки, сигнализирующие об особом статусе высказывания в дискурсе. Эти маркеры указывают на отклонение от обычного речевого потока и проявляются в виде стилистических и структурных элементов, редко встречающихся в спонтанной речи. С прагматической точки зрения, такие маркеры выполняют функцию сигнала для слушателя, подчеркивая значимость высказывания с позиции его значения, коммуникативной функции и прагматического воздействия.

Среди наиболее часто фиксируемых маркеров, формирующих стилистический облик паремий, учёные выделяют *параллелизм, полисемию, аллитерацию, рифму, метафору, персонификацию, парадокс и гиперболу* [Mieder, 1996: 9–11]. Особое внимание в лингвистических исследованиях уделяется структурным элементам, которые являются одними из наиболее универсальных и легко распознаваемых маркеров. Они включают как устойчивые формулы, закреплённые в языковой традиции, так и вариативные синтаксические конструкции.

Наиболее характерными маркерами в этом контексте выступают синтаксический параллелизм, паратаксис, а также различные формы инверсии. Языковой анализ показывает, что подобные элементы широко распространены в паремиях многих языков мира, включая греческий, английский и русский.

Пословицы и поговорки, обладая высокой степенью синтаксической специфичности и стилистической маркированности, представляют собой особую форму языковой репрезентации коллективного опыта и культурной памяти, что обуславливает необходимость их изучения как в лингвистической, так и в культурной парадигмах.

Поэтические элементы в русских паремиях подлежат лингвистическому анализу на уровнях фонологии, морфологии и синтаксиса. Поскольку

поэтический язык по своей природе стремится к выразительности, все уровни языковой системы приобретают в нем относительную самостоятельность и дополнительную функциональную нагрузку. Степень реализации тех или иных языковых средств варьируется в зависимости от конкретного поэтического текста и особенностей поэтической традиции. Вместе с тем, учитывая, что поэтику можно охарактеризовать как «звуковую фигуру», фонология приобретает особую значимость как основа поэтической звуковой структуры.

Один из крупнейших лингвистов XX в. Р.О. Якобсон выделяет несколько фонологических принципов, лежащих в основе поэтической функции языка [Howard, 1984: 350–375]:

- 1) степень использования фонологических средств по сравнению с нейтральной коммуникативной идиомой;
- 2) принципы группировки фонем;
- 3) повторы фонематических комплексов;
- 4) ритмическая организация;
- 5) мелодия.

Эти принципы в совокупности раскрывают фонологическую природу поэтической речи, к которой в определенной степени можно отнести и пословицы с поговорками.

Анализ русского материала демонстрирует наличие ярко выраженных поэтических элементов, способствующих реализации поэтической функции высказывания. Однако данная функция в паремиях тесно взаимодействует с референциальной и конативной функциями. Последние две чаще всего доминируют в содержательной структуре пословиц, но их иерархическое соотношение варьируется в зависимости от семантики и прагматики конкретного высказывания [Даль, 1997: 612]. Взаимосвязь этих трех функций – поэтической, референциальной и конативной – играет ключевую роль в формировании выразительности и функциональной направленности русских пословиц и поговорок.

Одним из характерных поэтических приемов в русских паремиях выступает параллелизм, который проявляется в повторяющихся структурах. В пословицах с

повторяющимся параллелизмом одна и та же мысль выражается дважды, но разными способами, что усиливает экспрессивность высказывания, например: *«Медной посуды – крест да пуговица; рогатой скотины – таракан да жуколица»*. Данная пословица описывает состояние крайней бедности, используя двойной структурный параллелизм. Каждая часть формулы включает элемент внутренней полемики и лексической неожиданности, что создает эффект иронии. В первой части каждой строки прилагательное сочетается с существительным, обозначающим вполне конкретную и значимую сущность (*«медная посуда»*, *«рогатая скотина»*), тогда как вторая часть содержит абсурдный или метафорически сниженный образ (*«крест да пуговица»*, *«таракан да жуколица»*), вызывающий комический эффект. Такое метонимическое несоответствие усиливает сатирический посыл.

Выразительность здесь поддерживается на всех уровнях – синтаксическом, морфологическом и фонологическом. Синтаксически прослеживается повторяющаяся модель: *прилагательное + существительное – существительное + союз + существительное*. Эллиптическая структура, при которой опущены глагол и местоимение, способствует лаконичности и универсализации высказывания. Морфологически выражена симметрия: существительные одного рода, с одинаковыми окончаниями, соединенные союзом «да» в обоих предложениях. Референциальная функция преобладает, поскольку пословица передает определённую объективную информацию, применимую к любой ситуации, описывающей бедность.

Другим примером повторяющегося параллелизма может служить пословица *«Жжётся, как крапива, а колется, как ёж»*. В отличие от предыдущего примера, здесь повтор выполняет не юмористическую, а уточняющую функцию. Первая часть (*«жжётся, как крапива»*) может иметь обобщённый характер, однако вторая часть (*«колется, как ёж»*) придаёт высказыванию конкретную направленность и помогает раскрыть образ «колючего» характера. Синтаксическая структура данной формулы выглядит следующим образом: *глагол – сравнительный союз – существительное; сопоставительный союз – глагол – сравнительный союз*

существительное. Такой синтаксис способствует ритмической чёткости и усиливает поэтическую функцию высказывания.

Фонологическая организация пословицы демонстрирует преобладание открытых гласных звуков, прежде всего /a/, расположенных в центральной позиции между более закрытыми и округлыми /ë/, размещенными по краям звуковой структуры.

Звуковое напряжение строится по принципу зеркальной симметрии:

‘ --- ’ /a/ ‘ --- ’.

Такая ритмическая организация усиливает выразительность высказывания и формирует характерную звуковую фигуру, свойственную поэтическому языку.

Рассматриваемая пословица использует метафорическую экспрессию и в целом обладает ярко выраженной метафорической окраской. Выражения подбираются на основе сходства и помещаются в синтаксически оформленный контекст сравнения. Таким образом, между существительными и обозначаемым лицом устанавливается двойное сходство: одно – явно проявляющееся на синтаксическом уровне, другое – скрытое, заложенное в семантике. В данном случае доминирующей является референциальная функция, поскольку основная цель высказывания – передача определенного утверждения, констатация социально значимого факта.

Рассмотрим ещё один пример, демонстрирующий отличную от предыдущей функциональную нагрузку и тип параллельной структуры: *«Какова работа, такова и плата»*. В этой пословице реализуется модель причинно-следственного отношения, в которой работа представлена как действие, а плата – как его результат. Оба компонента образуют непрерывную процессуальную цепь и, следовательно, могут быть интерпретированы через ось смежности. Вместе с тем между ними устанавливается и отношение сходства: местоимения *«какова»* и *«такова»* морфологически подчеркивают эквивалентность между понятиями *«работа»* и *«плата»*, формируя семантический баланс.

Параллелизм в данном высказывании прослеживается на всех уровнях языковой системы – синтаксическом, морфологическом и фонологическом. Аллитерация безударной последовательности «*та–та*» рифмуется с повторением ударной ритмической схемы «*ва́–ва́*», что фоносемантически может ассоциироваться с интонацией недовольства или упрека. Здесь на первый план выходит конативная функция, поскольку высказывание выполняет оценочно-побудительную роль. Прагматически это можно переформулировать как: «*Ты получил то, что заслужил*».

Среди всех форм традиционного словесного народного творчества пословица представляет собой наиболее универсальный и в то же время краткий способ выражения коллективной мудрости. Пословицы и поговорки существуют во всех культурах мира, выполняя сходные функции и демонстрируя типологически схожие структурные характеристики в самых различных языках [Strässler, 1982: 105].

Греческая паремия определяется как краткое, завершённое по смыслу высказывание, воспринимаемое его носителями как анонимное по происхождению и устойчивое в употреблении на протяжении длительного исторического периода. Как правило, паремия фиксирует обобщённую истину, которая воспринимается обществом как значимая и практически полезная. Уходя корнями в глубину веков, паремии приобретают статус культурно освящённого прозрения, наделённого авторитетом «старшей мудрости», к которой принято относиться с уважением и серьёзностью [Veisbergs, 2012: 273–307].

Греческие пословицы и поговорки демонстрируют ярко выраженные фонетические и структурные средства, направленные на усиление экспрессивности и закрепление выражаемой истины.

Наиболее типичными среди них являются следующие приёмы [Russo, 1983: 121–130]:

- рифма, аллитерация и ассонанс;
- повторяющийся, преимущественно бинарный, а порой оппозиционный ритм, обеспечивающий симметрию конструкции;

- повторение идентичных слов или грамматико-синтаксических структур;
- вокалическая гармония.

Краткость (*συντομία*) – универсальная характеристика паремий, обеспечивающая их лаконичность, выразительность, лёгкость запоминания и воспроизводимости. В контексте стилистики особое внимание следует уделять точности формулировки. Именно за счёт строгого порядка слов, звуковой упорядоченности и структурного баланса греческие паремии приобретают яркость и риторическую силу.

Примеры, такие как: «*Φιλότης ἰσότης*» («*Равенство есть дружба*»); «*Κακοῦ κόρακος κακὸν ᾠόν*» («*От плохой вороны – плохое яйцо*»); «*Ὁ Φλεβάρης κί αν φλεβίσει, καλοκαίρι θα μυρίσει*» («*Как только наступит февраль, запахнет летом*»); «*Μάρτης γδάρτης και κακός παλουκοκαύτης*» («*Март обдирает и колья сжигает*»); «*Ακόμα δεν τον είδαμε, Γιάννη τον εβγάλαμε*» («*Еще не видели, а уже назвали Яннисом*»), иллюстрируют высокую степень ритмической и фонетической упорядоченности. Так, в выражении «*Μάρτης γδάρτης*» вокалическая гармония (η–η) сочетается с эффектом аллитерации и музыкальной симметрии. Подобные двучастные конструкции часто обладают изосиллабизмом, а в оригинальном греческом тексте – и тональной симметрией, способствующей созданию гармоничного звучания.

Во многих случаях рифма достигается посредством повторения целых слов, одинаковых падежных окончаний или других флексий. Особенно выразительным оказывается сочетание аллитерации и ассонанса с морфологическим повтором, например: «*Αν δεν πάθεις, δεν θα μάθεις*» («*Если не испытаешь – не научишься*»); «*Χτυπούμε το σαμάρι για ν' ακούσει το γομάρι*» («*Бьём по седлу, чтобы услышал осёл*»); «*Φάτε μάτια ψάρια*» («*Ешьте, глаза, рыбу*»). Даже для читателя, не владеющего греческим, структура таких выражений ясно демонстрирует повторы и ритмическую организацию.

Из приведенных примеров следует, что акустическая эстетика греческих пословиц тесно связана с принципами поэтики: компактность, метафоричность и звуковая симметрия сближают их с поэтическими миниатюрами. Паремии в этом контексте выступают как стихотворные формы высокой степени сжатости.

Особую роль играет ритм. В греческой традиции ритмическая организация не всегда очевидна для носителей современных языков, поскольку она основана не только на ударениях, но и на длине слогов, усиленной тональными акцентами. Такая структура способствует поддержанию универсальной тенденции к бинарности. Многие паремии делятся на две симметричные части, что повышает их воспринимаемость и выразительность.

Параллельная структура служит как для подчеркивания аналогии, так и для выражения смысловой оппозиции. При этом нередко усиливается акустическая симметрия за счёт звонких согласных и фонетических переключек, создающих эффект «словесной магии». Предполагается, что фонематические параллели обладают смысловым потенциалом, способным активизировать ассоциативное мышление.

Такие выражения, как: *«Ὀπου γάμος και χαρά, τρέχα Γιάννη μασκαρά»* («Где свадьба и веселье – Яннис тут как тут»); *«Ὁ φτωχός με τ' ὄνειρό του, χαίρεται το ριζικό του»* («Бедный радуется своей судьбе в мечтах»); *«Χωρίς αέρα το πουλί, χωρίς νερό το ψάρι, χωρίς αγάπη δε βαστούν κόρη και παλικάρι»* («Птица без воздуха, рыба без воды, а девушка и парень без любви не могут»); *«Θα γυρίσει ο τροχός, θα χορτάσει κι ο φτωχός»* («Обернется колесо – и бедняк насытится»), демонстрируют ритмически сбалансированную двусоставную композицию, усиленную аллитерацией, анафорой и внутренней рифмой.

Тем не менее в греческой паремийной системе существуют и лаконичные конструкции без выраженной ритмики и фонетического оформления, например: *«Τα σύκα σύκα»* («Инжир – это всего лишь инжир»); *«Ὁ έρωτας είναι τυφλός»* («Любовь слепа»); *«Ὅ,τι μέλλει δεν ζεμέλλει»* («Чему быть, того не миновать»). Подобные единицы, несмотря на их внешнюю простоту, обладают мощным метафорическим зарядом и часто предполагают наличие сложного контекста. Их полная семантическая структура раскрывается только при конкретной речевой реализации, в рамках которой задействуются культурные, эмоциональные и ситуативные аспекты. Именно в этом взаимодействии формулировки и контекста формируется значение, что подчеркивается как лингвистическими, так и

антропологическими и фольклористическими исследованиями [King, 2019: 821–827].

В целом греческие паремии демонстрируют широкий спектр структурных моделей – от высокоорганизованных поэтических конструкций до простых, но насыщенных смыслом формулировок. Это позволяет утверждать, что они функционируют по тем же универсальным принципам, которые свойственны пословицам и поговоркам других языков. Наряду с бинарной структурой, характерной для многих европейских паремий, греческие пословицы развивают сложную фонетико-ритмическую организацию, одновременно сохраняя прагматическую эффективность и культурную значимость.

Что касается **английского языка**, традиционные характеристики фразеологизмов могут быть поставлены под сомнение, если в качестве ключевых признаков рассматривать их изменчивость и неустойчивость. Существует концепт фразеологических единиц, таких как «*take place*» и «*at all*», обладающих высокой степенью устойчивости и неизменяемости. В то же время активно используются идиомы, подверженные значительным трансформациям [Moon, 1998: 120]. Таким образом, становится очевидной важность изучения вариативности как одного из фундаментальных аспектов лингвистического описания.

Часто подчеркивается, что так называемые «устойчивые фразы» на самом деле не являются строго фиксированными: в английском языке крайне мало абсолютно неизменяемых выражений. В то время как в описаниях и преподавании английского языка нередко акцент делается на стабильности идиом, их изменчивость зачастую рассматривается как второстепенная особенность, не заслуживающая отдельного внимания [Sinclair, 2004: 30].

Естественные языки, по своей сути, обладают высокой степенью вариативности: именно благодаря ей язык эволюционирует, одни формы постепенно вытесняются другими. Во фразеологии многословные единицы могут варьироваться на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Повторяющиеся и систематические варианты таких выражений со временем фиксируются в общеупотребительных словарях и специализированных словарях идиом.

По мнению Р.М. Солано, в английском языке можно выделить пять типов вариативности фразеологических единиц:

- 1) лексическая замена (lexical substitution);
- 2) лексическое вставление (lexical insertion);
- 3) усечение (truncation);
- 4) грамматическая трансформация (grammatical transformation);
- 5) транскатегоризация (transcategorisation) [Solano, 2011].

Лексическая замена является наиболее распространенной формой вариации. Она особенно часто наблюдается в предикативных фразах, где может изменяться как глагольный, так и именной компонент (или оба сразу) в пределах одного и того же класса слов с сохранением семантической связи. Примером служат выражения «*Shed crocodile tears*» («*Лить крокодиловы слёзы*») и «*Right up your alley/street*» («*Прямо на вашей улице / в переулке*»).

Лексическое вставление занимает второе место по частоте встречаемости. Основное правило здесь заключается в том, что вставляемый элемент сам по себе не должен иметь самостоятельного значения. Например, в конструкциях «*it is raining*» и «*there is a test tomorrow*» слова «*it*» и «*there*» не несут конкретного семантического содержания, однако выполняют синтаксическую функцию.

К менее распространенным видам варьирования относятся:

– усечение, при котором из выражения исключается один из компонентов (например: «*scrape (the bottom of) the barrel*» – «*скрести (дно) бочки*»; «*a weak link (in the chain)*» – «*слабое звено (в цепи)*»);

– грамматическая трансформация, допустимая не для всех фразеологизмов. Так, идиома «*kick the bucket*» не может быть употреблена в пассивной форме («*the bucket was kicked*»);

– транскатегоризация, при которой фразеологизмы изменяют свою категориальную принадлежность. Например, в выражении «*off the top of one's head*» («*с верхушки головы*») предложная фраза с наречной функцией может преобразовываться в прилагательное «*top-of-the-head*».

Паремии часто характеризуются отклонением от нормативного синтаксиса, как, например, в пословице «*Like father, like son*» (букв.: «Сын унаследует черты отца»). Они выражают обобщённый, а не конкретный смысл, в связи с чем в подобных выражениях редко используется прошедшее время. Многие паремии имеют метафорический характер, что усложняет их восприятие, в отличие от общезыковых устойчивых выражений, обладающих буквальной интерпретацией [Norrick, 1985: 70].

Некоторые пословицы требуют дополнительного пояснения, как, например, выражение «*A good husband makes a good wife*» («Хороший муж делает хорошую жену»), смысл которого становится ясным только после определенного анализа. Другие сохраняют архаичные формы (как лексические, так и синтаксические), что также усложняет их понимание. Например, пословица «*A stitch in time saves nine*» («Если сделать один шов вовремя, не придется делать девять позже») не имеет отношения к шитью в буквальном смысле, а используется метафорически.

В русском языке определение фразеологизмов тесно связано с лингвокультурологическим подходом, ориентированным на разработку лексикографических принципов описания. Важнейшим результатом исследований в данной области стал «Большой фразеологический словарь русского языка» (первое издание – 2006 г., последнее (4-е) – 2014 г.). Над словарем работал коллектив ученых: В.Н. Телия, И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных и др. [Телия, 2006].

Греческие паремии, в свою очередь, выделяются фонетико-ритмической организованностью и афористичностью: для них характерны ритм, рифма, бинарная структура, аллитерация и внутренняя симметрия. Эти элементы способствуют легкому запоминанию и передаче паремий в устной традиции. При этом греческие паремии, как и русские, часто несут глубокую метафорическую и мифопоэтическую нагрузку, отражающую элементы народного миропонимания.

Таким образом, несмотря на различия в формах и акцентах, паремии в английском, греческом и русском языках демонстрируют ряд универсальных черт: краткость, образность, экспрессивность и обобщенность смысла. Эти черты в сочетании с культурной спецификой позволяют рассматривать паремии

как уникальное проявление языковой и ментальной картины мира каждого народа.

1.1.3. Паремия в системе устойчивых единиц языка

Паремии представляют собой готовые сложные формулы. Они описывают конкретную ситуацию с помощью ряда словосочетаний, которые невозможно изменить. Подобно сложным формулам, используемым в математическом исчислении, паремиологические единицы также являются хорошо известными конструкциями.

Разностороннее и многогранное исследование пословиц и поговорок, основанное на новых парадигмах и одновременно учитывающее достижения предшествующих поколений учёных, продолжилось и в XXI в. и представлено работами В.И. Зимина [Зимин, 2017], Д.О. Добровольского [Добровольский, 2017], О.В. Ломакиной [Ломакина, 2015] и многими другими.

Проблема границ паремиологии не рассматривалась в зарубежной лингвистике, так как последняя довольно поздно занялась вопросами фразеологии в целом. В русском языкознании эта проблема, касающаяся широкого или узкого понятия фразеологии, решалась двояко. Таким образом, В.Л. Архангельский [Архангельский, 1964] и А.В. Кунин [Кунин, 1996] рассматривали паремии как часть фразеологии, а Н.Н. Амосова [Амосова, 1963] и В.П. Жуков [Жуков, 1991: 9–21] исключили их из фразеологизмов. Такие свойства пословиц и поговорок, как *идиоматичность, образность, переносное значение и устойчивость грамматической формы* в течение значительного периода времени обосновывали их включение во фразеологизмы [Гаевая, 1990: 16]. К пословичным характеристикам, препятствующим объединению их с фразеологическими словосочетаниями, относились *подтекст* и *способность быть самостоятельной единицей общения*. Сюда относятся также *возможность употребления пословицы и поговорок в прямом значении*, что совершенно неприемлемо для фразеологических конструкций [Негматова, 2016: 254–258].

В настоящее время эта проблема границ паремиологии не имеет однозначного

решения и остается открытой. Вследствие этого Д.О. Добровольский полагает, что паремии теоретически могут быть причислены к фразеологии и рассматриваться как фразеологические единицы со структурой предложения. Однако на практике паремиология является самостоятельной областью гуманитарных наук [Добровольский, 2017: 199]. О.В. Ломакина [Ломакина, 2016: 8–9] рассматривает паремиологию как раздел фразеологии, а А.И. Гаевая [Гаевая, 1990] упоминает о паремиологическом уровне фразеологии. М.Ю. Котова [Котова, 2000] рассматривает паремиологию как самостоятельную область лингвистических исследований, объектом которых являются паремии в быту (пословицы, поговорки, народные афоризмы, скороговорки и др.).

Аргументы отечественных ученых, поддерживающих или отрицающих целесообразность включения пословиц и поговорок во фразеологизмы, продемонстрировали многогранность и противоречивость пословичных характеристик, их отличие от характеристик фразеологизмов и одновременно тесную связь паремий и фразеологических словосочетаний.

Хотя паремии, фразеологизмы и клише имеют некоторое сходство в употреблении, они принципиально различаются по своим значениям и коннотациям. Понимание различий между этими тремя концептами может помочь улучшить общение и избежать ошибок.

Рассмотрим определения основных понятий.

Паремия – краткое устойчивое изречение, отражающее народную мудрость, часто в форме совета или обобщённого наблюдения. Обладает автономией, может использоваться вне контекста.

Фразеологизм – устойчивое словосочетание, значение которого не выводится из суммы значений компонентов. Обладает идиоматичностью и контекстуальной зависимостью.

Клише – часто употребляемое выражение, утратившее экспрессивность и оригинальность, функционирующее как речевой стереотип.

Различия между паремиями, фразеологизмами и клише представлены в таблице 1.1.

Различия между паремиями, фразеологизмами и клише

Паремии	Фразеологизмы	Клише
Дают совет или выражают общую истину	Не следует понимать буквально	Чрезмерно используются и лишены оригинальности
Часто имеют дидактическое значение и моралистический тон	Специфичны с точки зрения культуры и менталитета	Возможно, потеряв первоначальный смысл
Легко запомнить и применять в повседневной жизни	Сложно понять не носителям языка	Возможно, употребляются, чтобы не усложнять фразу объяснениями

В целом паремии, фразеологизмы и клише играют важную роль в эффективном общении. Однако важно понимать различия между ними и использовать их надлежащим образом.

Паремии, фразеологизмы и клише – это выражения, глубоко укоренившиеся в истории и традициях культуры. Эти фразы передавались из поколения в поколение, менялись со временем и становились краеугольным камнем языка и смыслом общения.

В целом **паремии** – это короткие высказывания, основанные на народной мудрости и содержащие совет. Они часто используются, чтобы помочь людям принять решение или дать рекомендации, когда те сталкиваются с трудными ситуациями. Пословицы и поговорки отражают культурные ценности, традиции и опыт тех, кто их создал. Паремии передавались из поколения в поколение и до сих пор используются как способ преподать важные жизненные уроки.

Фразеологизмы – это выражения, смысл которых невозможно понять из буквального значения используемых слов. Они часто уникальны для определенного языка или культуры и используются для передачи конкретного сообщения или эмоции. Фразеологизмы прослеживаются с самого раннего периода человеческого общения, когда люди стали находить творческие способы описания своего опыта с помощью метафорического языка.

Клише – это словосочетания, которые использовались так часто, что утратили свое первоначальное значение. Их часто считают чрезмерно используемыми, банальными или скучными. Хотя клише, возможно, появились как уникальные или удачные выражения, но чрезмерное использование сделало их частью повседневного языка. Смысл этих выражений заключается в том, что они отражают ценности и убеждения общества.

Паремии, фразеологизмы и клише дают уникальную картину прошлого, настоящего и будущего культуры нации, дают представление об общем опыте и истории общества, а также проблемах, с которыми сталкиваются люди.

Сопоставление паремий, фразеологизмов и клише по ключевым лингвистическим признакам представлено в таблице 1.2.

Таблица 1.2

**Сопоставление паремий, фразеологизмов и клише
по ключевым лингвистическим признакам**

Признак	Паремия	Фразеологизм	Клише
Устойчивость	Высокая	Высокая	Высокая
Идиоматичность	Часто	Обязательна	Может отсутствовать
Возможность буквального смысла	Да	Нет	Частично
Автономность в речи	Да	Нет	Частично
Стилистическая маркировка	Высокая	Средняя	Низкая
Культурная специфика	Выражена	Средняя	Часто утрачена
Основная функция	Совет, мораль	Эмоциональная окраска	Речевой стереотип, экономия

Понятие «**фразеологизм**» является термином, охватывающим словосочетания, значение которых не является композиционным, т.е. не извлекается и не расшифровывается как сложение значений каждой из составных частей.

Фразеология как наука или отрасль науки не получила аналогичного развития в греческом языке.

Словари новогреческого языка дают следующие определения термина «фразеология»:

1. Фразы, которые человек выбирает для самовыражения. Способ самовыражения [Μπαμπινιώτης, 2002].

2. Набор (типичных) способов соединения слов, составления фраз или переплетения предложений в речи. Способ выражения и формулировки речи [Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής, 1998].

3. Выразительный способ или набор фраз для обучения [Τεγόπουλος-Φυτράκης, 1993].

Типы фразеологизмов в греческом языке:

– *фиксированные выражения (παγιωμένες εκφράσεις)*: их значение не извлекается из множества значений каждого компонента [Συμεωνίδης, 2000], например: «*Δάγκωσε τη λαμαρίνα*» («*Укусил металлический лист*»; значение – «*влюбиться*»);

– *семантические словосочетания (σημασιολογικοί φρασεολογισμοί)* [Μότσιου, 2012]:

а) *идиомы (ιδιωτισμοί)*, например: «*Κάναμε μαύρα μάτια να σε δούμε*» («*Почернили глаза, чтобы увидеть тебя*»; значение – «*давно не видели тебя*»);

б) *буквальные идиомы (καθαυτό ιδιωτισμοί)*, в которых связь между прямым и непрямым значениями потеряна [Μότσιου, 2012], например: «*Πιάνω στα πράσα*» («*Поймать в луке (порей)*»; значение – «*уличить в чем-то / поймать на месте преступления*»);

в) *метафорические идиомы (μεταφορικοί ιδιωτισμοί)*, т.е. метафоры [Μότσιου, 2012], например: «*Με παίρνει από κάτω*» («*Хватает меня с низу*»; значение – «*заставляет расстроиться*»);

– *ограниченные словосочетания (δεσμευμένες/περιορισμένες συμπαραθέσεις)*, т.е. фиксированные сочетания слов [Μότσιου, 2012], например: «*Δίνω προσοχή*» («*Даю внимание*»; значение – «*обращаю внимание / придаю значение*»);

– лексема (φρασεολόγημα), т.е. сочетание не менее двух слов с дифференцированным значением его компонентов [Τεγόπουλος-Φυτράκης, 1993], например: «Μετρώ τα δόντια κάποιου» («Считаю чьи-то зубы»; значение – «ударить кого-то»);

– стереотипное выражение (στερεότυπη έκφραση) – термин, который включает в себя все вышеперечисленные категории, принимаемые как синонимы [Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, 2005], например: «Μου τη δίνει» («Мне даёт»; значение – «беспокоит/нервирует/раздражает меня»);

– свободное сочетание слов (ελεύθερος συνδυασμός λέξεων): фразы, которые при конкретном использовании в определенных контекстах приобретают прямое значение, например: «Πιάνει την τούρτα και μου τη δίνει» («Он берёт торт и даёт его мне»).

Во фразеологическом фонде новогреческого языка значительное место занимают выражения, восходящие к древнегреческой мифологии. Эти единицы, устойчиво закреплённые в языке, несут в себе не только метафорическое значение, но и культурно-историческую память, играя важную роль в лингвокультурной идентичности носителей языка.

Рассмотрим некоторые из наиболее известных примеров.

Одним из таких выражений является «Το κουτί της Πανδώρας» («Ящик Пандоры»), обозначающее источник бедствий, начало множества несчастий. В основе фразеологизма лежит миф о Пандоре – первой женщине, созданной Зевсом в ответ на дерзость Прометея, укравшего огонь у богов. Пандора получила от богов ящик (или, точнее, сосуд), в котором заключались все беды и несчастья человечества. Поддавшись любопытству, она открыла его, тем самым выпустив в мир все бедствия.

Выражение «Το νήμα της Αριάδνης» («Нить Ариадны») обозначает способ, средство для выхода из сложной, запутанной ситуации. Этот фразеологизм восходит к мифу о Тесее, который смог выйти из лабиринта Минотавра благодаря нити, которую дала ему Ариадна – дочь критского царя Миноса.

Фразеологизм «*Το μήλο της Έριδος*» («Яблоко Эриды») используется в значении предмета спора, причины раздора. Источником выражения служит мифологический эпизод, в котором богиня раздора Эрида бросила на пир богов золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Спор между Герой, Афиной и Афродитой за это яблоко стал отправной точкой для последующих событий, приведших к Троянской войне.

Некоторые фразеологизмы содержат архаические элементы, утратившие активное употребление в современной разговорной речи, но сохранившиеся в устойчивых выражениях. Так, выражение «*Αχιλλείος πτέρνα*» («Ахиллесова пята») означает уязвимое, слабое место. Оно восходит к мифу об Ахиллесе, мать которого, Фетида, стремясь сделать сына неуязвимым, омыла его в водах Стикса, держа за пятку, которая и осталась незащищенной. Именно туда и была направлена смертельная стрела Париса.

Еще один яркий пример – выражение «*Δούρειος ίππος*» («Троянский конь»), обозначающее коварный план, замаскированную угрозу. Этот фразеологизм основан на эпизоде из Троянского цикла: данайцы, притворившись, что отступили, оставили у стен Трои деревянного коня с воинами внутри него. Троянцы, проигнорировав предупреждения прорицателей, внесли его в город, что и привело к их поражению.

Таким образом, мифологические фразеологизмы в новогреческом языке представляют собой не только лексико-семантические единицы, но и культурные артефакты, сохраняющие и передающие древние мировоззренческие представления, закрепляя ключевые образы и сюжеты древнегреческой мифологии в языке и сознании современных носителей.

Особенно стоит упомянуть термин «*κλιше*» (*cliché*) в отношении названия и, следовательно, содержания словаря. Почетный профессор социологии Университета штата Луизиана П. Ховард утверждает, что **клише** – это рутинные или стереотипные формы, встречающиеся во многих сферах жизни, например, в искусстве, мышлении, поведении, визуальных образах или городской архитектуре [Howard, 1984: 87–99].

Что касается лингвистического описания клише, то писатель и переводчик П. Люльсдорф определяет их как словосочетания, синтаксические конструкции и предложения, ставшие в силу очень частого употребления обычными [Luelsdorff, 1981]. На грамматическом уровне он делит клише английского языка на именные, глагольные элементы, а также на предложения. Таким образом, клише применяются в любом устойчивом словосочетании – от идиом до пословиц, то есть в любом фиксированном выражении, которое используется достаточно часто [Gramley, 1992].

Существует ещё один аспект в использовании клише. Употребляя в речи клише, человек сигнализирует о том, что он приобрёл часть социокультурной компетенции данного речевого сообщества [McKenna, 1998: 113]. Клише помогают создать в группе чувство симпатии, солидарности и доброй воли. Таким образом, они выполняют важную социальную функцию [Brook, 1981].

Чтобы системно обосновать нашу позицию, мы должны прояснить вопрос об *устойчивых выражениях*. Хотя в некоторых случаях это может быть сложно, мы пытаемся провести границы между элементами в приведенной выше схеме классификации. Для этого должны быть дополнительно сопоставлены элементы.

Пословицы и поговорки отличаются от «прагматических» идиом. Возникновение прагматических фразеологизмов определяется конкретной социальной ситуацией. В данном случае необходимо правильно понять контекст ситуации. Например, идиомы «*single*» («*единый билет*») или «*return*» («*обратный билет*») используется только в железнодорожной кассе. Паремии же не функционируют таким образом. Они используются в любом контексте. Пословицы и поговорки обобщают ситуации и дают советы в коротких, лаконичных фразах [Bertram, 1996]. Паремия, считающаяся остроумием одного и мудростью многих, представляет собой краткое и остроумное философское изречение, преподающее урок. Она заключает общепринятую мудрость в поэтическую капсулу, делая её эстетически приятной и запоминающейся [Yankah, 1989; 325–346].

Чтобы признать выражение идиомой, необходимо отделить его от других видов устойчивых выражений. Составляющие каждой идиомы не являются

семантическими составляющими или лексическими единицами; они являются формообразователями. Релевантным является повторяющийся семантический контраст, который представляет собой критерий семантической составляющей [Cruse, 1986: 26]. Объясним это через парадигму на английском языке. Если слова «*hit*» и «*rail*» противопоставят «*kick*» и «*bucket*» в выражении «*to kick the bucket*» («сыграть в ящик, умереть»), то становится ясно, что «*kick the bucket*» – это идиома. Многие идиомы имеют два значения: буквальное и идиоматическое. При понимании этих идиом только контекст может дать ключ к пониманию того, какое значение имеется в виду. Мы имеем дело с идиомой, если буквальное значение не имеет смысла с точки зрения мира, который мы знаем (выражения «*to kick the bucket*» («подшучивать над кем-либо») или «*to pull one's leg*» («тянуть ногу»)). Наконец, идиомы могут быть фонологически неправильными, поскольку они имеют непредсказуемый образец ударения [Stewart, 1991: 133].

Таким образом, паремии представляют собой уникальный тип устойчивых выражений, сочетающих в себе черты как фразеологических единиц, так и самостоятельных коммуникативных структур. Их идиоматичность, образность, структурная устойчивость и наличие глубинного подтекста позволяют отнести их к области фразеологии, однако такие особенности, как способность функционировать как автономные высказывания и возможность прямой интерпретации, выделяют паремии в особый лингвистический класс.

Несмотря на то что отечественные и зарубежные учёные предлагают различные подходы к классификации паремий, общим остается признание их высокой лингвокультурной значимости.

Проблема отграничения паремиологии от фразеологии остается открытой и требует дальнейшего комплексного осмысления с учётом современных лингвистических парадигм.

Разграничение понятий «паремия», «фразеологизм» и «клише» представляет не только теоретическую, но и практическую ценность для лингвистики, межкультурной коммуникации и преподавания языка. Углубленное понимание различий между этими понятиями способствует более точному восприятию

текста, эффективному использованию языковых ресурсов и формированию речевой компетенции носителей и изучающих язык.

1.1.4 Функции паремий в языке и культуре

Паремии позволяют выявить символические образы, значимые для представителей рассматриваемых лингвокультур. Исследование фразеологических словарей проводилось с целью изучения ценностных приоритетов и были изложены в работах Н.Ю. Нелюбовой [Нелюбова, 2019: 323–335]. Следует также отметить, что чем большее количество паремий представлено в рамках той или иной темы, тем более важную роль они играют в сознании носителей языка [Нелюбова, 2019: 223–243].

Несомненная ценность пословиц и поговорок на любом языке состоит в том, что многие из них содержат важные знания о национальной культуре. Многие паремии имеют национальную маркировку. Национально-специфические компоненты паремий, носители «культурной памяти», которые могут не иметь аналогов в других языках, называются **этнолингвистическими маркерами** [Ломакина, 2018: 303–317].

Иногда эти национально-специфические компоненты могут затруднить понимание паремий. Они отражают национальную идентичность, и их интерпретация требует определенной лингвокультурологической компетенции. Такими этнолингвистическими маркерами, в частности, могут быть **этнонимы** – названия народов и племен. Понимание значения национально маркированной паремии часто требует лингвокультурологической компетенции, поэтому при создании сборников пословиц и поговорок необходимо снабдить паремии максимально подробным лингвострановедческим комментарием [Бредис, 2019]. Но в то же время на практике большинство пословиц и поговорок имеют смысловые аналоги и фактически являются универсальными. Наряду со смысловыми аналогами существует некоторое количество паремий, общих для всех европейских языков.

Интенциональная структура паремий под влиянием дискурсивных рамок также связана с восприятием паремий [Ломакина, 2016: 42]. Коммуникативно-прагматические интенции, заложенные в паремиях, обычно сочетают в себе оценочный, дидактический смысл и практический эффект, а также могут изменяться в зависимости от дискурсивной среды [Бредис, 2020]. Паремии на своем уровне отражают социокультурный опыт, являясь его компактным накопителем, своеобразной «упаковкой» для опыта [Бредис, 2019], а также отражают стереотипные представления людей о мире. Действительно, по функциональности паремии имеют много общего с товарной упаковкой, которая защищает товар и даёт возможность потенциальному покупателю запомнить марку и принять решение о покупке. Если рассматривать социокультурный опыт как такой упакованный товар, то паремия также привлекает внимание человека, позволяет ему легко запомнить сообщение и побуждает следовать заложенным в ней правилам [Bredis, 2019: 75–92]. Как справедливо отмечает Г. Кузас, паремии не являются «музейным экспонатом» художественного народного дискурса, а имеют прямое отношение к повседневной жизни и даже могут быть неотъемлемой частью коммерческой рекламы [Kouzas, 2019: 135–154]. Кроме того, вариативность – характерная черта пословиц и поговорок; к ним можно добавлять слова, преобразовывать и сокращать их. Такие преобразования не меняют пословицы до неузнаваемости. Идиомы стали бы бессмысленными или имели бы только буквальное прочтение, если бы мы не различали их более глубокий смысл.

Дидактическое значение пословиц и поговорок определяется ценностными представлениями. Анализ паремий, проведенный Е.В. Ничипорчик [Ничипорчик, 2015] на материале русского, белорусского, итальянского и немецкого языков, подтвердил, что высшие позиции в иерархии ценностей в этих лингвокультурах занимают *семья, труд, интеллект*. К такому же выводу приходят О.В. Ломакина [Ломакина, 2018: 303–317] и В.М. Мокиенко.

Лексикографические или паремиографические принципы представления пословиц и поговорок в словарях и справочниках также не ускользнули от внимания отечественных учёных. С полным основанием можно сказать, что

основными способами, применяемыми составителями для организации паремий в словаре, являются их перечисление в алфавитном порядке, по тематической и лексической классификации или по их логической схеме [Гаева, 1990]. Основная трудность состоит в том, чтобы дать адекватное определение пословичного значения. Такая ситуация объясняется сложным характером пословичной семантики в целом, её образностью, имплицитными смысловыми оттенками и широким диапазоном потенциальных ситуаций употребления значения паремии. По этой причине составители словарей часто заменяют определение пословичного значения описанием ситуаций, в которых могут использоваться пословицы и поговорки.

В.П. Жуков изложил принципы толкования значения паремиологии, утверждая, что пословицы и поговорки требуют разного подхода в зависимости от того, имеют ли они переносное или буквальное значение [Жуков, 1991: 12–14]. О.В. Ломакина разработала методику отображения в словаре паремий и фразеологизмов, употреблявшихся Л.Н. Толстым [Ломакина, 2016: 42]. С точки зрения М.Ю. Котовой, предметом паремиографии должны быть, прежде всего, общеупотребительные пословицы и поговорки, частотность которых определяется составлением паремиологического минимума на основе социолингвистического эксперимента [Котова, 2000: 176]. В русско-славянском словаре паремии с английскими соответствиями М.Ю. Котова впервые в разноязычной паремиографии дала степень пословичной частотности в современных славянских языках [Котова, 2000: 356].

Ю.В. Николаева подчеркнула важность корпусного исследования для отслеживания часто употребляемых пословиц для включения в двуязычные словари и многоязычные словари параллелей пословиц [Николаева, 2000: 20]. Автор привела убедительные аргументы в пользу полезности корпусного метода для устранения противоречия между словарем как отражением языковой системы и словарем как текстообразующим инструментом, поскольку при таком подходе из словаря легко исключаются устаревшие пословицы и поговорки.

Стоит упомянуть анализ русских и французских паремий Н.Ю. Нелюбовой [Нелюбова, 2020: 79–88], что позволило выявить шкалу общечеловеческих ценностей количественного показателя в русском материале: *труд, семья, брак, время, ум, богатство, счастье, жизнь, мир, дружба, власть, гостеприимство, здоровье, любовь*. Также необходимо подчеркнуть высокую частотность употребления зоонимов, которые относятся к этнокультурно-маркированным пословичным образам и представляют «разные этнокультурные паремиологические коды» [Иванов, 2021: 242].

Разнообразие паремиологического фонда разных языков было описано в исследованиях устного народного творчества, однако лингвокультурологические аспекты анализа структуры и семантики паремий стали разрабатываться лишь в последние десятилетия [Whiting, 1932]. В паремиологическом фонде разных языков есть как универсальные, так и оригинальные понятия. Универсальность отражена на уровне тематической классификации паремий, а уникальность прослеживается в разных образных источниках их семантики. Лингвокультурный аспект паремиологической картины мира определяется экстралингвистическими факторами, к которым относятся *традиции и обычаи народа, его менталитет и образ жизни* [Prinz, 2005: 8–10].

Паремии – это многовековая народная мудрость, передающая в лаконичной языковой форме опыт многих поколений. Поэтому пословицы и поговорки используются для реконструкции особенности менталитета, позволяющих выявить как общие, так и конкретные черты определённого языкового сообщества. Паремии позволяют выделить неизменные свойства менталитета, так как существуют в течение длительного периода времени и имеют разную частотность употребления в языке. Пословицы и поговорки являются представителями таких важных для национальной культуры категорий, как *образ жизни, традиции, характер, привычки, внешний вид человека* [Schwarz-Friesel, 2000: 277–301].

Анализ паремий с лингвокультурологических позиций позволяет не только выявить символические образы, значимые для представителей конкретных

лингвокультур, но и реконструировать систему ценностей, стереотипов и ментальных установок, присущих тому или иному народу. Паремии выступают *хранителями культурной памяти*, а их этнолингвистические маркеры – *отражением национальной специфики*, формирующей уникальную паремиологическую картину мира.

Лингвокультурная значимость пословиц и поговорок обусловлена их способностью *передавать дидактическое, оценочное и прагматическое содержание в компактной форме*. При этом универсальность многих паремий не противоречит наличию национально-специфических элементов, а, напротив, подчеркивает общечеловеческий характер представленных в них ценностей, таких как *труд, семья, ум, честь и добродетель*.

Паремии не являются архаизмом, они сохраняют свою актуальность в современных дискурсивных практиках, включая массовую коммуникацию, рекламу и образовательные процессы. Их вариативность свидетельствует о динамике живого языка, а сложная семантическая структура требует особого внимания при лексикографическом описании.

Паремиологические единицы подобны коду. Это закон, который нельзя изменить. Принципы и правила, заложенные в обществе, закрепляются истиной. Никто не смеет нарушать эти устойчивые социальные нормы. С значением паремиологических единиц нельзя не согласиться, как нельзя игнорировать закон. Паремиологические единицы следят за соблюдением сложившихся веками принципов жизни. Эти принципы постоянно передаются от старшего поколения к более молодому поколению.

Паремиологические единицы – это небольшие высказывания, которые используются в учебных целях. Паремиологические единицы перманентно воздействуют на человека – как старшего, так и младшего. Глубокий смысл пословиц заставляет человека мыслить и ведёт его по правильному пути. Паремиологические единицы воспитывают не только подрастающее поколение, но и воспитывают всех людей определенного общества из поколения в поколение. Воспитательная сущность паремиологических единиц состоит в том, что паремия

даёт определенное мнение о конкретной ситуации. Они приветствуют или отвергают событие, которое совершилось или вот-вот должно совершиться. Соответственно, мнение слушателя, услышавшего о той или иной паремиологической единице, находится рядом с семантикой этой паремии.

Паремиологическая единица даёт эстетическое образование человеку. Учение ценить красоту труда, природы, человеческой деятельности влияет на человека, чтобы он говорил культурно, был вежливым и высоконравственным. Эстетические чувства играют важную роль в жизни человека. Эстетическому воспитанию учатся, в частности, в процессе чтения письменных произведений, где присутствуют и паремиологические единицы, позволяющие понимать их смысл и узнавать красоту мира.

Одним из ключевых отличий подобных изданий является наличие раздела «Культурологические комментарии» [Телия, 2006: 784], содержащего данные, полученные на основе глубокого анализа русских фразеологических единиц с применением методов культурологического комментирования и интерпретации.

Эти методы включают следующие направления анализа:

1) соотнесение фразеологического образа с архаическими пластами культуры – мифологией, обрядами, традициями, фольклором. Пример: «*злой язык*» – отражение анимистических представлений, где язык рассматривается как агрессивное живое существо [Телия, 2006: 238–239];

2) соответствие образа культурным кодам, представляющим тематически упорядоченные наборы объектов и явлений с присущими им культурными смыслами:

- антропный код («*братья по оружию*») [Телия, 2006: 55–57];
- соматический код («*во плоти и крови*») [Телия, 2006: 126–132];
- зооморфный код («*как рыба в воде*») [Телия, 2006, 311–312];
- артефактный код («*на ножках*») [Телия, 2006, 418–419];
- пространственный код («*вдоль и поперёк*») [Телия, 2006, 105–107];
- вестиментарный код («*получать по шапке*») [Телия, 2006: 166–168] и др.

Коды могут взаимодействовать в рамках одного фразеологизма. Например, в выражении «*отпетый дурак*» компонент «*отпетый*» соотносится с

религиозным кодом, а «дурак» – с антропным [Телия, 2006: 507–508]. Компоненты кодов могут выполнять функции символов, прототипов или стереотипов в культуре. Например, в выражении «*держат в (своих) руках*» компонент «рука» (соматический код) символизирует власть [Телия, 2006: 73];

3) установление связи между культурными кодами и видами тропов (метафора, метонимия, гиперболы, оксюморон и др.), лежащих в основе образности. Пример: «*лакомый (жирный) кусок (кусочек)*» – гастрономическая метафора, олицетворяющая объект желаний [Телия, 2006: 347];

4) функционирование фразеологизма как культурного знака – символа, стереотипа или прототипа. Пример: «*нести*», «*тащить*», «*везти на своих плечах*» – стереотип ответственности за сложные задачи [Телия, 2006: 353]; «*куриные мозги*» – культурный прототип низкого интеллекта [Телия, 2006, 343–345].

Таким образом, паремии как особый вид устойчивых высказываний обладают комплексом лингвистических характеристик, отражающих их структурную специфику, семантическую наполненность и культурную обусловленность. В английском языке паремии характеризуются синтаксической и морфологической вариативностью, реализуемой через механизмы лексической замены, вставки, усечения, грамматической трансформации и транскатегоризации, что подчеркивает их динамичную, подвижную природу. Русская фразеология, напротив, демонстрирует высокую степень семиотической и культурной насыщенности: фразеологические образы соотносятся с различными кодами культуры (антропным, соматическим, зооморфным и др.), что делает культурологический подход ключевым в её описании.

Паремии представляют собой не просто устойчивые высказывания, но и своеобразный культурный код, закрепляющий важнейшие морально-этические, эстетические и поведенческие установки общества. Их функция выходит далеко за пределы языковой: паремии играют важную роль в воспитательном процессе, формируя ценностные ориентиры, норму поведения и эстетическое восприятие мира. Благодаря своей образной природе они легко воспринимаются, запоминаются и эффективно передают социально значимую информацию от поколения к поколению.

Паремии выступают носителями неоспоримых норм, своеобразными «законами», регулирующими повседневное поведение человека, отражая коллективный жизненный опыт. Их значение не требует доказательств – они априори принимаются обществом как истина. В силу этого паремиологические единицы выполняют не только *дидактическую*, но и *нормативную, эстетическую* и *аксиологическую функции*.

Особое внимание заслуживает культурологическое комментирование паремий и фразеологических единиц, позволяющее раскрыть скрытые культурные смыслы через анализ соотнесения образов с кодами культуры: *антропным, соматическим, зооморфным, религиозным, пространственным* и др. В рамках этого подхода фразеологизмы трактуются как культурные знаки, символы, прототипы и стереотипы, что значительно расширяет их интерпретационный потенциал.

Таким образом, паремиологические единицы представляют собой многослойные семиотические конструкции, чья структурная устойчивость сочетается с глубоким содержательным наполнением. Их анализ требует не только лингвистических, но и культурологических методов, способных выявить и объяснить культурную специфику каждого выражения в его историко-социальном контексте.

1.2. Паремия как средство категоризации и концептуализации знаний о мире

При поверхностном восприятии паремии могут казаться лишь устойчивыми выражениями, украшающими повседневную речь. Однако в действительности они представляют собой сложный когнитивный механизм, участвующий в процессе концептуализации и категоризации знаний об окружающем мире.

Паремии традиционно воспринимаются как устойчивые выражения, закреплённые в культуре и передающиеся из поколения в поколение. Однако в рамках когнитивной лингвистики их можно рассматривать не просто как

элементы фольклора, а как мощный когнитивный механизм, участвующий в формировании понятийной картины мира.

Цель данного раздела – показать, что пословицы и поговорки не только отражают народную мудрость, но и играют ключевую роль в когнитивной деятельности человека, формируя понятийную картину мира, структурируя опыт и поддерживая культурную идентичность; продемонстрировать, что паремии играют ключевую роль в концептуализации и категоризации знаний об объективной реальности, формируя семантические связи между абстрактным и конкретным, отражая культурные ценности и обеспечивая когнитивную структуризацию опыта.

Когда человек воспринимает объективный мир, он не просто регистрирует факты, но и осмысливает их через когнитивные процессы концептуализации и категоризации, которые лежат в основе формирования знаний и речевой деятельности. Эти процессы рассматриваются в когнитивной лингвистике как универсальные и неотъемлемые компоненты человеческого мышления, находящие прямое отражение в языке.

Концептуализация – это процесс ментального представления и осмысления опыта, в ходе которого человек формирует концепты, то есть когнитивные структуры, интерпретирующие восприятие [Langacker, 1987]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что концептуализация во многом осуществляется через метафоры, позволяющие осмысливать абстрактное через конкретное [Lakoff, 1980]. А. Вежбицкая дополняет, что концептуализация носит культурно обусловленный характер, а язык отражает культурно специфические способы мышления и восприятия [Wierzbicka, 1997].

Категоризация – это процесс отнесения объектов, явлений и понятий к определенным ментальным концептам, структурирующим наш опыт [Rosch, 1978; Lakoff, 1980]. Согласно теории прототипов Э. Рош, категории организованы не по жёстким границам, а по степени близости к «прототипу» – наиболее типичному представителю. Лакофф подчеркивает, что категоризация также культурно и языково обусловлена и не всегда поддается формальной логике [Lakoff, 1987].

Язык при этом выполняет функцию когнитивного инструмента, позволяющего человеку систематизировать опыт через именование, метафоризацию и синтаксическую структуру.

Концептуализация и категоризация тесно связаны между собой и осуществляются одновременно: сначала формируется ментальный образ (концептуализация), затем он соотносится с определенной категорией (категоризация). Обратный путь невозможен. Таким образом, язык не просто выражает готовую мысль, но и активно участвует в её формировании, структурируя наше мышление и формируя когнитивную картину мира.

В этом контексте особенно важно отметить, что паремии – это не просто устоявшиеся высказывания, а результат и одновременно инструмент концептуализации и категоризации, отражающий коллективный опыт, ценности и нормы общества.

Во-первых, паремии способствуют концептуализации за счёт использования образов, метафор и символов. Посредством образного языка они превращают абстрактные понятия в наглядные ментальные представления, облегчая их усвоение и интерпретацию [Lakoff, 1980]. Так, пословицы и поговорки создают «когнитивные мосты» между абстрактным и конкретным. Примеры: русская паремия – «*Кто рано встает, тому Бог подает*», английская паремия – «*The early bird catches the worm*» («*Ранняя птица ловит червя*»), новогреческая паремия – «*Το αὔρι ζυπνάει τον αὔριάτη*» («*Ноша будит возчика*»). Все они концептуализируют ценность раннего начала и активного поведения, воплощая универсальное представление о вознаграждении за труд.

Во-вторых, паремии представляют собой репрезентацию социальных и культурных норм. Они отражают моральные установки, ценности и поведенческие модели, свойственные определенному сообществу [Тубалова, 2024]. Например, паремии «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*», «*No pain, no gain*» («*Нет боли – нет прибыли*»), «*Τα αὔρα κόποις κτώνται*» («*Блага приобретаются трудом*») выражают трудовую этику и идею усилия как необходимого условия для достижения целей. Таким образом, паремии

функционируют как средства когнитивной репрезентации коллективных установок.

Кроме того, паремии укрепляют социальную сплоченность, поскольку содержат культурные коды, способствующие идентификации с определенной группой [Тубалова, 2024]. Употребление паремий в устной и письменной речи усиливает чувство принадлежности и обеспечивает передачу культурного наследия между поколениями.

Паремии также выполняют важную функцию категоризации знаний о мире:

– во-первых, они обеспечивают объединение по сходству, группируя явления по общим признакам, создавая ассоциативные связи между разными концептами [Пермяков, 1979]. Например, паремия «*Молчание – золото*» (рус.), «*Silence is golden*» (англ.), «*Ἡ σιωπή είναι χρυσός*» (греч.) формирует категорию ценностных моделей поведения, ассоциируя молчание с добродетелью и сдержанностью;

– во-вторых, паремии способствуют систематизации опыта через типологизацию ситуаций. По наблюдению Г.Л. Пермякова [Пермяков, 1979], большинство пословиц основано на бинарных оппозициях («свой–чужой», «добро–зло», «ближний–далекий» и т.д.), отражающих универсальные механизмы организации опыта. Паремии, таким образом, являются признаками ситуаций или отношений, классифицируя поведенческие модели и ожидаемые реакции;

– наконец, паремии позволяют идентифицировать общие шаблоны и универсалии, актуализируя обобщённый жизненный опыт [Bruner, 1986]. Паремии типа «*Утро вечера мудренее*», «*Tomorrow is another day*» («*Завтра наступит новый день*» (греч.), «*Αύριο είναι μία καινούρια μέρα*» («*Завтра наступит новый день*» (англ.)) воплощают идею переноса решения проблем на будущее как стратегии когнитивного и эмоционального регулирования.

Таким образом, паремии представляют собой сложный когнитивный феномен, объединяющий процессы концептуализации и категоризации [Devitt, 1987]. Они функционируют как средства формирования понятий, передачи социального опыта, укрепления культурной идентичности и структурирования знаний.

Благодаря своей образности, лаконичности и устойчивости паремии выполняют роль когнитивных и социокультурных репрезентантов, актуализируя универсальные и специфические ментальные модели. Их исследование позволяет глубже понять механизмы формирования и трансляции знаний в рамках языковой и культурной систем.

Паремии представляют собой не только средство художественной экспрессии или элемент устного народного творчества, но и важный когнитивный механизм, обеспечивающий систематизацию знаний о мире. Посредством концептуализации и категоризации, реализуемых через образный язык, метафоры, символику и шаблонные структуры, пословицы и поговорки способствуют формированию и упорядочению ментальных репрезентаций. Они закрепляют социально значимые нормы, культурные традиции и коллективные представления, выражают этнокультурную идентичность и способствуют её воспроизводству. Благодаря своей лаконичной форме, универсальности и образности паремии служат эффективным инструментом межпоколенческой передачи опыта, формируя связь времен и обеспечивая преемственность культурных и моральных ориентиров в обществе.

1.3. Паремия как средство вербализации и объективации лингвокультурных концептов

Язык является зеркалом нации, несёт ключевые установки. Исследователи выделяют несколько понятий, в основе которых лежат группы сходных ценностей: *жизненные* (жизнь, здоровье, качество жизни, природная среда и др.), *социальные* (социальный статус, богатство, профессия, семья, равенство полов, личные качества человека и др.), *политические* (гражданские свободы, законность, гражданский мир и др.), *нравственные* (добро, любовь, дружба, долг, честь, порядочность и др.), *религиозные* (Бог, божественный закон, вера, спасение и др.), *эстетические* (красота, идеал, стиль, гармония и др.) [Алефиренко, 2016].

По мнению И.В. Приваловой, при изучении паремиологии наиболее ярко проявляется *культурная самобытность языкового сообщества*. Пословицы и поговорки являются экспонентами культурного знания, где происходит взаимодействие культурной и языковой семантики. Исследование паремий основано на понимании их как знаков, соотносимых по структуре со свернутым текстом и имеющих в своём содержании несколько блоков информации, охватывающих объективный и субъективный компоненты сигнификата, денотацию, оценку, мотивацию и стилистическую маркированность [Привалова, 2001: 10–16].

Пословицы и поговорки репрезентируют когнитивную обработку знаний об окружающей действительности. Они выступают как дополнительный способ языкового отражения концептуализации мира [Демьянков, 2000: 193–270].

1.3.1. Типология концептов и их объективация в паремиях

Лингвокультурный концепт представляет собой сложное ментально-языковое образование, в котором пересекаются когнитивные, культурные и языковые пласты. Он может рассматриваться как единица хранения, переработки и трансляции знаний и ценностей, значимых для конкретного лингвокультурного сообщества. По мнению Д.С. Матвеевой, концепт – «один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики. Он связан, прежде всего, с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как «дискурс», «картина мира», и др., для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в ее творениях-текстах» [Матвеева, 2010: 94–99]. А.П. Бабушкин уточняет, что концепт – это «оперативная смысловая единица мышления, отражающая культурные ценности, значимые для носителей языка» [Бабушкин, 1996: 35].

Один из основателей теории концепта в отечественной лингвистике

Ю.С. Степанов выделяет в концепте три уровня:

- 1) основной, актуальный признак, актуализируемый в языке и речи;
- 2) фоновые знания, «этноспецифичный культурный слой»;
- 3) внутренняя форма слова, связанная с историей концепта в культуре [Степанов, 2001].

В.А. Маслова подчеркивает культурную обусловленность концепта, отмечая, что «концепты существуют не просто в индивидуальном сознании, а в коллективном; они формируются в результате совместной когнитивной деятельности и закрепляются в языковых знаках» [Маслова, 2001: 49].

В.Н. Ярцева [Ярцева, 2002: 709] и Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2004] связывают концепт с когнитивными механизмами восприятия и классификации мира, подчеркивая его роль в моделировании реальности. Язык в данном случае выступает средством объективации концептов – он фиксирует, передаёт и репродуцирует их в формах речевого общения.

Концепт, таким образом, есть интерпретационная структура, соединяющая универсальные и культурно-специфические знания. Как утверждает В.И. Карасик, концепт обладает «аксиологическим ядром» и может рассматриваться как средство категоризации ценностей, идеалов и социальных норм [Карасик, 2002: 93].

Выделение чисто языковых явлений в их неразрывной связи с культурой общества в определенный исторический период породило термин «*лингвокультурная ситуация*». Этот термин, как и методика изучения лингвокультурной ситуации, предложил В.М. Шаклеин в своей монографии «Лингвокультурная ситуация и исследование текста». Автор предлагает использовать текст как материал для изучения лингвокультурной ситуации, а степень объективности анализа зависит от количества текстов, изученных исследователем [Шаклеин, 1997: 180].

При характеристике лингвокультурной ситуации важны два фактора:

- 1) *временной*: под лингвокультурной ситуацией понимается постоянно изменяющийся процесс, подготовленный предшествующими периодами и подготавливающий основу для последующих периодов;
- 2) *структурный*: лингвокультурная ситуация содержит определенное

количество социальных формаций, языков, культур [Шаклеин, 1997: 11].

Г.Г. Слышкин В.И, Карасик вводят понятие «лингвокультурный концепт», под которым понимается «многослойное образование, представляющее собой культурно маркированный когнитивный образ, репрезентируемый в языке и реализуемый в дискурсе» [Карасик, 2002; Слышкин, 2004: 78]. Логика исследования – от концепта к ценности и языковому выражению.

Изучение концептов в лингвокультурологической перспективе опирается на следующую логическую схему:

- концепт – ментальное образование, обобщающее опыт, знания и чувства;
- ценность – значимая для социума идея, закреплённая в концепте;
- языковое выражение – вербальное оформление концепта, его реализация в тексте, речи, языковой системе.

Таким образом, исследователь сначала определяет ключевой концепт, затем изучает его аксиологическое наполнение, а после анализирует языковые формы его репрезентации (лексемы, фразеологизмы, паремии, метафоры и др.). Такой подход позволяет понять, как язык отражает не только мыслительные, но и культурные установки общества.

Концепты обладают вариативностью, могут трансформироваться во времени и по-разному реализовываться в разных языках. Особенно наглядно это проявляется в паремиологии, где концепты вербализуются в сжатой форме, насыщенной культурно-ценностными смыслами.

Концепты представляют собой ментально-когнитивные единицы, в которых концентрируется культурно значимая информация и коллективный опыт этноса. В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [Карасик, 2002; Воркачев, 2003; Бабушкин, 200: 3–12] концепты рассматриваются как средства объективации картины мира и национальных ценностей в языковом сознании. Паремии как лаконичные и устойчивые формы народной мудрости являются выразительными средствами вербализации концептов, отражая как универсалии человеческой культуры, так и её этнические маркеры.

Паремии представляют собой не только устойчивые высказывания,

закреплённые в языковой традиции, но и важнейший инструмент репрезентации ценностных ориентиров и ментальных установок этноса. Через них осмысливаются базовые концепты человеческого бытия – *жизнь, смерть, труд, семья, добро, зло, честь* и др., которые часто организуются по принципу бинарной оппозиции. Эта структура – одна из ключевых в когнитивной лингвистике и этнолингвокультурологии, так как отражает универсальную склонность человеческого мышления к противопоставлению и категоризации.

Пословицы и поговорки всегда являются знаками и в то же время моделями различных типичных ситуаций и отношений между явлениями в реальной жизни. Подлинной темой любой пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная модель и даже не та или иная область человеческой деятельности, а *некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, в которых кроется смысл использования образов этой пословицы* [Пермяков, 1979].

На этом основании паремиология выделяет конструктивные типы инвариантных пар противоположных явлений:

1) противопоставление разных сторон одного предмета: *начало–конец, содержание–форма, целое–часть, верх–низ* и т.д.;

2) противопоставление физически различных предметов: *здоровый–больной, хороший–плохой, старый–новый, большой–маленький* и т.д.

В пословицах и поговорках особенно сконцентрирована система бинарных оппозиций. Каждую пословицу можно интерпретировать как выбор между двумя альтернативами.

Задача человеческого мышления – упорядочить, систематизировать мир с помощью бинарных оппозиций, определяющих универсальную логику мышления [Леви-Строс, 1999: 392.]. Изучение бинарных оппозиций вполне закономерно, поскольку деление *мужчина–женщина, муж–жена, отец–мать, брат–сестра* и т.д. имеют статус универсальных единиц и обладают высоким коннотативным потенциалом.

Следует отметить, что бинарные оппозиции состоят из двух частей.

В биноме «*мужчина–женщина*» расположение лексемы «*женщина*» в правой части оппозиции в некоторых случаях свидетельствует о том, что женщина в патриархальном обществе изначально имеет более низкий гендерный статус по сравнению с мужчиной. Это подтверждается и с этимологической точки зрения [Juraeva, 2022: 208–212.].

Одной из наиболее частых бинарных оппозиций является дихотомия «*муж–жена*». Такие пословицы и поговорки существуют во всех трёх рассматриваемых языках: «*Γομάρι χωρίς καλίστρι και γυναικα χωρίς άντρα δε ζαλώνονται (πειθαρχούνται)*», («*Осёл без узды и женщина без мужчины не повинуются*» (греч.)); «*An excellent wife is the crown of her husband, but she who shames him is as rottenness in his bones*» («*Добродетельная жена – корона мужа, а бесстыдная – как гниль в его костях*» (англ.)); «*Муж и жена – одна сатана*» (рус.).

В паремиях обращают на себя внимание гендерные оппозиции о неразлучности супругов: «*Γυναικα χωρίς άντρα, πλοίο χωρίς τιμόνι*» («*Женщина без мужчины, как корабль без руля*» (греч.)); «*For the husband is head of the wife, as also Christ is head of the church*» («*Муж – глава для жены, как Христос – глава Церкви*» (англ.)); «*Без мужа жена всегда сирота*» (рус.). Данные паремии подчеркивают неразрывность и невозможность существования жены без мужа.

Пословичные выражения показывают, что семейная жизнь может быть наполнена как положительными, так и отрицательными моментами. Пословицы и поговорки о рукоприкладстве свидетельствуют о том, что в патриархальной семье женщина занимала бесправное положение. Муж мог избить жену, и такие действия супруга оценивались как жизненная норма: «*Δείρε τη γυναικα σου κι аз μην ξέρεις γιατί, αυτή ξέρει*» («*Бей свою жену, даже если ты не знаешь, почему она это знает*» (греч.)); «*Certain women should be struck regularly, like gongs*» («*Некоторых женщин следует бить регулярно, как бьют в гонг*» (англ.)); «*Люби жену, как душу; трясси её, как грушу*» (рус.).

Противопоставление «*отец–мать*» также занимает высокое место по частоте в бинарных оппозициях. Анализируемая бинарная оппозиция фиксирует отношение к воспитанию детей, роль отца и матери в нем: «*Η μάνα τάζει τα*

προικιά, πατέρας τα χωράφια» («Мать даёт приданое, отец – землю» (греч.)); «*Wise children make their fathers proud of them, foolish ones bring their mothers grief*» («Мудрые дети заставляют отцов гордиться ими, глупые приносят горе своим матерям» (англ.)); «*Отец – твой лук, мать – чеснок, как же ты оказалась розой?*» (рус.).

Кроме того, очень важно присутствие матери в жизни ребенка: «*Ρώτησαν το μούλαρι ποιός είναι ο πατέρας σου. Η φοράδα είπε είναι η μάνα μου*» («Спросили мула, кто твой отец. Он сказал, что его мать – кобыла» (греч.)); «*A world without a mother's care is a world with a missing piece*» («Мир без материнской заботы – это мир, в котором недостает одной части» (англ.)); «*Без отца – пол сироты, а без матери – вся сирота*» (рус.).

Индивидуализм против коллективизма – одна из четырех пар противоположных ценностей, определенных нидерландским социологом Г. Хофстеде, предложившим совокупность показателей, определяющих культурные характеристики различных народов [Hofstede, 1980]. Это зависит от отношения к людям как к автономным или как к включённым в социальные группы [Schwartz, 1994: 85–117]. Он определяет то, как люди живут вместе, их идеи и убеждения, а также то, как они общаются вербально и невербально. Хотя существует множество аспектов различия культур, внимание как кросс-культурных исследователей, так и психологов во всем мире постоянно привлекает противопоставление «*индивидуализм–коллективизм*». Самое важное, что нужно понять о носителях английского языка, – это, вероятно, их преданность индивидуализму, который был воспринят как благословение и возведен в статус национальной религии. То, что принцип личного начала высоко ценится в Соединенных Штатах, можно увидеть во всей их культуре, фактически во всех аспектах социальной и личной жизни – от религии до образования и политики. По сути, индивидуализм относится к широким ценностным тенденциям культуры, подчеркивающим важность индивидуальной идентичности над групповой, индивидуальных прав над групповыми и индивидуальных потребностей над групповыми [Ting-Toomey, 2007: 376]. Следовательно, развитие собственных

возможностей, личных стремлений и интересов, а также индивидуальных прав имеет первостепенное значение. «Я» действует как оперативная единица и как «лакмус-контроль» поведения. В профессиональной области в основном преследуются личные интересы и достижения в карьерных целях [Bellah, 1985: 27–39]. Индивидуальные достижения вознаграждаются и ценятся в обществе. Хотя у носителей английского языка есть понятие «групповой» или «командной» принадлежности, оно отличается от коллективистских культур.

Полностью приверженные цели команды, отдельные лица также будут использовать участие в группе для личного продвижения, демонстрации своих собственных талантов. Как только группа перестает служить конкретной цели человека, наступает время прекратить ассоциацию и перейти к следующей возможности без каких-либо условий: *«no strings attached»* («без связанных нитей») [Teague, 2023]. Некоторые паремии, которые часто можно услышать среди носителей английского языка, отражают их приверженность индивидуализму: *«You'll have to decide that for yourself»* («Ты должен решить это сам»); *«If you don't look out for yourself, no one else will»* («Если ты не позаботишься о себе, никто другой этого не сделает»); *«Be your own best friend»* («Будь себе лучшим другом»); *«Stand on your own two feet»* («Встань на ноги»).

Индивидуализм также отражается количеством слов, которые образуются с помощью приставки *self-* (само-). Чтобы проиллюстрировать это, можно найти в любом стандартном словаре английского языка более 100 таких слов, например: *self-confidence, self-made, self-educated* и т.д.

Термин «индивидуализм» был введен французским политическим деятелем Алексом де Токвилем в его исследовании «Демократия в Америке», впервые опубликованном в 1835 г. Но именно Б. Франклин олицетворял ранний американский индивидуализм в своих трудах и предположил, что *«God helps those who help themselves»* (букв.: «Бог помогает тому, кто сам себе помогает») [Stewart, 1991, 133]. Причин личного начала, вероятно, является самой основной из всех американских ценностей (основной ценностью), но американцы часто называют его «свободой». Эта основная ценность настолько велика, что из неё

вытекают многие другие императивные американские ценности: равенство, инициатива, независимость, уверенность в себе, конкуренция и перемены, и это лишь некоторые из них. А такие ценности, как индивидуализм, ориентация на действия, ориентация на будущее, мужество и т.д., частично связаны с христианством, которое является доминирующим мировоззрением в Америке [Samovar, 2004].

Вот несколько английских пословиц, которые подтверждают важность этих ценностей: «*He who runs alone will win the race*» («*Выигрывает гонку тот, кто бежит один*»); «*If you want something done well, then do it yourself*» («*Если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, делай его сам*»); «*Lightning never strikes twice in the same place*» («*Молния не бьёт дважды в одно и то же место*»).

Носители русского языка в целом положительно относятся к коллективизму. Слова, связанные с понятием индивидуализма, включают термины, которые ассоциируются с негативными сторонами личности человека, а именно: эгоизм, одиночество и «эго».

Носители русского языка также связывают индивидуализм с имущественными отношениями: собственник, собственность и собственный. Это соответствует ожиданиям, поскольку отношения собственности и противоположные понятия личной и коллективной собственности были центральными в советской идеологии [Field, 2006]. Владение богатством часто демонизировалось и ассоциировалось с эгоизмом, игнорированием коллективного блага или даже связывалось с преступными предприятиями [Ledeneva, 1998]. Таким образом, русскому пониманию индивидуализма могут соответствовать как отрицательные личностные качества, так и концепция личной собственности.

В русских пословицах часто подчеркивается (иногда односторонне) *поддержка, альтруизм, дружба и взаимопомощь*. Значение взаимозависимости в российском обществе невозможно переоценить; десятилетия материальной нехватки увеличили зависимость людей друг от друга и от их социального окружения.

Приведем несколько примеров из русской пословицологии: «*Одной рукой и*

узла не завяжешь»; *«Хорошая нива только у коллектива»*; *«Один палец – не кулак»*; *«Семеро одного не ждут»*; *«Одна голова – хорошо, а две – лучше»*.

Что касается менталитета носителей греческого языка, *этика* (от греч. *ἦθος*) означает нрав, обычай, науку о морали. Ещё Аристотель ввел термин «этика» для выделения особого класса человеческих качеств, таких как доброта, мужество, умеренность, великодушие и др., которые существенно отличаются от человеческой логики [Parouli, 2019: 921–934]. Первоначальное значение слова «*ἦθος*» определялось как «разделяемые и генерируемые обществом правила, нормы, объединяющие это общество и преодолевающие индивидуализм» [Santas, 1996: 59–80].

Поскольку многие пословицы и поговорки являются поэтическими и традиционными, они часто передаются в фиксированных формах. Хотя разговорный язык может меняться, многие пословицы часто сохраняются в консервативном, даже архаичном виде. Консервативная форма сохраняет метр и рифму, например: «*Φιλότης ἰσότης*» (транскрипция: филотис исотис; букв.: *«Равенство – это дружба»*).

Этот консервативный характер пословиц и поговорок может привести к сохранению архаичных слов и грамматических структур в отдельных пословицах, как это было широко задокументировано в греческом языке [Lazaridis, 2007, 72].

Приведем несколько примеров из греческой паремиологии: «*Ένας κούκος δεν φέρνει την άνοιξη*» («*Одна ласточка весны не делает*»); «*Βάστα με να σε βαστώ να ανεβούμε στο βουνό*» («*Держись за меня, я буду держаться за тебя, чтобы мы могли подняться на эту гору*»); «*Η ισχύς εν τη ενώσει*» («*В единстве сила*»).

Паремии отражают не только универсалии мышления, но и специфику ценностных установок конкретной культуры. Так, для русской паремиологической системы характерна установка на коллективизм, взаимную поддержку и осторожное отношение к индивидуальной инициативе. Англоязычные пословицы, напротив, подчеркивают индивидуализм, личную ответственность и инициативу. Греческие паремии демонстрируют баланс между коллективными традициями и ироничной дистанцией по отношению к

социальным ролям.

Наконец, через паремии проявляется менталитет – совокупность глубинных культурных установок и ценностей, передающихся из поколения в поколение. В русской традиции подчеркивается коллективная солидарность («*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*»), в английской – прагматизм и ориентация на результат («*Actions speak louder than words*» – «*Действия говорят громче слов*»), в греческой – синтез прагматизма, иронии и уважения к традиции («*Ὅποιος δὲν θέλει να ζυμώσει, δέκα μέρες κοσκινίζει*» – «*Кто не хочет месить, десять дней сеет*»). Таким образом, паремии выполняют не только коммуникативную, но и когнитивно-культурную функцию, фиксируя в языке способы структурирования опыта, социальные роли и ментальные приоритеты.

1.3.2. Паремии как форма вербализации лингвокультурных концептов

Паремии представляют собой особый вид языковых единиц, в которых культурные и ценностные представления народа выражаются в сжатой, лаконичной форме. Они являются носителями «культурной памяти» [Степанов, 2001: 824], аккумулируют в себе аксиологические установки, нормы и модели поведения, значимые для того или иного языкового сообщества. В рамках лингвокультурологии паремии рассматриваются как вербальные репрезентанты концептов – ментальных сущностей, отражающих ценности, нормы, обычаи и коллективные представления [Слышкин, 2004; Карасик, 2002; Бабушкин, 1996].

Паремии, функционируя как когнитивные схемы, структурируют и концептуализируют жизненный опыт народа, отражая как универсальные ценности (*дружба, семья, доброта*), так и культурно-специфические установки, укорененные в этническом мировидении. Например, греческие паремии часто акцентируют значение гостеприимства как культурного концепта: «*Για πολλούς μαγειρεύει και για λίγους στρώνει*» (букв.: «*Готовь на многих, а накрывай на немногих*»), что подчеркивает уравновешенное отношение к гостеприимству – важной добродетели в греческой культуре. В английском языке культурная доминанта

вежливости и сдержанности отражена в пословице «*Better good manners than good looks*» (букв.: «*Лучше хорошие манеры, чем хорошая внешность*»). В русской паремийной традиции, напротив, отражается склонность к мистическому мышлению, выраженная в пословице «*Соль просыпать – к слезам*».

Для отбора и анализа зоонимических паремий были использованы как специализированные паремиологические словари, так и корпусные ресурсы, что обусловлено следующими соображениями:

– авторитетность и научная достоверность. Основу исследования составляют признанные в научной среде паремиологические и фразеологические словари, поскольку они прошли редакторскую и научную экспертизу, обеспечивают достоверную фиксацию устойчивых выражений и содержат комментарии по употреблению;

– репрезентативность и полнота материала. Словари и сборники паремий охватывают широкий спектр региональных и тематических вариантов, что позволяет выявить повторяющиеся аксиологические доминанты и типичные зоонимы в греческой паремиологии;

– корпусные источники. При использовании цифровых корпусов обеспечивается доступ к живым контекстам употребления паремий, их вариативности и современному функционированию. Это особенно ценно при исследовании изменений аксиологических смыслов;

– критерии отбора. Отбор паремий осуществлялся по следующим критериям:

а) наличие зоонима (лексемы, обозначающей животное);

б) устойчивость выражения (наличие в более чем одном авторитетном источнике);

в) наличие аксиологической нагрузки (мораль, оценка, предписание поведения);

г) частотность или узнаваемость (по данным словарей и корпусов).

Таким образом, выбор источников продиктован необходимостью обеспечить как лексическую точность, так и культурную и аксиологическую

глубину анализа.

Для формирования репрезентативной базы исследования были выработаны чёткие критерии включения и исключения паремий с компонентом-зоонимом, отражающие целевую установку на аксиологический и лингвокультурный анализ.

Критерии включения:

- *наличие зоонима* – в состав паремии должен входить лексический элемент, обозначающий животное;
- *семантическая завершенность* – в выборку включались только устойчивые выражения, обладающие самостоятельной смысловой нагрузкой, а не фрагменты;
- *аксиологическая маркированность* – приоритет отдавался паремиям, содержащим явную или имплицитную оценку поведения, качеств или ситуаций (например, моральные, поведенческие, этические ориентиры);
- *фольклорная или устойчивая культурная закреплённость* – отбирались паремии, признанные частью языкового и культурного наследия, зафиксированные в авторитетных паремиологических сборниках, словарях и корпусах;
- *наличие культурной репрезентативности* – в предпочтение включались те единицы, которые демонстрируют культурно значимые символы животных и имеют устойчивую коннотацию в массовом сознании.

Таким образом, в пословицах и поговорках кодируются аксиологемы – языковые знаки, репрезентирующие культурные ценности. При этом семантическое ядро паремий позволяет сгруппировать их по следующим концептам: «*семья*», «*дружба*», «*здоровье*», «*любовь*», «*мудрость*», «*материальное и духовное благополучие*» и др. Это делает паремии важным инструментом анализа языковой картины мира.

Например, концепт «*семья*» выражается в паремиях всех трех языков, хотя его лингвокультурное наполнение может варьироваться: «*Αδέρφια ενωμένα, σπίτια ευτυχισμένα*» (букв.: «*Когда братья дружны, в доме счастье*» (греч.)); «*Blood is thicker than water*» (букв.: «*Кровь гуще воды*» (англ.)); «*В семье разлад – так и*

дому не рад» (рус.). Эти паремии конвергентны в плане аксиологии: во всех случаях подчеркивается значимость семейных уз, однако степень эмоциональности и образности различается.

Концепт «доброта» также реализуется в сопоставимых, но разнооценивающих формах: «*Η μεγάλη καλοσύνη είναι και μπουνταλοσύνη*» (букв.: «*Великая доброта – великая глупость*» (греч.)); «*Better is the enemy of good*» (букв.: «*Лучшее – враг хорошего*» (англ.)); «*Про доброе дело говори смело*» (рус.). Здесь прослеживается различие в культурной интерпретации альтруистических поступков: в греческой и английской паремиях акцент делается на прагматизме, в русской – на открытом проявлении добродетели.

Концепт «дружба» в трех культурах является позитивной и поддерживающей ценностью: «*Δείξε μου το φίλο σου, να σου πω ποιος είσαι*» (букв.: «*Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты*» (греч.)); «*A friend's eye is a good mirror*» (букв.: «*Глаз друга – хорошее зеркало*» (англ.)); «*Где дружба и совет – там и свет*» (рус.).

При этом необходимо учитывать и случаи культурно обусловленной идиоэтнической образности, когда интерпретация пословицы невозможна без знания национальных традиций или мифологем: «*Μας πουλάει φύκια για μεταξωτές κορδέλες*» (букв.: «*Продаёт водоросли под видом шёлковых лент*», т.е. обманывает (греч.)); «*Evil be to him who thinks it*» (букв.: «*Зло – к тому, кто думает о зле*» (англ.)); «*Каков Мартын, таков и алтын*» (метафорическое осуждение с элементами культурного контекста (рус.)).

Таким образом, паремии выступают формой коллективного когнитивного опыта, где национально-культурная специфика сочетается с универсалиями человеческого мышления. Они представляют собой своеобразный код культурной памяти, в котором зафиксированы социальные, этические и историко-культурные реалии. В каждом языке они представляют уникальный сплав образного мышления, метафорической репрезентации и аксиологической ориентации, передавая не только знания, но и модели поведения, эмоционально-нравственные оценки и традиции.

Выводы по первой главе

В ходе проведенного исследования подтверждается значимость паремий как устойчивых языковых единиц, играющих ключевую роль в объективации и репрезентации лингвокультурных концептов. Паремии с компонентами-зоонимами выступают не просто фольклорными или дидактическими высказываниями, а являются сложными культурно-семиотическими структурами, через которые передаются и фиксируются в языке универсальные и локальные культурные ценности, нормы и установки.

Паремии выполняют функцию культурных кодов, позволяющих в сжатой и метафорической форме отражать ключевые для сообщества идеи и концепты. В частности, использование зоонимов в составе паремий служит механизмом символической отнесенности человеческих качеств и социальных ролей к определенным животным, что обеспечивает усиление выразительности и запоминаемости высказывания. Через образные конструкции с зоонимами закрепляются и передаются концепты, связанные с интеллектом, силой, моралью и социальным поведением, выступая в роли своеобразного «ментального отражения» культурных ценностей.

Паремии с зоонимами являются языковыми средствами, посредством которых происходит конденсация и объективизация многоплановых лингвокультурных концептов, интегрируя лингвистический, когнитивный и культурный уровни анализа. Это позволяет рассматривать паремии как неотъемлемый компонент культурной памяти и коллективного сознания народа.

На основании корпусного и сравнительно-лингвистического анализа выявлены основные типологические признаки, позволяющие классифицировать паремии с зоонимами по нескольким параметрам, отражающим семантические, структурные и функциональные особенности в каждой из исследуемых языковых традиций.

По аксиологической направленности (ценностной нагрузке) паремии делятся на:

– *положительные*, содержащие зоонимы, символизирующие положительные черты (*ум, сила, преданность, справедливость*). Например, в греческом языке образ «**СОВЫ**» часто ассоциируется с *мудростью*, в английском «**ЛЬВА**» – с *храбростью и силой*, в русском языке «**ВОЛК**» иногда выступает как символ *хитрости и выживания*;

– *отрицательные*, отражающие негативные характеристики (*леность, трусость, лицемерие, злобу*), где животные выступают в роли метафор для осуждения или предупреждения.

По типу метафорической концептуализации различают:

– *антропоморфные паремии*, в которых животные персонифицируют человеческие качества и поведение, формируя прямую аналогию между животным образом и социальным или нравственным качеством человека;

– *ситуативные паремии*, описывающие определенные жизненные ситуации или социальные сценарии, где зооним выступает знаковым элементом контекста.

По синтаксической структуре выделяют:

– *простые конструкции* – короткие, чаще односложные выражения, обладающие высокой ритмической и фонетической организацией, что характерно для греческих и русских паремий;

– *сложные конструкции* – двусоставные или с придаточными частями, более распространенные в английских устойчивых выражениях; демонстрируют большую вариативность и синтаксическую сложность.

По коммуникативной функции паремии делятся на:

– *дидактические*, направленные на нравственное обучение, формирование социальных норм и правил;

– *критические и иронические*, выражающие оценочные суждения, осуждение или насмешку;

– *нейтральные*, содержащие обобщенные утверждения, не имеющие ярко выраженной эмоциональной окраски.

По культурно-языковым особенностям:

– в греческом языке паремии с зоонимами часто обладают выразительной бинарной структурой, богаты поэтическими средствами (рифмой, аллитерацией), а их семантика тесно связана с мифологическими и историко-культурными архетипами;

– английские паремии характеризуются вариативностью и адаптивностью, что связано с широким распространением и диффузией фразеологизмов в различных англоязычных диалектах и культурных контекстах;

– русские паремии отличаются большей фиксированностью формы с акцентом на морально-этические оценки и народно-бытовую символику.

В целом предложенная классификация позволяет комплексно описать типологические характеристики паремий с зоонимами и выявить особенности их функционирования в разных языках и культурах, что способствует более глубокому пониманию механизмов лингвокультурной репрезентации и обогащает теоретическую базу исследований в области фразеологии и культурной лингвистики.

ГЛАВА 2. ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В ГРЕЧЕСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Употребление пословиц и поговорок в повседневной жизни наглядно демонстрирует, что фольклор представляет собой не статичную, а глубоко динамичную систему. Жизнеспособность паремий проявляется как в сохранении традиционных выражений: «*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*», «*A rolling stone gathers no moss*» («*Катящийся камень мха не собирает*»), так и в появлении новых формул, соответствующих духу времени: «*You snooze, you lose*» («*Если задремал, проиграл*») или ироничное: «*Ворчание – знак согласия*» (вместо «*Молчание – знак согласия*»). Эти устойчивые конструкции легко адаптируются к новым ситуациям общения и служат средством отражения культурных установок – от самых возвышенных до иронично-бытовых. Они могут быть предельно краткими («*Любовь слепа*», «*Money talks*» («*Деньги говорят*»)) или многословными и ритмически организованными («*Дуракам закон не писан, если писан – то не читан, если читан – то не понят, если понят – то не так*»). Посредством паремий фольклор отражает и структурирует человеческие ценности, нормы, социальные представления от возвышенных до обыденных и даже маргинальных. Паремии обобщают жизненный опыт, служат выразителями народной мудрости, но при этом сохраняют актуальность в меняющемся культурном пространстве.

Несмотря на кажущуюся простоту, паремии представляют собой сложный феномен. Их определение и классификация до сих пор вызывают споры в научном сообществе. Люди легко приводят примеры пословиц, но редко могут точно сформулировать их признаки. На протяжении столетий ученые предлагали сотни определений, подходов и классификаций. Напомним, что в рамках данной работы паремии рассматриваются как устойчивые фразеологические

конструкции, обладающие экспрессивностью, воспроизводимостью и высокой когнитивной нагрузкой. Они выполняют как коммуникативную, так и культурно-регулятивную функцию и оказывают влияние на восприятие социальной реальности.

Особый интерес представляет группа паремий с зоонимами – наименованиями животных, которые функционируют как культурные метафоры, отражающие черты человеческого характера, модели поведения, социальные роли и ценностные ориентиры. Зоонимы становятся своеобразными аксиологическими маркерами, поскольку в их образах закодированы представления о добре и зле, разуме и глупости, силе и слабости, верности и предательстве. Отметим также, что оценочная нагрузка зоонима варьируется в зависимости от культурной традиции, что делает такие паремии особенно ценными для сопоставительного анализа.

Из достаточно разнообразного круга семантических кодов, используемых в пословицах и поговорках, зооним выступает как один из ключевых. В настоящем исследовании под **зоонимом** понимается номинативное обозначение животного по его принадлежности к определенному биологическому классу. Зоонимы в языке занимают важное место не только как наименования, но и как носители символических и культурных значений, отражающих мировоззренческие установки народа. В контексте паремий они приобретают метафорическое значение, становясь средствами выражения народной мудрости и этнокультурных стереотипов. Как подчёркивают исследователи, зоонимы не просто указывают на представителей животного мира, но и активируют образы, связанные с поведенческими и психологическими чертами, интерпретируемыми с точки зрения народной морали [Бойко, 2008: 94–97; Сутормина, 2012: 94–97].

Так, образ **лисы** традиционно соотносится с хитростью и манипулятивностью, **собаки** – с верностью или предательством, **совы** – с мудростью. Эти ассоциации, будучи устойчивыми в коллективной памяти, закрепляются в языке через фразеологические формы. Зоонимы становятся культурными кодами, встроенными в структуру пословиц, поговорок, афоризмов

и крылатых выражений. Их анализ позволяет выявить как универсальные элементы концептуализации человеческого опыта, так и национально-специфические особенности мировосприятия, присущие различным лингвокультурам [Бадмаева, 2022: 2251–2257; Герасимова, 2022; Онуфриева, 2021: 34–43; Малкова, 2019: 137–142; Елгешина, 2023: 117; Захарова, 2013].

Актуальность аксиологического подхода заключается в том, что он позволяет выявить глубинные установки коллективного сознания, зафиксированные в языке. Паремии с компонентом-зоонимом выступают в этом контексте как знаки этнокультурной идентичности, в которых закреплены ключевые категории мировоззрения. Именно через них язык транслирует национальную систему ценностей, превращая зоонимы в своеобразные аксиологические маркеры культуры.

Основная задача данной главы – исследовать аксиологическое пространство паремий с компонентом-зоонимом в новогреческом, английском и русском языках, выявить универсальные и культурно-специфические элементы в оценке образов животных, а также проанализировать, каким образом через эти образы репрезентируются ценностные категории национальной лингвокультуры.

2.1. Структурно-семантические особенности паремий

с компонентом-зоонимом

Исследование аксиологического содержания паремий невозможно без анализа их формальной организации, поскольку именно структура высказывания способствует актуализации определенных ценностных смыслов. Синтаксическая модель, тип высказывания, порядок слов, наличие параллелизмов, имплицитных противопоставлений и устойчивых глагольных конструкций – всё это не только придаёт паремии выразительность, но и «направляет» её интерпретацию. Таким образом, формальные характеристики пословиц с зоонимами являются неотъемлемой частью их аксиологического потенциала.

В данном разделе рассматриваются ключевые синтаксические конструкции и модели, в которых функционируют зоонимические компоненты, на материале новогреческого, английского и русского языков.

2.1.1. Структурные модели паремий с зоонимом

Формальная структура паремии играет важную роль в передаче её аксиологического содержания. Повторяющиеся синтаксические модели, характерные для пословиц с компонентом-зоонимом, способствуют воспроизводимости и запоминаемости, усиливают метафорическое и дидактическое воздействие фразеологизма. Эти модели формируют некий каркас, через который народная мудрость получает узнаваемую форму.

На материале новогреческого, английского и русского языков можно выделить несколько наиболее типичных конструкций, активно используемых в паремиях с зоонимами. Эти конструкции выражают универсальные коммуникативные интенции – предостережение, оценку, моральное наставление – и формируют синтаксико-прагматическое ядро паремиологической системы.

1. Отрицательные конструкции: Negation / Negative contraction + noun + verb. Данная структура типична для выражения запрета, предостережения или указания на абсурдность определенного действия:

– примеры на греческом языке: «*Μην ψαρεύεις σε θολά νερά*» – «Не лови рыбу в мутной воде»; «*Μην αγοράζεις γουρούνι στο σακί*» – «Не покупай свинью в мешке»; «*Μην ξυπνάς το σκυλί που κοιμάται*» – «Не буди спящую собаку»;

– примеры на английском языке: «*Don't teach fish to swim*» – «Не учи рыбу плавать»; «*Don't teach the dog to bark*» – «Не учи собаку лаять»; «*Don't teach the cock to crow*» – «Не учи петуха кукарекать»; «*Don't teach a hen to cluck*» – «Не учи курицу кудахтать»; «*Don't teach a serpent to hiss*» – «Не учи змею шипеть»;

– русские примеры: «Не учи щуку плавать»; «Не учи собаку лаять»; «Не гони лошадей»; «Не суй нос не в своё дело»; «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь».

2. Каузативная конструкция с инфинитивом: Causative verb + animate noun + infinitive/goal-oriented verb + object / Каузативный глагол + одушевленное существительное + инфинитив + объект действия. Эта конструкция описывают ситуации, в которых субъекту поручается действие, противоречащее его природе или интересам. Возникает семантическое несоответствие между исполнителем (например, хищник) и действием (охрана жертв), что создает ироничный эффект и одновременно выражает оценку: нелепость, абсурдность, моральную ошибочность происходящего. Такой тип структур служит формой социальной критики или обобщения негативного опыта:

– примеры на греческом языке: «*Βάλανε την αλεπού να φυλάει τις κότες*» – «Поставили лису оберегать кур»; «*Βάλανε το λύκο να φυλάει τα πρόβατα*» – «Поставили волка охранять овец»; «*Βάλανε το λύκο να φυλάζει το μαντρί*» – «Поставили волка стеречь загон»;

– примеры на английском языке: «*You can lead a horse to water, but you can't make it drink*» – «Можно подвести лошадь к воде, но нельзя заставить её пить»; «*Spare the rod and spoil the child*» – «Щадишь розгу – портишь ребенка»; «*Teach a man to fish, and you feed him for a lifetime*» – «Научи человека ловить рыбу, и он будет сыт всю жизнь»;

– русские примеры: «Заставь дурака Богу молиться – он лоб расшибет»; «Научи дурака молиться – он лоб расшибет»; «Пусти козла в огород – он всю капусту съест».

3. Императивные конструкции: Imperative verb + noun + (possessive pronoun) + noun. Эти конструкции несут нравоучительный или регулирующий характер, подчёркивая границы дозволенного поведения:

– примеры на греческом языке: «*Πάρε την τύχη στα χέρια σου*» – «Возьми судьбу в свои руки»; «*Βάλε το μυαλό σου να δουλέψει*» – «Заставь свой ум работать»; «*Μάζεψε τα λόγια σου*» – «Следи за своими словами»;

– примеры на английском языке: «*Let every man skin his own eel*» – «Пусть каждый сам сдирает кожу с угря»; «*Let every pig dig for himself*» – «Пусть каждая свинья копает для себя»; «*Let every sheep hang by its own shank*» – «Пусть каждая овца висит на собственной ноге»;

– русские примеры: «*Всяк сверчок знай свой шесток*»; «*Знай кошка своё лукошко*»; «*Знай ворона своё гнездо*»; «*Не суйся со своим уставом в чужой монастырь*».

4. Конструкции с параллелизмом: структуры, основанные на ритмическом повторе или логическом противопоставлении:

– примеры на греческом языке: «*Ὅποιος ἔχει τὴ μύγα, μωιάζεται*» – «*У кого муха на голове, тот пусть и беспокоится*»;

– примеры на английском языке: «*When the cat's away, the mice will play*» – «*Без кота мышам раздолье*»;

– русские примеры: «*Собака лает – ветер уносит, а караван идет*».

Таким образом, можно заключить, что анализ синтаксических моделей паремий с компонентом-зоонимом в новогреческом, английском и русском языках позволяет выделить несколько устойчивых конструктивных схем – отрицательные высказывания, императивные конструкции, каузативные структуры с инфинитивом, а также предложения с параллелизмом. Эти формальные модели не являются нейтральными: напротив, они играют важную роль в актуализации оценочных и морально-нормативных смыслов, заложенных в паремиях.

Так, отрицательные конструкции акцентируют невозможность, абсурдность или неуместность определенных действий, апеллируя к здравому смыслу и жизненному опыту. Императивные формы выражают прямые или ироничные предписания, репрезентируя социокультурные ожидания относительно поведения человека. Каузативные конструкции с инфинитивом выявляют логический и моральный парадокс – когда субъекту вменяется несоответствующее действие, которое используется как средство социальной критики. Наконец, структуры с параллелизмом усиливают выразительность высказывания и облегчают восприятие за счёт симметрии и повторов.

Сравнительный анализ демонстрирует, что, несмотря на языковые различия, все три системы используют сходные синтаксические механизмы для передачи базовых аксиологических ориентиров, такие как осуждение глупости, лжи, самонадеянности, а также утверждение рациональности, умеренности и порядка.

Синтаксис в поговорках с зоонимами, таким образом, не просто оформляет мысль, а структурирует народную мудрость, усиливает акценты и задаёт определенный ритм оценочному суждению.

2.1.2. Выражение оценочной семантики при помощи глаголов в поговорках с компонентом-зоонимом

Глагол в составе поговорки определяет не только структуру, но и семантическое ядро высказывания [Кацюба, 2007; Кацюба, 2007а]. Именно глагол задаёт действие, которое либо направлено на зооним, либо связано с ним, и тем самым формирует или усиливает ценностную интерпретацию ситуации. В поговорках с компонентом-зоонимом глагол чаще всего маркирует поведенческий, нравственный или ментальный акт, подлежащий оценке, через одобрение, осмеяние, запрет, поучение или иронию.

Среди глаголов, используемых в составе поговорок с компонентом-зоонимом, можно выделить ряд семантических групп, каждая из которых участвует в формировании аксиологической оценки описываемого действия, состояния или поведенческого сценария. В отличие от синтаксических моделей, описанных выше, здесь внимание сосредоточено не столько на грамматической функции глагола, сколько на его семантической роли – какой тип действия он обозначает и какие культурные смыслы через него транслируются.

Для анализа были отобраны наиболее репрезентативные глаголы, регулярно встречающиеся в составе поговорок с зоонимами в новогреческом, английском и русском языках. Их выбор основан не только на формальном критерии, но и на типичности обозначаемой ситуации – питания, сна, передвижения, восприятия, обладания, взаимодействия, а также на их потенциале для выражения оценки, морали, насмешки или философского наблюдения. Эти типы действий являются универсальными, лежат в основе когнитивного и поведенческого опыта и широко репрезентированы в поговорковом материале [Степанов, 2001; Карасик, 2002].

В результате анализа корпусного материала паремий на трёх рассматриваемых языках (греческом, английском и русском), представленного в Приложении, нами были выявлены частотные показатели ключевых глаголов «есть», «петь», «спать», «жить», «играть», «иметь», «идти», «смотреть» (таблица 2.1).

Таблица 2.1

Частотность употребления базовых глаголов в греческом, английском и русском языках

Глагол	Греческий язык	Английский язык	Русский язык
Есть	18	15	24
Петь	1	3	3
Спать	25	12	5
Жить	33	23	134
Играть	1	7	5
Иметь	6	57	3
Идти	20	15	16
Смотреть	30	11	7

Анализ частотности базовых глаголов в греческом, английском и русском языках демонстрирует определенные лингвокультурные особенности языков и их коммуникативных предпочтений.

Глагол «**жить**» обладает наибольшей частотностью в русском языке (134 вхождения), что может свидетельствовать о высокой аксиологической значимости концепта жизни в русском дискурсе. В то же время в греческом и английском языках этот глагол встречается заметно реже (33 и 23 вхождения соответственно), что может указывать на более прагматичный или менее эксплицитный способ выражения этого концепта.

Глагол «**иметь**» особенно часто используется в английском языке (57 случаев), что соответствует структуре английской грамматики, где

конструкция *have* + *существительное* является основной моделью для выражения обладания, состояния и даже временных форм. Напротив, в русском и греческом языках, где для выражения принадлежности часто используются глаголы с предлогами (*у меня есть, έχω*), этот глагол встречается значительно реже.

Интересным является также распределение глагола «**смотреть**», который гораздо чаще употребляется в греческом языке (30 случаев), что может быть связано с высокой визуальной ориентированностью современного греческого общения или медиатекстов.

Глаголы, обозначающие базовые физиологические и поведенческие акты, такие как «**есть**», «**спать**», «**идти**», имеют относительно стабильную частотность, что отражает их универсальность и необходимость в повседневном общении. Однако в русском языке глагол «**спать**» встречается реже (5 случаев), чем в греческом (25 случаев) и английском (12 случаев), возможно, из-за особенностей синтаксического оформления конструкций, связанных с состоянием.

Таким образом, частотностный анализ базовых глаголов позволяет выявить не только структурные, но и культурные различия в репрезентации базовых человеческих действий и состояний в трёх языках.

Рассмотрим, как каждый из них в сочетании с зоонимами отражает устойчивые элементы национального менталитета:

– глагол «**есть**» в значение «**питаться**»: «*Η αλεπού έχει τ' όνομα κι άλλοι τρων τις κότες*» (греч.) – «*У лисы есть имя (плохая репутация), а другие едят кур*» (скрытая критика несправедливого обвинения); «*Dog does not eat dog*» (англ.) – «*Собака не ест собаку*» (выражение морального запрета внутри одной социальной группы); «*Дядя требуха, съел корову да быка*» (рус.; гиперболизация обжорства как характеристики ненасытности);

– глагол «**петь**»: «*Στο σπίτι του θα λαλήσουν κουκουβάγιες*» (греч.) – «*В доме будут ухать совы*» (предвестие смерти, где пение совы приобретает зловещий оттенок); «*A bird doesn't sing because it has an answer, it sings because it has a song*» (англ.) – «*Птица поёт не потому, что у неё есть ответ, она поёт потому, что у неё есть песня*» (рус.; пение передает внутреннюю природу, не требующую

рационального объяснения); «Волк одну песню знал, а ты и ту спел» (рус.; ирония в адрес ограниченного, примитивного повтора);

– глагол «спать»: «Αλεπού που κοιμάται, κότες δεν πιάνε» (греч.) – «Спящая лиса не ловит кур» (бездействие приводит к потере результата); «Those who sleep with dogs gets up with fleas» (англ.) – «Кто спит с собаками, встает с блохами» (наказание за неосторожное поведение); «Спит лиса, а во сне кур щиплет» (высмеивается попытка скрыть свою истинную сущность за внешним бездействием);

– глагол «жить»: «Περνάει σκυλίσια ζωή» (греч.) – «Живет собачьей жизнью» (тяжелая жизнь; тяжелое, униженное существование); «Two cats will not live together in one sack» (англ.) – «В одном мешке два кота жить не будут» (рус.; о невозможности сосуществования двух равных (или агрессивных) субъектов); «Волк, где живёт, овец не крадёт» (даже хищник соблюдает правила на «своей» территории);

– глагол «играть»: «Γαϊδάρου λύρα έπαιζαν κι αυτός τ' αυτιά του τάραζε» (греч.) – «Ослу на лире играли, а он ушами тряс» (о непонимании прекрасного: тонкое обращение не доходит до грубого, неотёсанного человека); «When the cat's away, the mice will play» (англ.) – «Когда кота нет дома, мыши начинают играть» (отсутствие контроля ведёт к свободе и беспорядку); «Сытая кошка с мышью играет» (рус.; сильный издевается над слабым, притворяясь безобидным);

– глагол «иметь»: «Η γριά η κότα έχει το ζουμί» (греч.) – «Старая курица более сочная» (имеет больше сока); «Better a mouse in the pot than no meat at all» (англ.) – «Лучше иметь мышь в кастрюле, чем вообще без мяса» (лучше мало, чем ничего: рациональное смирение); «У кого счастье поведётся, у того и петух принесётся» (рус.; кто имеет счастье; удача притягивает удачу); «В сорок пять баба ягодка опять» (рус.; ценность опыта и зрелости, противопоставление молодости);

– глагол «идти»: «Και στο δήμαρχο να πας, γαϊδουρινή θα τηνέ φας» (греч.) – «Даже если ты пойдёшь к мэру, съешь ослиную задницу» (получишь отказ, не

найдешь концов, потерпишь неудачу; усилия бесполезны: исход всё равно неблагоприятен); «*If an ass goes traveling it will not come home a horse*» (англ.) – «*Если осёл пойдет путешествовать, он не вернется домой лошадью*» (смена обстановки не меняет сущности); «*Бык да козёл – был, да пошёл*» (рус.; в жизни многие вещи и люди, которые казались нам важными или ценными, со временем теряют свою значимость);

– глагол «**смотреть**»: «*Η κοκκουβάγια βλέπει το δικό της το παιδί πιο όμορφο από τ' άλλα*» (греч.) – «*Сова видит своего ребёнка красивее других*» (каждый считает своё лучшим); «*When you see a turtle on top of a fence post, you know he had some help*» (англ.) – «*Когда видишь черепаху на вершине столба, то знаешь, что ей помогли*» (чужой успех – результат посторонней помощи); «*Сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит*» (природа неизменна: истинная сущность возьмёт верх).

Анализ паремий с компонентом-зоонимом показал, что глагол в их составе выполняет не только синтаксическую, но и важную оценочную функцию. Через выбор глагола формируется ситуация, оцениваемая с позиций народной морали, жизненного опыта или культурных стереотипов. Даже при стабильности зоонима (лисы, собаки, кошки и др.), смена глагола может радикально изменить аксиологическую перспективу: от осуждения до оправдания, от иронии до поощрения.

Рассмотренные глаголы (*есть, петь, спать, жить, играть, иметь, идти, смотреть*) охватывают базовые модели человеческого поведения и восприятия, проецируемые на животных. Через эти действия язык выражает ценности, такие как *трудолюбие, верность, смирение, здравый смысл*, и их отрицательную противоположность – *лень коварство, дерзость, глупость*. Многие паремии построены на столкновении между ожиданием и реальностью, что усиливает иронический или назидательный эффект.

Таким образом, глагол в паремии с зоонимом – это не просто структурный элемент, а точка «смысловой фокусировки», в которой соединяются образ животного, действие и оценка.

2.1.3. Символика зоонимов в греческом, английском и русском языках

Сравнение моделей паремий с компонентом-зоонимом в новогреческом, английском и русском языках позволяет сделать два основных вывода:

– во-первых, на структурном уровне пословицы часто построены по сходным моделям (отрицание, императив, параллелизм), что свидетельствует о когнитивной универсальности таких схем;

– во-вторых, несмотря на формальные совпадения, оценочные акценты и культурные ассоциации с зоонимами могут существенно различаться.

Так, образы **лисы**, **собаки**, **петуха** и **осла** встречаются во всех трёх традициях, однако интерпретации их поведения и приписываемые им качества могут варьироваться. Например, **волк** может быть одновременно символом опасности и – в отдельных контекстах – порядочности; **лиса** чаще всего ассоциируется с хитростью, коварством, лукавством, что воспринимается как отрицательное качество, особенно в моральном и социальном контексте; иногда хитрость воспринимается как житейская мудрость, находчивость и сообразительность, особенно в ситуациях, где требуется обмануть более сильного врага; **собака** в паремиях также обладает амбивалентной аксиологической природой – в зависимости от контекста и культурных установок собака может быть как положительным, так и отрицательным персонажем; собака ассоциируется с преданностью, верностью, защитой, дружбой – качествами, которые высоко ценятся в человеческих отношениях; собака может также восприниматься как грязное, презренное, агрессивное или жалкое существо, особенно в более старых пословицах или в ироническом контексте; символ **петуха** в паремиях также амбивалентен: он может выражать положительные качества, такие как бдительность, отвага, но также и отрицательные черты – задиристость, самодовольство, пустое хвастовство; символ **осла** в паремиях почти всегда несёт отрицательную коннотацию, однако в ряде культур и контекстов он также может интерпретироваться положительно – как символ упорства, трудолюбия и терпения; **лошадь**, с одной стороны, – это символ силы,

благородства, верности и труда, с другой – дикости, необузданности, слепого инстинкта или подчинённости; символ **кошки** в поговорках крайне амбивалентен: кошка может быть как ласковой, мудрой и хозяйственной, так и коварной, злопамятной и зловещей; символ **быка** в поговорках представляет собой яркий пример амбивалентного образа, где, с одной стороны, это символ силы, упорства, плодородия и трудолюбия, а с другой – грубости, тупости, ярости и опасности.

Таким образом, зоонимы в поговорках служат не только устойчивыми образами, но и культурными фильтрами, через которые каждая лингвокультура осмысляет поведение, нормы и жизненные сценарии. Их сравнительное изучение позволяет одновременно увидеть общечеловеческие ценности и антиценности (глупость, смекалка, лень, верность) и способы их национально специфической интерпретации.

2.2. Аксиологическое пространство поговорок с компонентом-зоонимом

Задачей данного раздела является выявление тех ценностных смыслов, которые закрепляются за образами животных в поговорках трёх языков. Зоонимы в поговорках не просто обозначают поведение животных, но и выполняют оценочную функцию, позволяя языку формулировать суждения о человеческих качествах и социальных нормах. Через образы животных язык транслирует представления о добре и зле, норме и отклонении, силе и слабости, наивности и хитрости. Поговорки с зоонимами, таким образом, становятся средством культурной идентификации, закрепляя социально значимые установки, стереотипы и моральные модели.

Прежде чем перейти к анализу аксиологического потенциала зоонимов в поговорках греческого, английского и русского языков, необходимо уточнить понятийный аппарат, используемый в работе. Под **аксиологической коннотацией поговорок** в работе понимается закреплённая в значении поговорки оценка, отражающая культурно обусловленное отношение к описываемому типу поведения или ситуации и выполняющая нормативно-регулятивную функцию.

Под доминирующими и отражёнными ценностями понимаются две взаимодополняющие категории. **Доминирующие ценности** – это устойчивые позитивные ориентиры, социально одобряемые и воспроизводимые в культуре. **Отражённые ценности** фиксируют амбивалентность, критику, иронию или нежелательные черты, свойственные реальности. Данное разграничение проводится на основании семантической направленности, прагматической функции и контекста употребления паремий. Это позволяет структурировать аксиологическое пространство зоонимических паремий и вычленил специфические культурные установки в сопоставительном аспекте.

В связи с этим далее в тексте поясняется, что именно подразумевается под доминирующими и отражёнными ценностями, на каких основаниях проводится их разграничение и каким образом данные категории соотносятся с задачами аксиологического анализа.

Это значит, что в работе будет подробно раскрыто и объяснено:

– что такое доминирующие и отражённые ценности – то есть какие именно социально значимые установки, нормы и оценки вкладываются в эти термины. Например, доминирующие ценности – это те, которые одобряются и поддерживаются обществом, а отражённые – это те, которые включают критику, иронию или показывают негативные стороны;

– на каких основаниях проводится разделение этих ценностей – то есть какие критерии и методы используются, чтобы классифицировать ценностные смыслы пословиц как доминирующие или отражённые. Это может быть анализ смысла пословицы, её прагматической функции (поучающая, критическая, ироническая и т.п.) и контекста её использования;

– как эти категории связаны с аксиологическим анализом – то есть каким образом понимание и разграничение доминирующих и отражённых ценностей помогает исследовать и структурировать ценностное содержание языковых выражений, в частности – паремий с образами животных. Это позволяет глубже понять, какие социальные и культурные установки выражает язык, как формируются представления о добре и зле, нормах и отклонениях.

Далее даётся подробное объяснение понятий доминирующих и отражённых ценностей. Под доминирующими ценностями понимаются устойчивые позитивные ориентиры, которые социально одобряются и активно воспроизводятся в культуре. Это те нормы и идеалы, которые язык закрепляет как желательные и нормативные. Отражённые ценности, напротив, фиксируют амбивалентность, критику, иронию или негативные черты, присущие социальной и культурной реальности.

Разграничение этих категорий основывается на трёх ключевых критериях:

- семантической направленности – определение того, несёт ли поговорка позитивную, нормативную оценку (доминирующая ценность) или же выражает критику, сомнение, отрицательную оценку (отражённая ценность);

- прагматической функции – анализ того, какую роль выполняет высказывание: поддерживает, поучает, предупреждает, высмеивает или нейтрально описывает ситуацию;

- контекст употребления – учёт культурных, социальных и ситуационных условий, в которых используется поговорка.

Такое разграничение является важным инструментом аксиологического анализа, так как позволяет структурировать ценностное пространство поговорок с зоонимами и выявить, каким образом через язык транслируются общественно значимые установки, стереотипы и моральные модели. Это помогает понять, как в разных культурах формируются и выражаются представления о добре и зле, норме и отклонении, силе и слабости, а также другие социально значимые категории.

Понятия менталитета, концепта, картины мира и ценности активно разрабатывались в лингвистике, особенно в рамках когнитивного и лингвокультурного подходов. Представляется целесообразным кратко обозначить основные научные позиции, лежащие в основе настоящего исследования.

В.И. Карасик предлагает рассматривать менталитет как важнейший элемент лингвокультурной парадигмы, связанный с национально-специфичными концептами и типами дискурса. Он подчёркивает, что менталитет формирует глубинные основания речевого поведения и влияет на выбор языковых средств [Карасик, 2002: 389].

Ю.Н. Караулов вводит понятие *языковой личности* и раскрывает его многоуровневую структуру: от словарного запаса до системы ценностей и прагматических установок. Он рассматривает ценности как ядро тезауруса личности, формирующее её отношение к миру и менталитет [Караулов, 2007: 264].

Сравнительная характеристика *«Менталитет vs Ценностная картина мира»* представлена в таблице 2.2.

Таблица 2.2

Сравнительная характеристика *«Менталитет vs Ценностная картина мира»*

Параметр	Менталитет	Ценностная картина мира
Объём понятия	Широкое, включает ценности, мышление, поведение, установки	Узкое, касается только системы ценностей
Характер	Интегральный, включает как рациональные, так и иррациональные элементы	Концептуальный, логически структурируемый
Форма проявления	В традициях, обычаях, коллективных реакциях, поведении	В языковых средствах (лексике, поговорках, фразеологии)
Средства анализа	Историко-культурный, психолингвистический, социокультурный	Лингвистический (семантический, когнитивный, аксиологический)
Отношения между ними	Включает в себя ценностную картину мира	Является частью менталитета
Изменчивость	Меняется медленно, исторически обусловлен	Более чувствительна к социальным и культурным трансформациям

О.В. Ломакина систематически исследует *ценностную картину мира*, выявляя лексемы с ярко выраженной аксиологической маркированностью. Она предлагает методы лингвистического анализа ценностей на материале устойчивых выражений и выделяет *ценностные доминанты* русской культуры

[Ломакина, 2025: 622–637]. О.В. Ломакина также акцентирует внимание на том, что ценности как компоненты ментального пространства обладают семантической и прагматической спецификой, что делает возможным их выявление через анализ паремий и лексических единиц [Ломакина, 2025: 622–637].

С.Г. Воркачѳв пишет о ценностном компоненте концепта как элементе лингвокультурной картины мира. Он подчѳркивает, что ценности представляют собой ментальные образования, получающие эксплицитную репрезентацию в языковых единицах (лексемах, фразеологизмах, паремиях и др.) [Воркачѳв, 2003: 268–276].

Е.С. Кубрякова в рамках когнитивной лингвистики рассматривает концепты как основные элементы ментального пространства, подчѳркивая, что они включают в себя и знание, и эмоционально-оценочные компоненты. Ценности в её работах рассматриваются как ядро антропоцентрической концептосферы [Кубрякова, 2004].

Представленные труды позволяют определить исследовательские ориентиры настоящей работы, опирающейся на представление о паремиях как форме вербализации ментальных и аксиологических установок культуры.

Особую важность в анализе зоонимических паремий представляет то, как именно через зооним выражается оценка – положительная, отрицательная или амбивалентная. Эта оценка, как правило, вписана в бинарную оппозицию, описывающую базовые ценностные категории (*жизнь–смерть, активность–пассивность, знание–невежество* и др.), которые, по мнению Л.К. Байрамовой, лежат в основе лингвокультурного кода любого народа [Байрамова, 2010].

Несмотря на общее сходство культурных представлений, отдельные зоонимы могут нести разные аксиологические нагрузки в зависимости от языка. Так, **кошка** в английской паремии «*Curiosity killed the cat*» («*Любопытство убило кошку*») выступает объектом предостережения (негативная оценка чрезмерного интереса), в то время как в русском варианте («*Любопытной Варваре нос оторвали*») усиливается телесно-наказательный и гендерный акцент. Аналогично пословица «*When the cat's away, the mice will play*» («*Когда кошки нет, мыши*

играют») отражает идею утраты контроля и роста безответственности, ценностно маркируя свободу как риск.

Показательно, что целый ряд зоонимических паремий встречается во всех трёх языках – новогреческом, английском и русском – в почти идентичной форме с минимальными структурными или образными расхождениями. Это сходство объясняется не только возможными межъязыковыми контактами или заимствованиями, но и общностью жизненных наблюдений, а также аксиологических оснований, лежащих в основе этих выражений. Речь идёт о тех типах поведения, ситуациях и моральных выводах, которые признаны важными в разных культурах, независимо от языка.

Так, например:

– «*Одна ласточка весны не делает*» (греч. «*Ένα χελιδόνι δεν φέρνει την άνοιξη*»; англ. «*One swallow doesn't make a summer*») – выражение призывает к осторожности в выводах и символизирует ценность взвешенного суждения. В русской, английской и греческой версиях сохраняется та же образная основа (первая ласточка), а также логика: единичный признак не гарантирует изменения;

– «*Собака лает – ветер уносит*» (греч. «*Σκυλί που γαβγίζει δε δαγκώνει*»; англ. «*A barking dog never bites*») – идея пустой угрозы или бессмысленного действия. В русском варианте добавлен образ «ветра». Несмотря на лексические различия, во всех случаях подчёркивается контраст между видимой активностью и её нулевым результатом;

– «*Убить двух зайцев одним выстрелом*» (греч. «*Με ένα σπάρο δυο τρυγόνια*»; англ. «*To kill two birds with one stone*») – формула успеха, обозначающая достижение двух целей одновременно. В русской и английской версиях объектом являются зайцы или птицы, в греческой – горлицы (τρυγόνια), что воспринимается в сравниваемых культурах как желанная добыча. Несмотря на разные реалии, пословица передаёт одну и ту же ценность эффективности и рационального действия.

Такие паремии можно считать ядерными единицами фольклорного аксиологического пространства, поскольку они основаны на универсальных типах

опыта: наблюдении за природой, социальной иерархией, разумным поведением. Их широкое распространение объясняется не заимствованием в узком смысле, а тем, что разные культуры приходят к сходным образам и выводам, опираясь на сходство ментальных моделей и ценностных структур [Dobrovol'skij, 2006]. Именно поэтому такие выражения легко калькируются, сохраняют силу и воспроизводятся даже в условиях культурного многообразия.

Важно подчеркнуть, что паремии с зоонимами выполняют не только когнитивную, но и культурно-идентификационную функцию. Антропоморфизация животных в паремиях служит средством моделирования человеческих ролей, поведения и этических норм, тем самым формируя образцы ценностно-маркированных ситуаций [Карасик, 2002; Слышкин, 2004]. Такие образы закрепляются в языке как устойчивые маркеры менталитета, транслируя нормы и ожидания, характерные для той или иной культуры.

Особый интерес представляют случаи, когда одни и те же зоонимы участвуют в выражении разных аксиологических оппозиций в зависимости от культурного контекста или сюжетной рамки. Ниже приведены несколько характерных примеров, демонстрирующих, как через образ животного формируется определенная ценностная установка.

Кошка в выражении «*Curiosity killed the cat*» (англ.) и «*Любопытной Варваре нос оторвали*» (рус.) становится символом опасного любопытства. Здесь аксиологическая диада – *знание/невежество*, где знание (в чрезмерной форме) может быть наказуемо.

Кот и мыши в пословице «*When the cat's away, the mice will play*» – «*Без кота мышам раздолье*» (англ., рус., греч.) отражают отношение к социальному контролю. Диада *сила/слабость* сильно нарушает иерархию.

Сова в греч. «*Στο σπίτι του θα λalήσουν κουκουβάγιες*» («*В доме ухнут совы*») и англ. «*The owl sees her child as beautiful*» («*Сова видит своего ребёнка всегда красивым*») часто связана с темой мудрости, но также и с иллюзиями восприятия, особенно в роли родителя. Это диада *разум/предвзятость*.

Баран в русской поговорке «*Глядеть, как баран на новые ворота*» воплощает когнитивную неготовность, наивность, растерянность. Здесь ясно читается диада *знание/невежество*.

Собака в поговорке «*Собака лает – ветер уносит*» символизирует бессмысленную активность, не переходящую в действие. Это диада *активность/пассивность*, в которой под активностью подразумевается лишь видимость.

Горлицы, зайцы и птицы в выражениях типа «*Убить двух ... одним выстрелом*» становятся знаками рационального поведения, прагматизма – это выражение ценности результативности, диада *труд/результат*.

Такие примеры демонстрируют, как даже привычные фразеологизмы обретают ценностную глубину, когда рассматриваются через призму аксиологических оппозиций. Они служат не только способом выражения культурной памяти, но и средством нормативной интерпретации опыта, задавая координаты оценочного восприятия в разных языках.

Проведенный анализ показал, что зоонимы в составе поговорок трёх языков систематически соотносятся с базовыми аксиологическими оппозициями, такими как *знание–невежество, сила–слабость, активность–пассивность* и др. Несмотря на различия в образах, сюжетах и культурных реалиях, эти поговорки демонстрируют удивительное единство в оценке жизненных ситуаций. Совпадения в аксиологическом содержании объясняются не только межъязыковыми заимствованиями, но, прежде всего, сходствами фольклорного мышления – тем, как разные культуры описывают и оценивают поведение, черты характера и социальные роли.

Как справедливо подчёркивает Л.К. Байрамова, «при всей культурной специфичности поговорок выраженные в них ценности обнаруживают универсальный характер» [Байрамова, 2016: 20–28]. Таким образом, зоонимические поговорки можно рассматривать как языковое воплощение универсалий, которые, проходя через призму национальной культуры, приобретают устойчивую образную форму и служат средством выражения коллективного опыта.

Понятие аксиологической коннотации в данном исследовании используется для обозначения оценочного компонента значения, связанного с выражением положительной, отрицательной или амбивалентной ценности, имплицитно или эксплицитно содержащейся в паремии. В отличие от денотативного значения, которое фиксирует базовое, предметное содержание (например, *кошка как животное семейства кошачьих*), и образного значения, апеллирующего к метафорическому или символическому восприятию образа (например, *кошка как воплощение независимости, хитрости или женственности*), аксиологическая коннотация указывает на то, как этот образ используется для выражения отношения, оценки или морального суждения в конкретном культурном контексте.

Таким образом, аксиологическая коннотация – это элемент оценочной семантики, актуализирующий ценностное измерение в структуре устойчивого выражения. Она тесно связана с прагматикой паремии, поскольку направлена на воздействие: *внушение, предостережение, поучение или высмеивание*.

Лингвистически аксиологическая коннотация может выявляться через:

- *контекстную маркировку* (например, императивные конструкции, негативные следствия);
- *наличие эмоционально окрашенных лексем или образов* (наказание, опасность, глупость, успех);
- *противопоставления* (бинарные оппозиции: разум/глупость, действие/бездействие, сила/слабость);
- *культурные стереотипы, закрепленные за зоонимами* (например, «лиса» – хитрость, «осёл» – упрямство, «петух» – агрессия или самоуверенность).

Для исследования паремий с зоонимами особенно важна интеграция трёх векторов анализа:

- *семантического* – выявление прямого и образного значения;
- *когнитивного* – определение концепта, актуализируемого через образ животного;
- *аксиологического* – определение того, какое суждение (ценность/антиценность) транслируется.

Например, в пословице «Собака лает – ветер уносит» денотативный компонент связан с образом лающей собаки, образный – с идеей пустого шума, а аксиологический – с критикой бесплодной активности, которая не приводит к действию и воспринимается как социально непродуктивная.

Таким образом, аксиологическая коннотация фиксирует интерпретативный сдвиг от номинативного значения к культурной оценке и позволяет паремиям функционировать как средства нормативной регуляции поведения.

2.2.1. Аксиологический аспект паремий с компонентом-зоонимом в греческом языке

При анализе паремий с позиций лингвокультурологии особое значение приобретает аксиологическое измерение, отражающее систему ценностей, закрепленную в языке и транслируемую через устойчивые высказывания.

Согласно подходу Л.К. Байрамовой, а также концепциям, разработанным в работах В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и других исследователей [Байрамова, 2010; Карасик, 2002; Слышкин, 2004], в основе любой лингвокультуры лежит определенный набор универсальных аксиологических категорий, к которым можно отнести:

- *жизнь и здоровье* (ценность жизни, физической и психологической целостности);
- *труд и деятельность* (работоспособность, усердие, инициативность);
- *ум и знание* (мудрость, смекалка, интеллект, жизненный опыт);
- *добро и зло* (этические нормы, справедливость, порядочность, честность);
- *свобода и зависимость* (независимость, сила воли, подчинение);
- *семья и родство* (родственные связи, воспитание, преданность семье);
- *социальный статус и иерархия* (лидерство, власть, подчинение);
- *мужское и женское начало* (гендерные роли и стереотипы);
- *красота и уродство* (внешние и внутренние эстетические категории);
- *мудрость и глупость* (ценностная дихотомия разума и слабоумия).

Данные категории составляют ценностное ядро культуры, реализуемое в языке с помощью различных средств и в различного рода текстах, в частности, в поговорках. Как подчёркивает Л.К. Байрамова, пословицы и поговорки представляют собой формулы социального знания, закрепляющие нормы и антинормы поведения, и потому выступают в роли ценностных ориентиров для носителей языка. При этом, несмотря на универсальность категорий, способы их языковой репрезентации носят культуроспецифичный характер [Байрамова, 2008: 298–302].

Понятие «аксиологическая модель» в лингвокультурологическом исследовании требует особого уточнения.

Аксиологическая модель представляет собой систематизированное представление ключевых ценностей, фиксируемых и транслируемых через языковые единицы – в данном случае через поговорки. Она служит инструментом методологического анализа, позволяющим выделять и структурировать ценностные ориентиры, выраженные в языке, и выявлять их семантико-прагматическую функцию в рамках культуры.

В контексте исследования поговорок с зоонимическими компонентами аксиологическая модель выступает как концептуальная рамка, которая:

- обеспечивает системное описание и классификацию ценностных категорий, заложенных в устойчивых языковых высказываниях;
- позволяет выявлять доминантные аксиологические смыслы, соотносимые с конкретными образами животных и связанной с ними культурной символикой;
- служит средством упрощения и стандартизации анализа, избегая избыточной детализации, но сохраняя глубину интерпретации.

В целях упрощения и структурирования анализа зоонимических поговорок, отражающих ценностные установки рассматриваемых лингвокультур, в настоящем исследовании применяется **обобщенная аксиологическая модель**, в рамках которой вышеуказанные категории сгруппированы по шести ключевым аксиологическим ориентирам:

- 1) *интеллект* (ум, знание, проницательность);
- 2) *физическая и моральная сила* (выносливость, активность, мужество);

- 3) *поведенческая норма и социальный статус* (роль в обществе, иерархия);
- 4) *этическая оценка* (добро/зло, порядочность, моральные установки);
- 5) *изменчивость/устойчивость* (способность к трансформации или её отсутствие);
- 6) *гендерный статус* (оценка мужчин и женщин через зоонимические образы).

Параметры, включаемые в аксиологическую модель применительно к паремиям, охватывают следующие аспекты:

- семантическое содержание зоонимического образа, то есть какие свойства и качества животного выступают в роли символа;
- оценочная направленность паремии – позитивная, негативная, амбивалентная.
- соответствие образа универсальным аксиологическим концептам, а также специфике локальной культурной традиции;
- роль паремии в закреплении социальных норм, этических ориентиров, гендерных стереотипов и пр.;
- многоаспектность ценностных значений, когда одна паремия соотносится с несколькими аксиологическими ориентирами.

Таким образом, аксиологическая модель является не просто классификационным инструментом, но и методологическим каркасом, обеспечивающим глубинный и системный анализ ценностных конструкторов, зашифрованных в паремиях с зоонимами. Она способствует вычленению культурно значимых смыслов и их репрезентации в языковой практике, что делает её важным элементом в лингвокультурологических исследованиях. Такое обобщение позволит избежать избыточной детализации при классификации паремий. Каждая паремия с компонентом-зоонимом анализируется в соответствии с семантической направленностью и оценочной нагрузкой, соотносится с одной или несколькими аксиологическими доминантами, формируя тем самым репрезентативную модель ценностной картины мира изучаемой лингвокультуры.

Ниже приведена классификация, построенная на основании предложенных ценностных ориентиров (таблицы 2.3–27). Представленные в таблицах паремии демонстрируют, что в греческой лингвокультуре образ животных активно используется для выражения как положительной, так и отрицательной оценки

умственных качеств. *Положительная коннотация*, как правило, ассоциируется с **лисой**, **кошкой** и **совой** – животными, которые в народном восприятии наделены остроумием, изворотливостью и наблюдательностью.

В таблице 2.3 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «интеллект»/«ум»/«проницательность» в греческом языке.

Таблица 2.3

Ценность «интеллект»/«ум»/«проницательность» в греческом языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Лиса	« <i>Παλιά αλεπού στην παγίδα δεν πιάνεται</i> » (букв.: « <i>Старая лиса в капкан не попадает</i> ») – острый ум, тонкость ума
	Кошка	« <i>Αυτό το ξέρει κι η γάτα μου</i> » (букв.: « <i>Это знает даже моя кошка</i> ») – что-то очень очевидное, известное всем
	Сова	« <i>Άλλα τα μάτια του λαγού κι άλλα της κουκουβάγιας</i> » (букв.: « <i>У зайца глаза одни, а у совы – другие</i> ») – мудрость
Отрицательная	Лиса	« <i>Η αλεπού πιάνεται από τα τέσσερα ποδάρια</i> » (букв.: « <i>Лису ловят за четыре лапы</i> ») – глупость
	Бык	« <i>Βόδι ήρθες, βόδι έφυγες</i> » (букв.: « <i>Быком пришёл, быком и ушёл</i> ») – низкий интеллект; « <i>Το βόδι πιάνεται απ' τα κέρατα</i> » (букв.: « <i>Взять быка за рога</i> ») – низкий интеллект
	Свинья	« <i>Όλα τα γουρούνια την ίδια μούρη έχουν</i> » (букв.: « <i>Все свиньи имеют одинаковую морду</i> ») – низкий интеллект, плохие манеры
	Курица/петух	« <i>Κότα που κακαρίζει τ' αυγό θα το κάμη</i> » (букв.: « <i>Курица, которая кудахчет, яйцо снесёт</i> ») – глупый, легкомысленный, недалёкий человек

Представленная в таблице 2.3 пословица «*Παλιά αλεπού στην παγίδα δεν πιάνεται*» («*Старая лиса в капкан не попадает*») реализует архетип «мудрого обманщика» – фигуры, хорошо известной в фольклорных системах разных народов, передаваемой с помощью образа **лисы**. Здесь ум трактуется как житейская проницательность и умение избегать опасностей. Образ **совы** также

является символом мудрости и прозорливости, что отражается в пословице «*Άλλα τα μάτια του λαγού κι άλλα της κουκουβάγιας*» («У зайца глаза одни, у совы – другие»).

В отрицательной группе наблюдается смещение акцента с «мудрости» к недалекости и ограниченности. **Лиса** теряет положительный ореол в выражении «*Η αλεπού πιάνεται από τα τέσσερα ποδάρια*» («Лису ловят за четыре лапы»), где речь идёт о неудаче как следствии переоценки собственной хитрости. Низкая оценка ума проявляется и в негативных образах **быка** и **свиньи**. В пословице «*Βόδι ήρθες, βόδι έφυγες*» («Быком пришёл, быком и ушёл») подчёркивается тупость и неспособность к развитию. А выражение «*Όλα τα γουρούνια την ίδια μούρη έχουν*» («Все свиньи имеют одинаковую морду») указывает на грубость и отсутствие индивидуальных черт. Интересна также паремия «*Κότα που κακαρίζει τ' αυγό θα το κάμη*» («Курица, которая кудахчет, яйцо снесёт») – здесь глупость передается через образ, объединяющий **курицу** и **петуха**, что делает характеристику особенно яркой.

В таблице 2.4 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «сила»/«выносливость»/«физические качества» в греческом языке.

Таблица 2.4

Ценность «сила»/«выносливость»/«физические качества» в греческом языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Волк	« <i>Ο λύκος αρνί δε γίνεται</i> » (букв.: «Волк никогда не станет овцой») – мужество, верховенство, сила
	Осёл	« <i>Γαϊδουρινή υπομονή, ποτέ κακό δεν προξενεί</i> » (букв.: «Ослиное терпение никогда не причинит вреда») – терпение
Отрицательная	Осёл	« <i>Βάζει κι ο γάιδαρος γινάτι, τηνε τρώει όμως γιομάτη</i> » (букв.: «Осёл заупрямился, однако получил за это») – упрямство

В таблице 2.4 **волк** в паремии «*Ο λύκος αρνί δε γίνεται*» («Волк никогда не

станет овцой») представлен как сильное, доминирующее и непреклонное существо. Хотя, на первый взгляд, пословица может казаться нейтральной или даже предостерегающей, в данном контексте она подаёт волка как носителя силы, неизменного характера и лидерских качеств, подчёркивая его мужество и устойчивость к изменениям.

Осёл в паремии *«Γαϊδουρινή υπομονή, ποτέ κακό δεν προξενεί»* («Ослиное терпение никогда не причинит вреда») выступает как положительный образ терпеливого и выносливого животного. Пословица утверждает, что долготерпение – добродетель, не приносящая вреда, тем самым формируя положительное восприятие осла как носителя стойкости и смирения. Осёл в паремии *«Βάζει κι ο γάιδαρος γινάτι, τηνε τρώει όμως γιομάτη»* («Осёл заупрямился, однако получил за это») ассоциируется с упрямством и неразумным поведением, которое приводит к негативным последствиям. Здесь осёл выступает как олицетворение глупого упорства, не способного к гибкости или принятию рациональных решений, что порождает осуждение и наказание.

В таблице 2.5 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров *«социальное поведение»/«роль в обществе»* в греческом языке.

В таблице 2.5 **собака** в паремии *«Ο καλύτερος φίλος είναι ο σκύλος»* («Лучший друг – собака») символизирует верность и преданность. Собака здесь представлена как лучший друг, что подчёркивает её роль в жизни человека как верного спутника и защитника. Этот образ ассоциируется с дружбой, надёжностью и любовью.

Бык в паремии *«Ο που 'χει αδελφό καλόγερο έχει ζευγάρι βόδια»* («У кого есть брат-монах, у того есть пара быков») олицетворяет богатство и трудолюбие. Бык в контексте пословицы символизирует сильное хозяйственное животное, необходимое для работы, что указывает на связь с материальными благами и плодородием.

Курица в паремии *«Γέννησε η κότα το αυγό, το άκουσε όλη η γειτονιά»* («Курица снесла яйцо – вся округа это услышала») олицетворяет заботу, материнство и благополучие. Курица в этих выражениях символизирует заботливую мать, а её яйца ассоциируются с тем, что она дарит своим детям и

окружающим, это отражает ценности семейных уз и стабильности.

Таблица 2.5

Ценность «социальное поведение»/«роль в обществе» в греческом языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Собака	« <i>Ο καλύτερος φίλος είναι ο σκύλος</i> » (букв.: « <i>Лучший друг – собака</i> ») – верность
	Бык	« <i>Ο που 'χει αδελφό καλόγερο έχει ζευγάρι βόδια</i> » (букв.: « <i>У кого есть брат-монах, у того есть пара быков</i> ») – богатство
	Курица	« <i>Γέννησε η κότα το αυγό, το άκουσε όλη η γειτονιά</i> » (букв.: « <i>Курица снесла яйцо – вся округа это услышала</i> ») – забота, материнство
	Лошадь	« <i>Στου αλόγου τον τόπο, γαϊδούρι μη δένεις</i> » (букв.: « <i>На месте лошади не привязывай осла</i> ») – важность, достоинство
Отрицательная	Свинья	« <i>Όσο πλένεις το γουρούνι τόσο βρωμάει</i> » (букв.: « <i>Сколько ни мой свинью, она всё равно вонять будет</i> ») – грязь, бескультурье, плохие манеры
	Осёл	« <i>Και παντρεμένος γάιδαρος κι ανύπαντρος γομάρι</i> » (букв.: « <i>И женатый – осёл, и неженатый – тоже осёл</i> ») – невоспитанность, плохие манеры
	Кошка	« <i>Μαύρος γάτος τον ξεκίνησε</i> » (букв.: « <i>Чёрный кот положил этому начало</i> ») – к неудачам
	Лошадь	« <i>Τ' άλογο είναι μπέης</i> » (букв.: « <i>Лошадь – как бей</i> ») – высокомерие

Лошадь в паремии «*Στου αλόγου τον τόπο, γαϊδούρι μη δένεις*» («*На месте лошади не привязывай осла*») символизирует важность и достоинство. Лошадь здесь – это животное, которое представляет статус и уважение. В контексте выражения она указывает на важность соблюдения правил и сохранение достоинства, не смешивая важное с незначительным.

Свинья в паремии «*Όσο πλένεις το γουρούνι τόσο βρωμάει*» («*Сколько ни мой свинью, она всё равно вонять будет*») ассоциируется с непристойностью, грязью

и бескультурьем. Несмотря на все усилия, свинья остаётся грязной, что метафорически указывает на неизменность плохих манер и недостатков у человека, если его сущность не меняется.

Осёл в паремии «*Και παντρεμένος γάιδaros κι ανύπαντρος γομάρι*» («*И женатый – осёл, и неженатый – тоже осёл*») олицетворяет упрямство и невоспитанность. Осёл в контексте поговорки является символом недалёкости и грубости, независимо от социального положения (женат или нет), что отражает непотопляемую природу негативных черт.

Кошка в паремии «*Μαύρος γάτος τον ξεκίνησε*» («*Чёрный кот положил этому начало*») ассоциируется с неудачей. Чёрная кошка – это символ негативных предсказаний и несчастья, что подчёркивает её негативное восприятие в культуре, где она становится знаменем зла и плохих событий. По поверию, если чёрная кошка перебежала дорогу – жди несчастья.

Лошадь в паремии «*Μιλάς καβάλα*» («*Разговаривать, сидя верхом на лошади*») символизирует высокомерие и надменность. Когда кто-то «*говорит, сидя верхом на лошади*» – это метафора для людей, которые проявляют гордость или высокомерие, не учитывая своего реального положения в обществе. Это говорит о показной важности и превосходстве.

В таблице 2.6 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «*этическое/моральное поведение*» в греческом языке.

Представленные в таблице 2.6 паремии демонстрируют, что в греческой лингвокультуре отрицательная коннотация животных часто связана с образами злобы, агрессии, алчности и авторитарности. Эти образы часто используются для подчёркивания негативных черт характера или поведения, выражающих зло, несправедливость или неэтичное поведение.

Волк в поговорке «*Όποιος γίνεται πρόβατο τον τρώει ο λύκος*» («*Кто становится овцой, того съедает волк*») представляет собой злого хищника, который поглощает и уничтожает слабых. Этот образ волка ассоциируется с жестокостью и агрессией, подчёркивая угрозу для тех, кто не может защитить себя или становится уязвимым. Волк как символ насилия и безжалостности

является частым элементом в лексиконе с отрицательной оценкой.

Таблица 2.6

Ценность «этическое/моральное поведение» в греческом языке

Коннотация	Животное	Примеры
Отрицательная	Волк	«Ὅποιος γίνεται πρόβατο τον τρώει ο λύκος» (букв.: «Кто становится овцой, того съедает волк») – злоба, жестокость
	Собака	«Κακό σκυλί ψόφο δεν έχει» (букв.: «Плохая собака никак не сдохнет») – злоба; «Και την πίτα ολόκληρη και το σκύλο χορτάτο» (букв.: «(Хочется, чтобы) и пирог был цел, и собака была сыта») – алчность
	Кошка	«Ὅταν λείπει η γάτα χορεύουν τα ποντίκια» (букв.: «Когда коты нет, мыши танцуют») – авторитарность – образ кошки и мыши в отношениях хищник–жертва

Собака в выражениях «Κακό σκυλί ψόφο δεν έχει» («Плохая собака никак не сдохнет») и «Και την πίτα ολόκληρη και το σκύλο χορτάτο» («(Хочется, чтобы) и пирог был цел, и собака была сыта») ассоциируется со злобой и алчностью. В первой пословице собака изображена как тот, кто, несмотря на свои плохие качества, не «исчезает» и не получает наказания, что подчёркивает её неуязвимость в мире несправедливости; во второй – собака становится символом неудовлетворенных желаний и жадности, когда хочется всего и сразу, не думая о последствиях, что воспринимается как отрицательная черта.

Кошка в пословице «Ὅταν λείπει η γάτα χορεύουν τα ποντίκια» («Когда коты нет, мыши танцуют») является образцом авторитарности и контроля. В этом контексте кошка символизирует хищника, который создаёт атмосферу подавления, её отсутствие приводит к хаосу, когда подчинённые (мыши) начинают «танцевать». Это подчёркивает отрицательное восприятие власти, использующей силу и авторитет для контроля, и выражает недовольство по поводу авторитаризма.

Во всех приведённых выше примерах – негативное изображение животных

как агрессоров или жадных существ. В каждой из этих пословиц животные, такие как **волк, собака и кошка**, используются для выражения несправедливости или чрезмерной властности, что символизирует сложные социальные и моральные проблемы. Образы животных в отрицательной коннотации часто фокусируются на негативных аспектах их поведения, таких как жестокость, злоба и несправедливость, и это подчёркивает социальные предостережения, связанные с такими чертами.

В таблице 2.7 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «изменчивость»/«способность к трансформации» в греческом языке.

Таблица 2.7

Ценность «изменчивость»/«способность к трансформации» в греческом языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Кошка	« <i>Η γάτα είναι εφτάψυχη</i> » (букв.: «У кошки семь жизней» (живучесть, жизнеспособность))
Отрицательная	Галка	« <i>Από κάρυια περιστέρι δεν γίνεται</i> » (букв.: «Галка не может стать голубкой» (невозможность изменения сущности))
	Кошка	« <i>Είδες του γάτου το μαλλί να γίνεται μετάξι, τ' ανθρώπου του κακόγνωμου η γνώμη του ν' αλλάξει</i> » (букв.: «Как кошачья шерсть не станет шелком, так и несговорчивый человек не изменит мнения» (не меняется))
	Волк	« <i>Ο λύκος κι αν εγέρασε κι άσπρισε το μαλλί του, ούτε τη γνώμη άλλαξε ούτε την κεφαλή του</i> » (букв.: «Хоть волк состарился и шерсть его поседела, но мысли в его голове не изменились» (природа остается прежней))
	Лошадь	« <i>Γέριко άλογο, καινούργια περπατησιά δε μαθαίνει</i> » (букв.: «Старую лошадь нельзя научить скакать по-новому» (не меняется))
	Собака	« <i>Άσπρος σκύλος, μαύρος σκύλος, πάντα σκύλος</i> » (букв.: «Белый или черный, пес всегда остается псом» (не

		меняется))
--	--	------------

Представленные в таблице 2.7 паремии демонстрируют, что в греческой лингвокультуре ценность изменчивости и способности к трансформации проявляется через образы животных, которые, с одной стороны, символизируют жизнеспособность и устойчивость, а с другой – неизменность сущности и неспособность к изменению.

Кошка в пословице «*Η γάτα είναι εφτάψυχη*» («У кошки семь жизней») символизирует жизнеспособность и жизненную силу. Этот образ кошки подчёркивает её способность выживать и адаптироваться в разных условиях, что делает её символом выносливости и устойчивости. Кошка в данном контексте ассоциируется с изменчивостью и способностью к трансформации в ответ на жизненные трудности.

Галка в пословице «*Από κάρυα περιστέρι δεν γίνεται*» («Галка не может стать голубкой») представляет собой неспособность к изменению и непробуеваемость сущности. Этот образ подчёркивает неизменность природных характеристик, указывая на то, что некоторые существа не могут изменить свою природу, каким бы ни был их внешний вид. Это выражение символизирует ограниченность и невозможность изменений, даже если внешность может меняться.

Кошка в пословице «*Είδες του γάτου το μαλλί να γίνεται μετάξι, τ' ανθρώπου του κακόγνωμου η γνώμη του ν' αλλάξει*» («Как кошачья шерсть не станет шёлком, так и мнение упрётого человека не изменится») показывает, что в случае с несговорчивыми людьми невозможно изменить их точку зрения, так же как кошачья шерсть не станет шёлком. Это выражает идею неизменности и упрямства даже при явных внешних изменениях.

Волк в пословице «*Ο λύκος κι αν εγέρασε κι άσπρισε το μαλλί του, ούτε τη γνώμη άλλάξε ούτε την κεφαλή του*» («Хоть волк состарился и шерсть его поседела, но мысли в его голове не изменились») олицетворяет непробуеваемость и неспособность к изменению. Этот образ волка подчёркивает, что даже с

возрастом и внешними изменениями основные качества существа остаются неизменными.

Лошадь в пословице «*Γέρικο άλογο, καινούργια περπατησιά δε μαθαίνει*» («*Старую лошадь нельзя научить скакать по-новому*») символизирует непригодность и ограниченность возможностей для изменений. Здесь лошадь служит метафорой для тех, кто не способен измениться или адаптироваться к новому, несмотря на все приложенные к этому усилия.

Собака в пословице «*Άσπρος σκύλος, μαύρος σκύλος, πάντα σκύλος*» («*Белый или чёрный, пёс всегда остаётся псом*») иллюстрирует неизменность. Это выражение акцентирует внимание на постоянной сущности и неспособности измениться, независимо от внешних изменений, таких как цвет.

В отрицательной группе наблюдается:

– **неспособность к изменению:** в большинстве пословиц, представленных в отрицательной группе, животные символизируют неспособность измениться или ограниченность в изменении. Образы **галки, кошки, волка, лошади и собаки** указывают на то, что сущность животного, как и у некоторых людей, может оставаться неизменной, несмотря на внешние изменения или усилия, направленные на трансформацию;

– **упорство и стойкость в неуязвимости к изменениям:** в этих пословицах также подчёркивается, что упорство, негибкость и непреодолимость определенных характеристик или природы являются неизменными, что может символизировать негативную черту, такую как упрямство или сопротивление изменениям.

Новогреческий язык, как и многие индоевропейские языки, различает грамматический род существительных, включая те, которые обозначают животных. Это различие становится особенно значимым в паремиях, где зоонимы приобретают дополнительные ассоциативные значения и используются для характеристики человека.

В зоонимических выражениях можно выделить три группы компонентов в зависимости от их рода и гендерной маркированности.

1. Зоонимы среднего рода. Существительные среднего рода, обозначающие животных (**κουνέλι** (кролик), **ποντίκι** (мышь), **άλογο** (лошадь), **πουλί** (птица), **βόδι** (бык), **πρόβατο** (овца)), как правило, используются нейтрально, без указания на пол. Однако некоторые из них имеют параллельные формы мужского или женского рода (**κουνέλα** – самка кролика, **πουλάδα** – птица женского пола); при этом такие формы чаще несут негативную оценку, особенно при применении к людям. Так, «κουνέλα» («самка кролика») может означать женщину, родившую много детей, а «φοράδα» («птица женского пола») – грубую и непривлекательную женщину.

2. Зоонимы мужского рода. Мужские зоонимы (**σκύλος** – пёс, **λύκος** – волк, **λαγός** – заяц, **γάιδαρος** – осёл) часто употребляются в паремиях в обобщенном значении, без прямой связи с мужским полом. Однако при наличии женского варианта слово приобретает выраженную негативную окраску. Например, **σκύλα** (самка собаки) – устойчивое обозначение жестокой или агрессивной женщины, **γαϊδάρα** (ослица) – грубой и неотёсанной. Таким образом, нейтральный или положительный образ в мужской форме может трансформироваться в уничижительный женский.

3. Зоонимы женского рода. Среди зоонимов женского рода (**αλεπού** – лиса, **κότα** – курица, **πάπια** – утка, **αγελάδα** – корова, **αράχνη** – паук) преобладают отрицательные характеристики. Такие слова часто используются для описания глупости, навязчивости, излишней сексуальности или агрессии, при этом перенос значения на человека – преимущественно на женщину – очевиден. Например, «αγελάδα» («корова») может обозначать полную и неуклюжую женщину, а «αράχνη» («паук») – женщину, которая разрушает чужие отношения (в дословном значении – «паукообразная» хищница).

Проведенный анализ показал, что в греческой паремиологии женские зоонимы значительно чаще маркируются отрицательно, в то время как мужские формы сохраняют нейтральное или положительное значение. Такие зоонимы, как «σκύλα» («злая женщина»), «αγελάδα» («неуклюжая, полная женщина»), «αράχνη» («женщина-разлучница»), «κότα» («глупая женщина»), закрепляют в языке

устойчивые стереотипы и иронические модели восприятия. При этом мужские формы тех же слов либо воспринимаются нейтрально, либо наделяются признаками силы, независимости или лидерства. Даже зоонимы среднего рода при наличии женского варианта в последнем случае получают явно негативную семантическую окраску. Эта асимметрия в оценках позволяет говорить о присутствии андроцентрического уклона в греческой паремиологической системе феномена, при котором язык и культура ориентированы преимущественно на мужское восприятие и опыт.

Мужской род в паремиях чаще ассоциируется с активностью, силой и разумом, в то время как женский – с недостатками, слабостью, чрезмерной эмоциональностью или глупостью. Это отражает не только особенности языковой системы, но и более широкие социокультурные установки, в которых мужская точка зрения представлена как норма, а женская – как отклонение или объект критики. Учитывая, что язык не только отражает, но и формирует мировоззрение, закрепление подобных асимметрий в паремиологическом фонде может способствовать укреплению гендерных стереотипов.

Важно подчеркнуть, что греческие паремии – это не искусственные конструкторы, а отражение повседневной языковой практики, связанной с устной традицией, фольклором и наблюдением за окружающей средой. Многие из них восходят к сельской культуре, в которой животные были важной частью повседневной жизни. Эти выражения обладают дидактическим потенциалом, не привязанным к конкретным обстоятельствам времени и места: они обобщают жизненные ситуации и закрепляют коллективный опыт через образы, понятные и близкие любому носителю языка.

Анализ зоонимических паремий греческого языка позволил выявить устойчивые образные коннотации, соотносимые с ключевыми ценностными ориентирами культуры. Через образы животных в паремиях вербализуются представления об уме, силе, моральных нормах, социальных ролях и поведенческих установках. Эти формулы отражают не только индивидуальный опыт, но и коллективные ожидания, закреплённые в языковой традиции.

Показательно, что распределение положительных и отрицательных оценок среди зоонимов оказалось неравномерным. Наиболее выражено это с позиций гендерной маркированности паремий, где языковая система воспроизводит социальные асимметрии в представлениях о мужчинах и женщинах. Таким образом, зоонимические паремии служат важным средством трансляции ценностей, присущих греческой лингвокультуре.

Проведённый анализ греческих паремий с компонентами-зоонимами показал, что животные в паремийной картине мира выполняют важную аксиологическую функцию – они служат носителями и метафорами различных ценностей и характеристик, значимых для греческой культуры.

На основе интерпретации собранных единиц удалось выделить шесть ключевых категорий оценки:

1) **интеллект (ум, знание, проницательность)**. Животные с высокой когнитивной метафорикой, такие как **лиса**, **сова** и **кошка**, демонстрируют положительные качества – *смекалку, наблюдательность, житейскую мудрость*. Однако те же животные могут нести и отрицательную коннотацию (например, лиса как символ коварства), что указывает на амбивалентность интеллекта в народном восприятии;

2) **физическая и моральная сила (выносливость, активность, мужество)**. В этой категории положительно оцениваются такие животные, как **лошадь** (*работоспособность*), **собака** (*верность, стойкость*), **петух** (*храбрость*). Отрицательную оценку получают животные, не способные к труду или мужественным поступкам – **осёл, бык, овца**, чья сила может быть механической, но не моральной;

3) **поведенческая норма и социальный статус (роль в обществе, иерархия)**. Животные становятся средствами выражения социальных ролей: **волк** – как *независимый и угрожающий*, **курица** – как *домашняя и подчинённая*, **осёл** – как *символ низкого статуса и подчинённости*. Через зоонимы народная речь фиксирует ожидания и нормы поведения в обществе;

4) **этическая оценка (добро/зло, порядочность, моральные установки)**. Этика передается через символику поведения животных: **пчела** ассоциируется с

добродетелью и трудолюбием, лиса – с обманом, свинья – с нечистоплотностью и моральной деградацией. Этическая дихотомия часто выражена бинарными оппозициями (*свинья–пчела, лиса–собака*), подкрепляющими нормативные модели поведения;

5) изменчивость/устойчивость (способность к трансформации или её отсутствие). Некоторые зоонимы маркируют неизменяемость сущности: выражения типа *«Волк никогда не станет овцой»* или *«У всех свиней одно рыло»* подчёркивают фатализм, невозможность внутреннего преображения. Эти паремии транслируют идею, что характер человека (или животного) заложен изначально и не поддается изменению;

б) гендерный статус (оценка мужчин и женщин через зоонимические образы). Гендерная асимметрия проявляется в том, как одни и те же животные по-разному маркируют мужчин и женщин. Например, **лиса** или **кошка** часто используются для обозначения *женской хитрости* или *независимости*, тогда как **осёл**, **бык** или **волк** – для *мужской грубости, силы* или *упрямства*. Такие оценки могут как подкреплять, так и иронизировать над гендерными ролями в обществе.

Таким образом, зоонимические паремии в греческом языке представляют собой многоуровневую систему оценок, отражающую народное понимание интеллекта, силы, морали, социальной роли, изменчивости и гендерных отношений. Эти единицы обладают высокой культурной значимостью, поскольку репрезентируют базовые установки и ценности, сложившиеся в греческом обществе на протяжении веков.

2.2.2. Аксиологический аспект паремий

с компонентом-зоонимом в английском языке

Проанализируем аксиологический аспект английских паремий с компонентом-зоонимом, то есть их способность отражать, утверждать или критиковать культурно значимые ценности и установки. В качестве ориентира

для анализа выделяются следующие группы ценностей, устойчиво репрезентируемые в английских поговорках: *мудрость, осторожность, индивидуализм, прагматизм, социальная иерархия, личная ответственность* и др. Эти ценности могут транслироваться как в позитивной, так и в негативной оценке через зоонимы, функционирующие в качестве культурных маркеров.

Как таковая прагматика поговорок зависит от всей ситуации общения. Когнитивный подход стремится предоставить всеобъемлющую теорию, которая показывает, как все эти элементы формируют способ кодирования значения поговорки для эффективного общения. Р. Хонек также исследует процесс декодирования и интерпретации в связи с мотивационным потенциалом поговорки. Учёный считает, что поговорки и поговорки обладают сильным потенциалом для активизации мотивации эффективной риторики и создания сообщений [Honeck, 1997: 144].

Зоонимы становятся носителями ценностных коннотаций не случайно: на протяжении столетий животные в английской культурной картине мира выступают метафорическими отражениями социальных и психологических типов. Так, **сова (owl)** традиционно ассоциируется с *мудростью*, **лиса (fox)** – с *хитростью* и *осторожностью*, **лев (lion)** – с *благородством* и *лидерством*, тогда как **осёл (ass)** и **обезьяна (monkey)** – с *глупостью* и *неадекватностью*. Наиболее частотными оказываются ценности *осторожности, прагматичности* и *самоконтроля*, что соотносится с идеалами протестантской этики и англосаксонской модели индивидуализма.

Если английские поговорки сравнивать с греческими, то первые демонстрируют более выраженный рационализм и поведенческую утилитарность: животные здесь чаще служат примерами того, как следует или не следует поступать, чем символами этической дихотомии добра и зла. Например, «*Don't count your chickens before they hatch*» («*Не считайте цыплят, пока они не вылупятся*») выражает идею прагматической сдержанности, тогда как греческий аналог может апеллировать к судьбе или воле богов. Подобная специфика указывает на то, что английские поговорки чаще ориентированы на практическое

руководство и социальную адаптацию, а не на сакрализованное или фаталистское объяснение событий.

Выбор тех или иных зоонимов в английских поговорках как носителей аксиологических значений не случаен. Он обусловлен устойчивыми ассоциациями, закрепившимися в англоязычной культурной картине мира. Животные выступают в ней в роли метафор, символизирующих определенные качества личности, поведенческие модели или социальные типы. В процессе многовекового языкового отбора те зоонимы, которые наиболее ярко воплощают стереотипные черты, приобрели статус культурных маркеров, то есть лексических единиц, несущих на себе нагрузку культурно значимой оценки.

Так, **лиса (fox)** в английском языке амбивалентна: с одной стороны, она воплощает *остроту ума* и *ловкость* («*Old foxes want no tutors*» – «*Старым лисам не нужны наставники*»), с другой – символизирует *лукавство* и *потенциальную опасность* («*The cunning of the fox is as murderous as the violence of the wolf*» – «*Хитрость лисы так же смертоносна, как и жестокость волка*»). Подобная двойственность характерна и для **лошади (horse)**, которая может олицетворять как *силу* и *свободу* («*If wishes were horses*» – «*Если бы желания были лошадьми*»), так и *безрассудное рвение* («*A runaway horse*» – «*Убегающая лошадь*»). Такое сочетание положительных и отрицательных коннотаций свидетельствует о сложной и многоуровневой оценке черт, значимых для английской ментальности – *осторожности, прагматизма, самоконтроля и эффективности*.

Ряд животных неизменно маркируют определенный аксиологический полюс. Так, **собака (dog)** ассоциируется с *верностью* и *преданностью*, в то время как **свинья (pig)** – с *нечистоплотностью, грубостью* и *ненасытностью*. **Сова (owl)** стала символом *мудрости* и *ночной активности*, а **черепаха (turtle)** – образцом *медлительности* и *социальной неуклюжести*. Некоторые зоонимы функционируют как лексические синонимы эпитетов, заменяя собой прилагательные в речи и играя роль идиоматических клише: «*Dumb, as an ox*» («*Тупой, как бык*»), «*Cold, as a fish*» («*Холодная, как рыба*»), «*Lone wolf*» («*Одинокий волк*»), «*Mother hen*» («*Курица-наседка*») и др.

Следует отметить, что зоонимы становятся культурными маркерами именно тогда, когда они репрезентируют качества, которые значимы для социального функционирования в английской культуре. Например, **кот (cat)** одновременно может ассоциироваться с *выносливостью* и *контролем* («*A cat has nine lives*» – «У кошки девять жизней»), но также – с *властностью* и *манипуляцией* («*When the cat's away, the mice will play*» – «Когда кошки нет, мыши играют»). Эти значения соотносятся с важнейшими концептами англоязычного мира: *самостоятельностью*, *дисциплиной*, *стратегическим мышлением*, *доминантностью* и *подчинением*.

В таблице 2.8 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «интеллект»/«ум»/«проницательность» в английском языке.

Таблица 2.8

Ценность «интеллект»/«ум»/«проницательность» в английском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Лиса	« <i>Old foxes want no tutors</i> » (букв.: «Старые лисы не нуждаются в наставниках») – острый ум, умение, ловкость
	Сова	« <i>You bring owls to Athens</i> » (букв.: «Ты приносишь сов в Афины») – мудрость
Отрицательная	Лиса	« <i>Many foxes grow gray, but few grow good</i> » (букв.: «Многие лисы с возрастом седеют, но лишь немногие становятся хорошими») – хитрость, лукавство; « <i>The cunning of the fox is as murderous as the violence of the wolf</i> » (букв.: «Хитрость лисы столь же убийственна, как и жестокость волка») – хитрость, лукавство
	Курица	« <i>A whistling woman and a crowing hen, are neither fit for God nor men</i> » (букв.: «Свистящая женщина и кукарекающая курица — ни для Бога, ни для людей не годятся») – тупость, глупость

Представленные в таблице 2.8 паремии демонстрируют, что коннотация животных в английском языке может быть как положительной, так и

отрицательной, в зависимости от того, какие черты ассоциируются с этими животными.

Образ животных часто используется для отражения различных черт характера, таких как *ум, ловкость, мудрость* или же *хитрость, лукавство, глупость*.

Лиса в выражении «*Old foxes want no tutors*» («*Старые лисы не нуждаются в наставниках*») символизирует *острый ум* и *ловкость*, акцентируя внимание на жизненном опыте и способности решать сложные задачи. Этот образ ассоциируется с практической мудростью и умением извлекать выгоду из любых ситуаций, что делает лису символом опытного, хитроумного человека, способного самостоятельно решать проблемы.

Сова в выражении «*You bring owls to Athens*» («*Ты приносишь сов в Афины*») традиционно ассоциируется с *мудростью*. Сова в культуре часто воспринимается как символ знаний и проницательности. Это выражение используется для описания людей, обладающих глубокой, обоснованной мудростью и здравым смыслом, что делает сову символом интеллекта и проницательности.

Лиса в выражении «*Many foxes grow gray, but few grow good*» («*Многие лисы с возрастом седеют, но лишь немногие становятся хорошими*») представляет собой символ *хитрости* и *лукавства*, которые не всегда приводят к положительному результату. Это выражение акцентирует внимание на том, что некоторые люди (или существа) не меняются, несмотря на возраст или опыт, оставаясь хитрыми и лукавыми, что создает негативный образ. Лиса в пословице «*The cunning of the fox is as murderous as the violence of the wolf*» («*Хитрость лисы столь же убийственна, как и жестокость волка*») также используется как символ негативных качеств — *хитрости* и *лукавства*. Здесь лиса олицетворяет *манипуляции* и *коварство*, которые могут привести к разрушительным последствиям, что подчёркивает её опасность как символ коварного характера.

Курица в выражении «*Dumb cluck A whistling woman and a crowing hen, are neither fit for God nor men*» («*Свистящая женщина и кукарекающая курица — ни для Бога, ни для людей не годятся*») символизирует *тупость* и *глупость*. Курица, которая часто ассоциируется с ограниченными возможностями или бездумными действиями,

используется здесь для обозначения тупого или неосмотрительного поведения. Этот образ курицы передает негативное восприятие людей, которые ведут себя неразумно или наивно.

В отрицательной группе наблюдается:

– **хитрость и лукавство:** лиса часто ассоциируется с негативными чертами, такими как *коварство* и *манипуляции*, что придаёт ей образ неискреннего существа, использующего свои способности в корыстных целях;

– **ложь и искажение реальности:** образ **рыбы** в контексте «*Рыбной сказки*» символизирует *ложь* или *неправдивые рассказы*, что подчёркивает негативную ассоциацию с недостоверной информацией;

– **глупость и наивность:** курица как символ глупости олицетворяет *ограниченность* и *наивность*, что делает её подходящей для выражения критики в отношении безрассудных и непродуманных действий.

В таблице 2.9 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «*сила*»/«*выносливость*»/«*физические качества*» в английском языке. Сопоставленные английские поговорки демонстрируют устойчивую тенденцию использования зоонимов как выразительных средств для описания различных человеческих качеств и состояний. Животные в поговорках выступают в роли своеобразных культурных маркеров, через которые выражаются общественные ценности, нормы и стереотипы.

Образ **быка** в выражении «*An old ox makes a straight furrow*» («*Старый вол несёт прямую борозду*») ассоциируется с физической *выносливостью* и *надежностью*. Здесь сила воспринимается как положительная черта – символ уверенности, прочности и стабильности.

Лошадь в поговорке «*If wishes were horses, beggars would ride*» («*Если бы желания были лошадьми, нищие бы ездили*») хоть и служит элементом гипотетической ситуации, но сама по себе воспринимается положительно – как *воплощение свободы и стремлений*, как *средство преодоления ограничений*.

Кошка в известной фразе «*A cat has nine lives*» («*У кошки девять жизней*») символизирует исключительную *способность выживать в сложных условиях*. Её устойчивость к опасностям и гибкость интерпретируются как проявление

внутренней силы.

Таблица 2.9

Ценность «сила»/«выносливость»/«физические качества» в английском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Бык	« <i>An old ox makes a straight furrow</i> » (букв.: «Старый вол несёт прямую борозду») – опыт и аккуратность
	Лошадь	« <i>If wishes were horses, beggars would ride</i> » (букв.: «Если бы желания были лошадьми, нищие бы ездили») – сила, свобода
	Кошка	« <i>A cat has nine lives</i> » (букв.: «У кошки девять жизней») – живучесть, жизнеспособность, выносливость
	Осёл	« <i>Hurry no man's cattle; you may come to have a donkey of your own</i> » (букв.: «Торопись, чужого скота нет; можешь получить собственного осла») – терпение
	Черепаша	« <i>Slow and steady wins the race</i> » (Aesop's fable of The Tortoise and the Hare) (букв.: «Медленно и постоянно выигрывает гонку») (Черепаша и заяц Эзопа)
Отрицательная	Бык	« <i>Dumb, as an ox</i> » (букв.: «Тупой, как бык») – сила без ума
	Лошадь	« <i>Zeal without knowledge is a runaway horse</i> » (букв.: «Рвение без знаний подобно сбежавшей лошади») – бессмысленное рвение
	Осёл	« <i>Don't be stubborn like a horse or mule. They need a bit and bridle in their mouth to restrain them, or they will not come near you</i> » (букв.: «Не будь упрямым, как конь или мул. Им нужны удила и уздечка, чтобы сдерживать их, иначе они не подойдут к тебе»)

Осёл в выражении «*Hurry no man's cattle; you may come to have a donkey of your own*» («Торопись, чужого скота нет; можешь получить собственного осла») олицетворяет кропотливый труд, выносливость и терпение. Несмотря на то, что работа представляется тяжелой, ассоциация с ослом несет в себе уважение к труду и настойчивости.

В выражении «*Where there are no oxen, the manger is empty, but from the strength of an ox come abundant harvests*» («Где нет волов, там ясли пусты; но от силы вола – обильный урожай») **бык** предстает как воплощение *физической силы, лишенной разума*. Это сравнение подчёркивает примитивность и негибкость, создавая образ грубого и недалекого существа.

Лошадь в пословице «*Zeal without knowledge is a runaway horse*» («Рвение без знаний подобно сбежавшей лошади») иллюстрирует *неуправляемую силу, которая при отсутствии разума способна привести к разрушительным последствиям*. Этот образ предостерегает от поспешности и бездумного энтузиазма.

Черепашка, упомянутая в сравнении «*Slow and steady wins the race*» (Aesop's fable of The Tortoise and the Hare) (букв.: «Медленно и постоянно выигрывает гонку») (Черепашка и заяц Эзопа), ассоциируется с *медлительностью*; её образ выражает недовольство низкой скоростью.

Сравнение «*Don't be stubborn like a horse or mule. They need a bit and bridle in their mouth to restrain them, or they will not come near you*» (букв.: «Не будь упрямым, как конь или мул. Им нужны удила и уздечка, чтобы сдерживать их, иначе они не подойдут к тебе») использует **осла** как символ *упрямства и непреклонности*. Здесь подчёркивается негативная сторона настойчивости – неспособность к компромиссу и сопротивление изменениям.

В положительном ключе животные характеризуются через физическую силу, выносливость, устойчивость к неблагоприятным условиям и трудолюбие. В противоположной категории акцент смещается на ментальные или поведенческие недостатки, такие как глупость, упрямота, медлительность и безрассудство. Таким образом, одни и те же животные могут восприниматься как положительно, так и отрицательно в зависимости от контекста – что отражает амбивалентный характер зоонимических образов в английской паремийной картине мира.

В таблице 2.10 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «*социальное поведение*»/«*роль в обществе*» в английском языке. Примеры, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что английская паремийная традиция активно использует зоонимы для выражения

социальных и поведенческих характеристик человека. Через образы животных метафорически передаются как положительно оцениваемые качества – *дружба, верность, забота*, так и негативные – *грубость, неуместное поведение, подавляющее доминирование*.

Собака традиционно ассоциируется с *верностью* и *дружелюбностью*. В выражении «*A dog is a man's best friend*» («Собака – лучший друг человека») подчёркивается её роль как преданного спутника человека, а в пословице «*Dog does not eat dog*» («Собака не ест собаку») собака становится символом корпоративной или социальной солидарности, демонстрируя отказа от взаимной агрессии внутри группы.

Курица в фразе «*The hen lays as well upon one egg as many*» («Курица одинаково хорошо сидит и на одном яйце, и на целой кладке») выступает символом *заботливости* и *инстинктивной защиты* – здесь подчёркивается материнское начало и внимание к другим.

Таблица 2.10

Ценность «социальное поведение»/«роль в обществе» в английском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Собака	« <i>A dog is a man's best friend</i> » (букв.: «Собака – лучший друг человека») – верность, дружба; « <i>Dog does not eat dog</i> » (букв.: «Собака не ест собаку») – коллективизм, сплоченность
	Курица	« <i>The hen lays as well upon one egg as many</i> » (букв.: «Курица одинаково хорошо сидит и на одном яйце, и на целой кладке») – забота
	Волк	« <i>The strength of the pack is the wolf</i> » (букв.: «Сила стаи – это волк») – коллективизм, сплоченность; « <i>Lone wolf</i> » (букв.: «Одинокий волк») – мужество (один, но не страдает от одиночества)
	Птица	« <i>Birds of a feather flock together</i> » (букв.: «Одинокие птицы сбиваются в стаю») – коллективизм, сплоченность
	Ястреб	« <i>Hawks will not pick out hawks' eyes</i> » (букв.: «Ястреб ястребу не выколет глаз») – коллективизм, сплоченность

Отрицательная	Кошка	« <i>When the cat's away, the mice will play</i> » (букв.: « <i>Когда коша нет дома, мыши начинают играть</i> ») – авторитарность (образ кошки и мыши в отношениях «хищник–жертва»)
	Свинья	« <i>You can't root with the hogs and have a clean nose</i> » (букв.: « <i>Нельзя одновременно хрюкать и иметь чистое рыло</i> ») – грязь, беспорядок, грубость

Волк, обычно трактуемый как хищный и опасный, в данном случае показан в положительном свете. Пословица «*The strength of the pack is the wolf*» («*Сила стаи – это волк*») раскрывает его как источник силы и сплочения коллектива, а образ «*Lone wolf*» («*Одинокий волк*») наделяет индивидуализм мужеством и самодостаточностью.

Птицы, в частности, в выражении «*Birds of a feather flock together*» («*Одинокие птицы сбиваются в стаи*») символизируют социальное единение и природную тягу к объединению с себе подобными, отражая стремление к общности. **Ястреб** в пословице «*Hawks will not pick out hawks' eyes*» («*Ястреб ястребу не выколет глаз*») интерпретируется как знак корпоративной лояльности, нежелания причинять вред равным себе.

Кошка в фразе «*When the cat's away, the mice will play*» («*Когда коша нет дома, мыши начинают играть*») предстаёт как фигура власти и контроля, а её отсутствие открывает путь к хаосу. Этот образ иллюстрирует авторитарные отношения и иерархическую модель поведения.

Свинья используется в выражении «*You can't root with the hogs and have a clean nose*» («*Нельзя одновременно хрюкать и иметь чистое рыло*») как метафора грубости, нечистоплотности и недостойного поведения, отражающая критику моральной или социальной неаккуратности.

Положительные зоонимические образы преимущественно акцентируют коллективные ценности, такие как сплоченность, поддержка, защита, а также личные качества, такие как преданность, самостоятельность, заботливость. Животные с отрицательной коннотацией иллюстрируют социальную девиацию: доминирование, нарушение норм поведения, дискомфорт от несоответствия

среде. Таким образом, животные в английской паремийной системе выполняют не только иллюстративную функцию, но и морализаторскую, задавая ориентиры приемлемого и неприемлемого поведения в обществе.

В таблице 2.11 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «этическое/моральное поведение» в английском языке. Рассматриваемые английские паремии иллюстрируют устойчивую тенденцию к использованию зоонимов для выражения социальных девиаций, негативных личностных качеств и жизненных парадоксов. Вопреки обобщенному положительному восприятию ряда животных в других контекстах, здесь они становятся носителями предостережения, иронии или моральной критики.

Таблица 2.11

Ценность «этическое/моральное поведение» в английском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Отрицательная	Заяц	« <i>You cannot run with the hare and hunt with the hounds</i> » (букв.: «Нельзя охотиться за зайцем и одновременно убежать от гончих») – двуличие, оппортунизм; « <i>If you run after two hares, you will catch neither</i> » (букв.: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь») – двуличие, оппортунизм
	Собака	« <i>If you lie down with dogs, you will get up with fleas</i> » (букв.: «С собаками ляжешь – с блохами встанешь») – двуличие, оппортунизм
	Обезьяна	« <i>If you pay peanuts, you get monkeys</i> » (букв.: «Если ты платишь арахисом, ты получишь обезьян») – низкое качество как результат минимальных вложений
	Волк	« <i>Fear makes the wolf bigger than it is</i> » (букв.: «Страх делает волка больше, чем он есть на самом деле») – жестокость, угроза
	Курица	« <i>Chicken and egg situation</i> » (букв.: «Ситуация с курицей и яйцом») – паралич действия, отсутствие ответственности; « <i>Don't count your chickens before they are hatched</i> » (букв.: «Не считай цыплят, пока они не вылупились») – предупреждение

Кошка	« <i>Curiosity killed the cat</i> » (букв.: «Любопытство сгубило кошку») – любопытство
Лошадь	« <i>Don't put the cart before the horse</i> » (букв.: «Не ставь телегу впереди лошади») – предупреждение

Заяц в двух паремиях («*You cannot run with the hare and hunt with the hounds*» («Нельзя охотиться за зайцем и одновременно убежать от гончих»); «*If you run after two hares, you will catch neither*» («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»)) ассоциируется с *оппортунистическим* и *двойственным поведением*. Эти выражения метафорически подчёркивают невозможность одновременно преследовать противоположные цели, акцентируя внимание на неискренности и нерешительности.

Собака, несмотря на частое позитивное использование, здесь выступает как *символ негативных последствий общения с недостойным окружением*. Контекст «*If you lie down with dogs, you will get up with fleas*» («С собаками ляжешь – с блохами встанешь») служит предостережением против морального компромисса.

Обезьяна в паремии «*If you pay peanuts, you get monkeys*» («Если ты платишь арахисом, ты получишь обезьян») воплощает *низкое качество как результат минимальных вложений* – это экономическая и социальная метафора, лишённая оценки конкретного животного, но всё же закрепляющая негативный образ.

Волк, как и в других культурах, связан с угрозой и агрессией. Однако в паремии «*Fear makes the wolf bigger than it is*» («Страх делает волка больше, чем он есть на самом деле») акцент смещён на перцептивный аспект страха – опасность гиперболизирована самим сознанием человека.

Курица традиционно символизирующая заботу, здесь используется для обозначения *неопределённости, парадоксальности* и *наивности*, что отражается в пословицах о курице и яйце («*Chicken and egg situation*» («Ситуация с курицей и яйцом»)) и как *предупреждение* («*Don't count your chickens before they are*

hatched) («*Не считай цыплят, пока они не вылупились*»)).

Кошка в фразе «*Curiosity killed the cat*» («*Любознательство сгубило кошку*») становится предупреждением против *излишней любознательности*, способной привести к неприятным последствиям.

Лошадь, обычно связанная со свободой и силой, в фразе «*Don't put the cart before the horse*» («*Не ставь телегу впереди лошади*») служит образом *ошибочной приоритизации*, акцентируя нарушение логического порядка действий.

В совокупности данные паремии формируют ценностную модель, ориентированную на сдержанность, благоразумие и социальную корректность. Через зоонимы метафорически выражаются моральные границы и последствия отклонения от общепринятых норм. Интересно отметить, что даже привычные положительные образы (**лошадь, кошка, собака**) могут при определенной прагматике приобрести предупреждающий или негативный оттенок.

В таблице 2.12 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «*изменчивость*»/«*способность к трансформации*» в английском языке. Рассматриваемые английские паремии иллюстрируют устойчивую метафору неизменности сущности, которая особенно выражена через зоонимы. Эти выражения подчёркивают пессимистическое восприятие изменений, акцентируя идею, что базовые черты характера или поведения не поддаются коррекции даже под внешним воздействием или с течением времени.

Единственный пример с положительной коннотацией («*First catch your hare*» – «*Сначала поймай своего зайца*») представляет **зайца** как образ *благоразумия* и *расчетливости*. Здесь наблюдается переход от конкретного животного к аллегорическому смыслу стратегии в действиях.

Отрицательная коннотация преобладает и сосредоточена вокруг метафоры неизменной природы. Выражение «*A rabbit hole*» («*Кроличья нора*») метафорически выражает *ловушку мышления* или *запутанную ситуацию*, из которой трудно выбраться, тем самым ассоциируя **кролика** с дезориентирующей средой.

Фразы про **кошку, собаку, леопарда, волка** акцентируют ограниченность

изменений, независимо от возраста, внешних условий или внешности. Эти пословицы служат социальными предостережениями, указывающими на бессмысленность усилий изменить природу – свою или чужую.

Таблица 2.12

Ценность «изменчивость»/«способность к трансформации» в английском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Заяц	« <i>First catch your hare</i> » (букв.: «Сначала поймай своего зайца») – способность правильно оценить ситуацию, прежде чем действовать
Отрицательная	Кролик	« <i>A rabbit hole</i> » (букв.: «Кроличья нора») – неумение выходить из трудной ситуации
	Кошка	« <i>A cat's a cat, and that's that</i> » (букв.: «Кот – это только кот») – невозможность изменения сущности
	Собака	« <i>You can't teach an old dog new tricks</i> » (букв.: «Старую собаку новым трюкам не научишь») – невозможность изменения сущности
	Леопард	« <i>A leopard never changes its spots</i> » (букв.: «Леопард не может изменить свои пятна») – невозможность изменения сущности
	Волк	« <i>The wolf changes his coat, but not his disposition</i> » (букв.: «Волк меняет шкуру, но не повадки») – невозможность изменения своей сущности

В совокупности эти паремии подтверждают, что в англоязычной лингвокультуре животные с ярко выраженными физическими или поведенческими чертами (**леопард, волк, собака**) становятся устойчивыми символами фиксации характера, социальной предопределенности и инерции мышления. Таким образом, язык через зоонимы конструирует консервативную установку на природу человека, где возможность трансформации воспринимается как крайне ограниченная.

В ходе анализа английских паремий с компонентом-зоонимом наибольшее число примеров связано с такими культурно значимыми ценностями, как

интеллект и пронциательность, физическая сила и выносливость, а также социальное поведение и роль индивида в обществе. Эти ценности систематически маркируются через зоонимы, выступающие как в положительном, так и в отрицательном аксиологическом ключе. Так, ценность ума и опыта выражается через образы лисы и совы, где первая зачастую ассоциируется с хитростью и лукавством, а вторая – с мудростью и зрелостью. Ценность физической силы репрезентируется через быка и лошадь, символизирующих мощь, устойчивость и надёжность, но при этом может трактоваться негативно, как в выражении «Where there are no oxen, the manger is empty, but from the strength of an ox come abundant harvests» («Где нет волов, там ясли пусты; но от силы вола – обильный урожай»).

. Особенно насыщены аксиологическим содержанием зоонимы, отражающие социальное поведение: например, **собака** – *верность*, но также и *обидный эпитет в адрес женщин*; **курица** – *заботливая мать*, но также символ *трусости*); **волк** – символ как *одиначества и силы*, так и *жестокости*.

Наиболее частотно встречающиеся ценности в английских поговорках – когнитивные, физические и социальные – отражают ключевые параметры оценки поведения и личности в англоязычной культуре. При этом зоонимы выполняют роль культурных метафор, конденсирующих нормативные и девиантные черты в лаконичных, но ёмких языковых формах.

Одним из ключевых различий между английским и греческим подходами к использованию зоонимов в поговорках является характер культурной интерпретации животных и их символических функций. В английской традиции зоонимы часто приобретают индивидуализированные и психологизированные значения, отражающие качества отдельной личности – такие как *интеллект* («As sly as a fox» – «Хитрый, как лиса»), *мужество* («Lone wolf» – «Одинокий волк») или *трусость* («Chicken out» – «Трусливый, как курица»). Это соответствует англо-американской ориентации на индивидуальные качества, личную ответственность и прагматизм как культурные ценности [Kövecses, 2005; Wierzbicka, 2006].

В новогреческих же поговорках зоонимы гораздо чаще функционируют в

контексте социальной иерархии, коллективной морали и нормативного поведения, подчёркивая, с одной стороны, социальные роли, а с другой – соответствие или несоответствие ожиданиям общества. Например, **лиса** в греческой паремии «*Η αλεπού εκατόν χρόνων, το αλεπουδάκι εκατόν ένα*» («*Лиса – сто лет, лисенок – сто один год*») выступает как метафора *цикличности*, повторяемости и невозможности «перехитрить» систему, в отличие от английской лисы, которая символизирует *личную смекалку*. Аналогично **осёл** в греческой традиции – символ *терпения* и *страдания*, особенно в религиозно-культурном контексте (ср. образ осла в Вербное воскресенье), тогда как в английской – чаще всего как воплощение *упрямства* и *глупости* [Stavropoulos, 1993].

Кроме того, английские паремии демонстрируют большую степень когнитивной амбивалентности: один и тот же зооним может одновременно представлять как положительное, так и отрицательное качество (например, **лиса** как *ум* и как *лукавство*), тогда как греческая традиция чаще сохраняет однозначную ценностную маркировку, соответствующую устоявшимся культурным архетипам. Таким образом, английский подход можно охарактеризовать как более психологизированный, индивидуалистский и амбивалентный, в то время как греческий – коллективистский, нормативно ориентированный и более устойчиво ценностно маркированный.

Анализ английских паремий с компонентом-зоонимом демонстрирует широкий спектр аксиологических ориентиров, характерных для англоязычной культурной традиции. Эти выражения не только отражают повседневный опыт, но и транслируют ключевые ценности, разделяемые обществом.

Рассмотрим наиболее репрезентативные из них с опорой на категориальную классификацию:

– **интеллект (ум, знание, проницательность)**. Английские паремии активно репрезентируют когнитивную сферу через образы животных, метафорически описывающих прагматический и житейский разум. Так, «*First catch your hare*» («*Сначала поймай зайца*») иллюстрирует необходимость логического планирования до начала действия, а «*Zeal without knowledge is a*

runaway horse» («Рвение без знаний – как сбежавшая лошадь») подчёркивает превосходство знаний над слепым энтузиазмом. Лиса как образ символизирует интеллектуальную гибкость, а в некоторых контекстах – изощренную сообразительность;

– **физическая и моральная сила (выносливость, активность, мужество).**

Выражения «*Work like a dog*» («Работай, как собака») и «*Hurry up man's cattle; you may come to have a donkey of your own*» («Торопись, чужого скота нет; можешь получить собственного осла») подчёркивают трудолюбие и физическую выносливость как социально одобряемые черты. Выражение «*A cat has nine lives*» («У кошки девять жизней») говорит о стойкости и способности выживать в тяжелых условиях, что соотносится как с физической, так и с психологической устойчивостью. Эти качества высоко ценятся в англоязычном культурном контексте как атрибуты «сильной» личности;

– **поведенческая норма и социальный статус (роль в обществе, иерархия).**

Паремии «*The strength of the pack is the wolf*» («Сила волка – в стае») и «*Hawks will not pick out hawks' eyes*» («Ястреб ястребу глаз не выколает») акцентируют важность социальной кооперации, групповой солидарности и иерархии. Образ «*A fish out of water*» («Как рыба без воды») противопоставлен этим установкам – он описывает индивида, выпавшего из привычной среды, нарушившего нормы социальной принадлежности. Такие паремии фиксируют значимость встроенности в коллектив как признак нормального социального функционирования;

– **этическая оценка (добро/зло, порядочность, моральные установки).**

В английской паремиологии часто наблюдается моральная амбивалентность. Так, лиса одновременно может символизировать как изобретательность (добро), так и коварство (зло). Паремия «*If you lie down with dogs, you will get up with fleas*» («С собаками ляжешь – с блохами встанешь») функционирует как предупреждение об опасности аморального окружения, транслируя идею об индивидуальной ответственности за собственный моральный выбор. В выражении «*Cold, as a fish*» («Холодный, как рыба») негативно оценивается

эмоциональная отстраненность как нарушение социальной и этической нормы;

– **изменчивость/устойчивость (способность к трансформации или её отсутствие)**. Некоторые пословицы иллюстрируют скепсис по отношению к личностным изменениям: «*You can't teach an old dog new tricks*» («Старую собаку новым трюкам не научишь»), «*A leopard never changes its spots*» («Леопард не может изменить свои пятна»), «*The wolf changes his coat, but not his disposition*» («Волк меняет шкуру, но не повадки»). Все эти выражения передают идею неизменности человеческой природы, что воспринимается как ограниченность или неспособность к развитию. В то же время они фиксируют ценность постоянства как маркера предсказуемости и надежности в социальной среде;

– **гендерный статус (оценка мужчин и женщин через зоонимические образы)**. Гендерные стереотипы наиболее отчетливо выражены в таких выражениях, как «*The hen lays as well upon one egg as many*» («Курица несёт яйца так же хорошо на одном, как и на многих»), где заботливость, тревожность и опека ассоциируются с женским поведением. Это свидетельствует о сохранении традиционного восприятия гендерных ролей, несмотря на существующие культурные сдвиги. Такие паремии иллюстрируют «мягкую» женственность как социально ожидаемую норму.

Английские паремии с зоонимами отображают как позитивные, так и негативные культурные установки, которые варьируются от акцента на индивидуализм и свободу выбора до социальных стереотипов и моральных ценностей. Эти элементы могут отличаться от подходов других культур, например, греческой или русской, где акцент может быть сделан на коллективизме, более строгих моральных нормах или отношениях с природой. Английские паремии с зоонимами отражают важные культурные ценности, такие как *индивидуализм, трудовая этика, моральная двусмысленность и социальные стереотипы*, особенно в отношении гендера и роли животных в обществе. Эти паремии подчёркивают важность личной свободы и независимости, а также отражают положительные и отрицательные качества, связанные с животными.

В отличие от других культур, таких как греческая или русская, английская культура часто выражает эти ценности через более гибкие и амбивалентные символы, что свидетельствует о специфике восприятия природы и моральных норм в англоязычных странах.

2.2.3. Аксиологический аспект паремий с компонентом-зоонимом в русском языке

Русские паремиологи всесторонне исследовали связь паремий и культуры, исходя из кумулятивной функции языка, т.е. функции хранения результатов познания и знаний материальной и духовной культуры в языковых знаках.

В.Н. Телия охарактеризовал паремии как язык бытовой культуры, передаваемый из поколения в поколение и отражающий жизненную философию народа [Телия, 1996: 241]. Она определила пословицы и поговорки как один из важнейших культурных кодов в силу их дидактического характера [Телия, 1996: 218–219]; указывала, что мировоззрение и интерпретация народа в контексте культурных традиций закреплялись в языке, в том числе в паремиях [Телия, 1996: 31]. Пословицы и поговорки служат не только средством передачи информации, но способом выражения и передачи культурных ценностей и особенностей мировосприятия [Ковшова, 1999].

Существуют многочисленные исследования русских паремий в контексте культуры [Нелюбова, 2019: 323–335; Привалова, 2001: 10–6; Селиверстова, 2017; Чернощёкова, 2009: 80–85]. Впечатляющий вклад в этом отношении внес В.М. Мокиенко, исследовавший образность и мотивы русских пословиц и поговорок на основе русской культуры и быта [Мокиенко, 1986].

В таблицах 2.13–2.17 представлена аксиологическая классификация зоонимических паремий, основанная на положительных и отрицательных оценках, которые присваиваются различным животным в русской народной традиции. Каждое животное в рассматриваемых пословицах и поговорках выполняет роль носителя определенных характеристик, что отражает культурные

стереотипы, существующие в языке и коллективной психологии. В контексте лингвистического анализа такие характеристики можно рассматривать как результат когнитивных и социокультурных процессов, влияющих на восприятие и символическое значение животных.

В таблице 2.13 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «интеллект»/«ум»/«проницательность» в русском языке.

Таблица 2.13

Ценность «интеллект»/«ум»/«проницательность» в русском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Лиса	«Лиса семерых волков проведёт» – острый ум
	Сова	«Виден сыч по полёту, сова – по взгляду» – мудрость, наблюдательность
Отрицательная	Осёл	«Осёл на осле, дурак на дураке» – глупость
	Курица	«Курица не птица, а баба не человек» – глупость, презрение
	Лиса	«Всякая лиса свой хвост хвалит» – хитрость
	Свинья	«Не мечи бисер перед свиньями» – глупость

Лиса, как правило, в русских пословицах и поговорках ассоциируется с хитростью и умом. В пословице «Лиса семерых волков проведёт» лиса представляется не только умным, но и хитрым существом, обладающим способностью манипулировать другими, что символизирует *острый ум* и *стратегическое мышление*. Это выражение подчёркивает положительную характеристику лисы как животного, способного преодолевать трудности с помощью интеллекта и хитрости. В ряде мифологических и фольклорных традиций лиса также играет роль символа мудрости, хотя часто её ум воспринимается как манипулятивный.

Сова в русском языке традиционно символизирует *мудрость*, что ярко выражено в пословице «Виден сыч по полёту, сова – по взгляду». В этом

контексте сова является метафорой проницательности, знаний и интеллектуальной глубины. Сова в различных культурах ассоциируется с ночным зрением и способностью видеть то, что скрыто от глаз большинства, что подчёркивает её статус как символа мудрости и прозорливости.

Осёл в русском языке представляет собой символ *глупости* и *упрямства*, что находит своё отражение в пословице «*Осла с волком не чetaют*». Этот образ закрепился в народном сознании как характеристика животного, лишённого сообразительности и гибкости мышления, что часто используется для обозначения людей, которые не способны к обучению или изменению своего поведения.

Курица в русской лексике ассоциируется с *ограниченностью* и *глупостью*, что выражается в таких выражениях, как «*Курица не птица, а баба не человек*» и «*Курам на смех*». В этих выражениях курица выступает как символ низкого уровня интеллекта и сообразительности, а также как объект насмешки. Это отражает не только биологические особенности кур, но и социально-культурные стереотипы, связанные с их поведением.

Свинья в русской традиции символизирует *невежество* и *нечувствительность*, что иллюстрируется пословицей «*Не мечи бисер перед свиньями*». Здесь свинья воспринимается как животное, не способное оценить ценность предмета, что переносится на человека, не разбирающегося в истинных ценностях и не способного оценить то, что ему предлагается. Это образ животного, лишённого эстетического восприятия и способности к культурному различению.

Таким образом, зоонимические паремии, содержащиеся в своём составе образы животных, в русской народной традиции выполняют важную роль в отражении ценностных и моральных оценок, а также в построении когнитивных стереотипов о тех или иных качествах.

Выбор животных, символизирующих ум, хитрость, мудрость, глупость и невежество, является результатом многовекового культурного опыта, в рамках

которого животные становятся яркими знаками человеческих качеств, воспринимаемых в социальной и культурной практике.

Таблица 2.14 иллюстрирует аксиологическую амбивалентность зоонимов в составе русских паремий на основании ценностных ориентиров «сила»/«выносливость»/«физические качества». Рассматриваемые русские паремии демонстрируют как положительные, так и отрицательные коннотации, закрепленные за определенными животными в языковом сознании носителей.

Таблица 2.14

Ценность «сила»/«выносливость»/«физические качества» в русском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Бык	«Взять быка за рога» – сила, решительность
	Кошка	«Кошку девятая смерть донимает» – жизнеспособность, выносливость
	Волк	«Волк не может быть овцой» – свобода, сила
	Собака	«Собака лает, а караван идёт» – стойкость
Отрицательная	Черепашка	«Молодость летает вольной птичкой, а старость ползет черепашкой» – медлительность
	Бык	«Стал, как бык, и не знает, как быть» – упрямство
	Осёл	«Осла с волком не четают» – упрямство

Так, зооним **бык** обладает двойственной оценочностью: с одной стороны, в выражении «Взять быка за рога» он символизирует *решительность* и *силу*, что актуализирует положительные черты характера, связанные с мужественностью и активным преодолением трудностей; с другой – в паремии «Стал, как бык, и не знает, как быть» он маркирует негативное качество – *неуступчивость* и *ограниченность*.

Зоонимы **кошка**, **волк** и **собака** в приведённых примерах наделяются преимущественно положительной семантикой. Так, **кошка** ассоциируется с *жизненной стойкостью* и *выносливостью* («Кошку девятая смерть донимает»), **волк** – с *внутренней свободой* и *силой* («Волк не может быть овцой»), а **собака** –

со стойкостью и целеустремленностью, несмотря на внешние раздражители («Собака лает, а караван идёт»).

В противоположность этому, зоонимы **черепаха** и **осёл** закреплены в отрицательной аксиосфере. Образ **черепахи** актуализирует идею *чрезмерной медлительности* (*Молодость летает вольной птишкой, а старость ползет черепашкой*), тогда как **осёл**, подобно **быку** в негативной парадигме, символизирует *упёртость* и *ограниченность мышления* («Осёл на осле, дурак на дураке»).

Таким образом, таблица 2.14 демонстрирует, что одни и те же зоонимы могут обладать как позитивной, так и негативной семантикой в зависимости от контекста, что отражает сложность и многозначность зооморфных образов в паремийной системе русского языка.

В таблице 2.5 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «социальное поведение»/«роль в обществе» в русском языке. Здесь представлен лингвокультурологический анализ зоонимов, функционирующих в составе русских паремий, с точки зрения их аксиологической маркированности.

Таблица 2.15

Ценность «социальное поведение»/«роль в обществе» в русском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Собака	«При верной собаке сторож спит» – верность; «Каждая собака в своей шерсти ходит» – индивидуальность
	Курица	«Высидела курица утят, да и плачется с ними» – хорошая мать, заботливость
	Лошадь	«Даже на маленькой лошадке седлу место будет» – полезность
	Осёл	«На смиренного осла двое садятся» – терпеливость, трудолюбие
Отрицательная	Собака	«Собака, что лает, редко кусает» – показность; «Сердитая собака – волку корысть» – уязвимость

Волк	«Один волк гоняет овец полк» – жестокость, злоба
Кошка	«На мышку и кошка зверь» – авторитарность (образ кошки и мыши в отношениях «хищник–жертва»)

Особый интерес вызывает наличие как положительных, так и отрицательных коннотаций у одних и тех же зоонимов, что указывает на полисемантическую и контекстуальную обусловленность значений.

Так, зооним **собака** иллюстрирует примеры семантической амбивалентности. В выражениях «*При верной собаке сторож спит*» и «*Каждая собака в своей шерсти ходит*» животное выступает как символ *верности* и *индивидуальности*, что коррелирует с устойчивыми культурными представлениями о собаке как о преданном спутнике человека. Однако в негативных контекстах («*Собака, которая лает, редко кусает*», «*Сердитая собака – волку корысть*») образ собаки приобретает оценку низкого социального положения, показной агрессии и уязвимости, отражая семантику *страдания*, *бессилия* или *беспомощности*.

Зоонимы **курица** и **лошадь** в данной выборке интерпретируются исключительно в положительном ключе. Так, **курица**, несмотря на частое использование в ироническом или уничижительном значении в других контекстах, в пословице «*Высидела курица утят, да и плачется с ними*» символизирует *материнскую заботу* и *эмпатию*. **Лошадь**, в свою очередь, выступает маркером *надёжности* и *функциональной полезности*, даже при внешне неприметных качествах («*Даже на маленькой лошадке седлу место будет*»).

Интерес представляет также трактовка зоонима **осёл**. В выражении «*На смиренного осла двое садятся*» животное ассоциируется с *терпеливостью* и *выносливостью* – качествами, позитивно оцениваемыми в трудовом и бытовом дискурсе. Такая интерпретация резко контрастирует с традиционной негативной семантикой упрямства, часто приписываемой ослу, как показано в других контекстах.

Наконец, отрицательная оценка зоонима **волк** в паремии «*Один волк гоняет*

овец полк» подчёркивает хищническую, *деструктивную сущность*, а образ **КОШКИ** в пословице *«На мышку и кошка зверь»* передает асимметрию власти и доминирование сильного над слабым, актуализируя *авторитарные отношения*.

Таким образом, таблица 2.15 отражает сложную и многослойную систему зооморфных образов в русском паремийном фонде, демонстрируя, что аксиологическая окраска зоонимов обусловлена не только биологическими или поведенческими характеристиками животных, но и культурно-ценностными установками, закрепленными в языке.

В таблице 2.16 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров *«этическое/моральное поведение»* в русском языке.

Таблица 2.16

Ценность *«этическое/моральное поведение»* в русском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Положительная	Кошка	<i>«Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет»</i> – стабильность, постоянство, неизменность
	Лошадь	<i>«Конь о четырёх ногах, да спотыкается»</i> – неидеальность
	Собака	<i>«Собака бела, собака черна, а дух один»</i> – сущность
Отрицательная	Лиса	<i>«Лиса врёт, на свой хвост шлёт, да оба изверились»</i> – хитрость, обман
	Свинья	<i>«Свиные глаза не боятся грязи»</i> – грубость, плохие манеры; <i>«Со свиным рылом да в Калашный ряд»</i> – грубость, плохие манеры
	Рыба	<i>«Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса»</i> – бесхарактерность

В таблице 2.16 демонстрируется семантическая и аксиологическая дифференциация зоонимов в составе русских паремий, отражающая устойчивые культурные стереотипы, закрепленные за животными в народном мировоззрении. Анализ выявляет как положительные, так и отрицательные коннотации,

обусловленные функциональной и метафорической нагрузкой зоонимов в поговорках.

В положительной аксиосфере выделяются **кошка, лошадь и собака**. Пословица «*Кошка мышей ловить не устанет, а вор – воровать*» наделяет кошку чертами *стабильности* и *надёжности*, противопоставляя её социальной девиации (вору), что свидетельствует о ценностной ориентации на труд и выполнение социальной функции.

Зооним **лошадь** в выражении «*Конь о четырёх ногах, да спотыкается*» символизирует *принятие несовершенства, гуманистический взгляд на ошибочность как естественную часть бытия*.

Собака в поговорке «*Собака белая, собака чёрная, а дух один*» выступает как метафора единства внутренней сущности при внешнем различии, что отражает философскую установку на *равенство и общность природы всех существ*.

Отрицательная аксиологическая зона репрезентирована зоонимами **лиса, свинья и рыба**.

Лиса традиционно ассоциируется с *хитростью* и *обманом*, что проявляется в поговорке «*Лиса врёт, на свой хвост шлёт, да оба изверились*», где негативная оценка распространяется как на субъект, так и на его действия.

Зооним **свинья** в двух поговорках («*Свиные глаза не боятся грязи*», «*Со свиным рылом да в Калашный ряд*») устойчиво маркируется как носитель *грубости, нечистоплотности* и *социальной неуместности*. Эти образы фиксируют представление о культурной оппозиции «свой–чужой», где свинья символизирует нарушение норм приличия и эстетических стандартов.

Образ **рыбы** в выражении «*Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса*» передаёт идею неопределённости, бесхарактерности и отсутствия чёткой идентичности, что придаёт поговорке выражено негативную прагматическую направленность.

Таким образом, таблица 2.16 наглядно иллюстрирует культурно маркированные ценностные ориентации, в которых зоонимы выступают не только как носители определенных черт, но и как выразители социальных норм, моральных оценок и философских обобщений, закреплённых в поговорочном

фонде русского языка.

В таблице 2.7 приведена классификация, построенная на основании ценностных ориентиров «изменчивость»/«способность к трансформации» в русском языке. В ней иллюстрируются отрицательные коннотации зоонимов в составе русских паремий, акцентируя внимание на темах неизменности сущности, невозможности внутренней трансформации, социальной адаптации и иерархии. В центре внимания оказываются зооморфные образы **волка, осла, собаки и лошади**, каждый из которых используется как экспонент негативно маркированных социальных или моральных качеств.

Таблица 2.17

Ценность «изменчивость»/«способность к трансформации» в русском языке

Коннотация	Животное	Примеры
Отрицательная	Волк	«Волк хоть и каждый год линяет, да обычая не меняет» – неизменность дурных привычек; «С волками жить – по-волчьи выть» – адаптация
	Осёл	«Когда нет лошади, и осёл – скотина» – внешнее изменение без внутренней перемены; «Осла и в львиной коже по крику узнаешь» – внешность меняется, а суть остается
	Собака	«Как ни вертись собака, а хвост не достать» – неизменность поведения
	Лошадь	«Растолстевшая лошадь сбрасывает с себя седока» – изменение

Зооним **волк** в пословицах «Волк хоть и каждый год линяет, да обычая не меняет» и «С волками жить – по-волчьи выть» иллюстрирует устойчивое представление о жестокости, асоциальности и невозможности переобучения. В первом случае подчёркивается инвариантность негативных привычек, устойчивость деструктивного поведения; во втором – через метафору волчьего вытья актуализируется принудительная адаптация к враждебной среде, что трактуется как компромисс с моралью или отказ от собственной идентичности ради выживания.

Осёл в проанализированных примерах олицетворяет поверхностность изменений и ограниченность. Пословицы *«Когда нет лошади, и осёл – скотина»* и *«Осла и в львиной коже по крику узнаешь»* акцентируют внимание на мнимости преобразований и невозможности скрыть или компенсировать врожденную или закрепленную «недостаточность» внешними средствами. Такие выражения фиксируют представление о внутренней неизменности, несмотря на внешние попытки преобразования или социального восхождения.

Зооним **собака** в выражении *«Как ни вертись собака, а хвост не достать»* также символизирует невозможность уйти от своей природы. Здесь подчёркивается обреченность субъекта на повторение одних и тех же моделей поведения, несмотря на усилия или манипуляции с собственной внешностью и действиями.

Наконец, образ **лошади** в пословице *«Растолстевшая лошадь сбрасывает с себя седока»* репрезентирует идею утраты контроля и отказа от иерархического подчинения. Изменение физического состояния (ожирение) здесь метафорически передаёт внутреннюю трансформацию в сторону агрессии, неподчинения и разрушения стабильности.

Таким образом, таблица 2.17 демонстрирует устойчивую тенденцию к негативной оценке в случаях, когда изменения затрагивают только внешнюю сторону, не сопровождаясь внутренней моральной или сущностной трансформацией. Зоонимы в этих контекстах становятся выразителями народной мудрости, осуждающей показные, мнимые или вынужденные преобразования, противопоставляя им идею подлинности, пусть и с негативным содержанием.

На основе проведенного анализа русских паремий с зоонимами и с учётом предложенной аксиологической схемы можно определить следующие ценности, отражённые в паремиях:

– **интеллект (ум, знание, проницательность)**. В данной категории особенно ярко выражена символика **лисы** как олицетворения житейской хитрости и сообразительности: *«Всякая лиса свой хвост хвалит»*, *«Старую лису хитростям не учить»*. Эти выражения отражают уважение к практическому

опыту и интуитивной смекалке, хотя такая «мудрость» часто несёт оттенок моральной сомнительности. Напротив, образы **курицы** (*Курица не птица, а баба не человек*»), осла и **мыши** используются для характеристики ограниченного ума, недалёковидности и неспособности к логическому мышлению;

– **физическая и моральная сила (выносливость, активность, мужество).**

Паремии типа *«Кошку девятая смерть донимает»* иллюстрируют ценность физической стойкости и способности к выживанию. Животные выступают маркерами выносливости и способности преодолевать трудности. *«Быть собаке битой – найдется и палка»*, в свою очередь, подчёркивает страдательное существование, противоположное достоинству и моральной силе. **Осёл** и **лошадь** в пословицах отражают готовность к труду и терпеливость (*«На смирного осла двое садятся»*), но с разной аксиологической нагрузкой – от утилитарного смирения до благородного усилия;

– **поведенческая норма и социальный статус (роль в обществе, иерархия).** Образы животных часто используются для обозначения иерархии и роли в социальной структуре. Так, пословица *«Осла и в львиной коже по крику узнаешь»* передаёт идею невозможности скрыть низкий статус за внешними признаками. Аналогично выражение *«Когда нет лошади, и осёл – скотина»* иллюстрирует релятивность социального положения в зависимости от обстоятельств. Зоонимы служат инструментом маркирования нормального и отклоняющегося поведения, а также оценкой включенности или маргинальности индивида в обществе;

– **этическая оценка (добро/зло, порядочность, моральные установки).**

Собака в русской паремиологии имеет амбивалентную коннотацию: с одной стороны, она символизирует верность и преданность, с другой – агрессию и непредсказуемость, как в пословице *«Бешеная собака и хозяина кусает»*. **Лиса**, несмотря на её ум, может ассоциироваться с коварством. Таким образом, животные становятся носителями моральных уроков, предупреждений и оценок поведения с позиций добра и зла;

– **изменчивость/устойчивость (способность к трансформации или её**

отсутствие). Русские поговорки, как правило, подчёркивают устойчивость характера, невозможность внутренней трансформации. Это проявляется в пословицах, где закрепляется идея неизменности натуры: «*Волк не может быть овцой*» – устойчивость как биологическая и социальная предопределённость. Такой подход часто носит фаталистический оттенок, утверждая стабильность личностных характеристик и невозможность их переоценки;

– **гендерный статус (оценка мужчин и женщин через зоонимические образы).** Гендерные стереотипы в русских поговорках ярко выражены. Женские образы чаще ассоциируются с **лисой** и **курицей** (лиса – символ женской хитрости, изворотливости и коварства, тогда как курица воплощает одновременно материнскую заботу и глупость).

Таким образом, зоонимы участвуют в формировании устойчивых моделей женского поведения в культуре, одновременно утверждая и подвергая критике традиционные роли. Мужские образы выражены менее явно, но, например, **волк** и **осёл** также могут выступать как модели «мужского» поведения – от независимости до подчиненности.

2.2.4. Сопоставление аксиологических коннотаций зоонимов в трёх языках

Задачей настоящего раздела является сопоставительный анализ коннотативных значений поговорок с компонентом-зоонимом в греческой, английской и русской лингвокультурах. Сравнение позволит выявить общие и специфические для каждой культуры ценностные установки, отражённые в языковой образности. Результаты анализа в предыдущих разделах показывают преобладание коннотативных значений, выраженных названиями компонентов-зоонимов, в поговорочной терминологии греческого, английского и русского языков.

Положительная и отрицательная коннотации поговорок трёх рассматриваемых языков представлены в таблице 2.18.

Рассмотрим общие значения некоторых коннотативных единиц в паремиях с компонентом-зоонимом для греческого, английского и русского языков:

1) паремии, имеющие значение *«авторитарность»*, ассоциируются с компонентом-зоонимом **кошка**. Паремии с компонентом-зоонимом **кошка** выражают образ **кошки** и **мыши** в отношениях *«хищник–жертва»*.

Например:

– греч.: *«Όταν λείπει η γάτα χορεύουν τα ποντίκια»* (букв.: *«Когда коты нет, мыши танцуют»*);

– англ.: *«When the cat's away, the mice will play»* (букв.: *«Когда коты нет дома, мыши начинают играть»*);

– рус.: *«На мышку и кошка зверь»*;

Таблица 2.18

Коннотация и компоненты-зоонимы в греческом, английском и русском языках

Коннотация	Компонент-зооним		
	Греческий язык	Английский язык	Русский язык
Алчность	Σκύλος (собака)	–	–
Авторитарность	Γάτα (кошка)	Cat (кошка)	Кошка
Богатство	Βόδι (бык)	–	–
Важность, достоинство	Άλογο (лошадь)	–	–
Высокомерие	Άλογο (лошадь)	–	–
Высокий интеллект, острый ум	Γάτα (кошка)	–	–
	Αλεπού (лиса)	Fox (лиса)	Лиса
Грязь, плохие манеры, невоспитанность	Γάιδαρος (осёл)	–	–
	Γουρούνι (свинья)	Pig (свинья)	Свинья
Жертва, трусость	Ποντίκι (мышь)	Mouse (мышь)	Мышь
Злоба, жестокость	Λύκος (волк)	Wolf (волк)	Волк
	Σκύλος (собака)	–	Собака
	–	Fish (рыба)	–
Верность	Σκύλος (собака)	Dog (собака)	Собака
Медлительность	Χελώνα (черепаха)	Turtle (черепаха)	Черепаха
Мудрость	Κουκουβάγια (сова)	Owl (сова)	Сова
Мужество, (физическая) сила	Λύκος (волк)	Wolf (волк)	Волк
	–	Horse (лошадь)	–
	–	Ox (бык)	Бык
	–	Horse (лошадь)	–
Бессмысленное рвение	–	Horse (лошадь)	–
Низкий интеллект, глупость,	Βόδι (бык)	Ox (бык)	–

тупость	Κότα (курица)	Chicken (курица)	Курица
	Κόκορας (петух)	–	–
	–	–	Осёл
	–	–	Свинья
Обманные методы, поддержка конфликтующих сторон	–	Hare (заяц)	–
Живучесть, жизнеспособность, выносливость	Γάτα (кошка)	Cat (кошка)	Кошка
Заботливость, хорошая мать	Κότα (курица)	Chicken (курица)	Курица
Способность просыпаться рано	–	Chicken (курица)	–
Способность ложиться спать поздно	–	Owl (сова)	–
Терпимость	Γάιδарος (осёл)	Donkey (осёл)	Осёл
Упрямство	Γάιδарος (осёл)	Donkey (осёл)	Осёл
	–	–	Бык
Хитрость	Αλεπού (лиса)	Fox (лиса)	Лиса
Бесхарактерность	–	–	Рыба

2) паремии, выражающие качество «жертва», ассоциируются с компонентом-зоонимом **мышь** и выражают образ **кошки** и **мыши** в отношениях «хищник–жертва».

Например:

– греч.: «Όταν λείπει η γάτα χορεύουν τα ποντίκια» (букв.: «Когда коты нет, мыши танцуют»);

– англ.: «When the cat's away, the mice will play» (букв.: «Когда коты нет дома, мыши начинают играть»);

– рус.: «На мышку и кошка зверь»;

3) паремии, выражающие качество «живучесть и жизнеспособность», ассоциируются с компонентом-зоонимом **кошка**.

Например:

– греч.: «Η γάτα είναι εφτάψυχη» (букв.: «У кошки семь жизней»);

– англ.: «A cat has nine lives» (букв.: «У кошки девять жизней»);

– рус.: «Кошку девятая смерть донимает»;

4) паремии, выражающие качество «грубость, невоспитанность и плохие манеры», ассоциируются с компонентом-зоонимом **свинья**.

Например:

– греч.: «*Όλα τα γουρούνια την ίδια μούρη έχουν*» (букв.: «*Все свиньи имеют одинаковую морду*»);

– англ.: «*Whoever wants to live with swine, will learn how to grunt*» (букв.: «*Кто хочет жить со свиньями, тот научится хрюкать*»);

– рус.: «*Со свиным рылом да в Калаиный ряд*»;

5) паремии, имеющие значение «*жестокость, злоба и несчастье*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **ВОЛК**.

Например:

– греч.: «*Όποιος γίνεται πρόβατο τον τρώει ο λύκος*» (букв.: «*Кто становится овцой, того съедает волк*»);

– англ.: «*Fear makes the wolf bigger than it is*» (букв.: «*Страх делает волка больше, чем он есть на самом деле*»);

– рус.: «*Один волк гоняет овец полк*»;

6) паремии, имеющие значение «*мужество, верховенство и сила*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **ВОЛК**.

Например:

– греч.: «*Ο λύκος αρνί δε γίνεται*» (букв.: «*Волк не станет ягнёнком*»);

– англ.: «*For the strength of the pack is the wolf*» (букв.: «*Сила стаи – это волк*»);

– рус.: «*Волком родился – овцой не бывать*»;

7) паремии, имеющие значение «*верность*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **СОБАКА**.

Например:

– греч.: «*Ο καλύτερος φίλος είναι ο σκύλος*» (букв.: «*Лучший друг – это собака*»);

– англ.: «*A dog is a man's best friend*» (букв.: «*Собака – лучший друг человека*»);

– рус.: «*Собака – лучший друг человека*»;

8) паремии, выражающие качество «*медлительность*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **ЧЕРЕПАХА**.

Например:

– греч.: «*Στον κατήφορο κ' οι χελώνες πάνε.*» (букв.: «*Под гору и черепахи идут*»);

– англ.: «*Slow and steady wins the race*» (Aesop's fable of The Tortoise and the Hare) (букв.: «*Медленно и постоянно выигрывает гонку*» (Черепаха и заяц Эзопа);

– рус.: «*Молодость летает вольной пташкой, а старость ползет черепашкой*»;

9) паремии, выражающие качество «*мудрость*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **сова**.

Например:

– греч.: «*Άλλα τα μάτια του λαγού, άλλα της κουκουβάγιας*» (букв.: «*У зайца глаза одни, а у совы – другие*»);

– англ.: «*You bring owls to Athens*» (букв.: «*Ты приносишь сов в Афины*»);

– рус.: «*Виден сыч по полёту, сова – по взгляду*»;

10) паремии, имеющие значение «*глупость, тупость и низкий интеллект*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **курица**.

Например:

– греч.: «*Κότα που κακαρίζει τ' αυγό θα το κάμη*» (букв.: «*Курица, которая кудахчет, яйцо снесёт*») – легкомысленность ;

– англ.: «*A whistling woman and a crowing hen, are neither fit for God nor men*» (букв.: «*Свистящая женщина и кукарекающая курица — ни для Бога, ни для людей не годятся*»);

– рус.: «*Курица воду потому ругает, что плавать не умеет*»;

11) паремии, выделяющие категории «*семья и дети*», «*хорошая мать*», ассоциируются с компонентом-зоонимом **курица**.

Например:

– греч.: «*Γέννησε η κότα το αυγό, το άκουσε όλη η γειτονιά*» (букв.: «*Курица снесла яйцо – вся округа это услышала*»);

– англ.: «*The hen lays as well upon one egg as many* » (букв.: «*Курица несёт яйца так же хорошо на одном, как и на многих*»);

– рус.: «*Высидела курица утят, да и плачется с ними*»;

12) паремии, выражающие качество «терпение», ассоциируются с компонентом-зоонимом **осёл**.

Например:

– греч.: «*Γαῖδοῦρινή ὑπομονή*» (букв.: «*Ослиное терпение*») – никогда не причиняет вреда;

– англ.: «*Hurry no man's cattle; you may come to have a donkey of your own*» (букв.: «*Торопись, чужого скота нет; можешь получить собственного осла*»);

– рус.: «*На смиренного осла двое садятся*»;

13) паремии, имеющие значение «упрямство», ассоциируются с компонентом-зоонимом **осёл**.

Например:

– греч.: «*βάζει κι ο γάιδαρος γινάτι, τηνε τρώει όμως γιομάτη*» (букв.: «*Осёл заупрямился, однако получил за это*»);

– англ.: «*Don't be stubborn like a horse or mule. They need a bit and bridle in their mouth to restrain them, or they will not come near you*» (букв.: «*Не будь упрямым, как конь или мул. Им нужны удила и уздечка, чтобы сдерживать их, иначе они не подойдут к тебе*»)

– рус.: «*Осла с волком не четают*»;

14) паремии, имеющие значение «острый ум, тонкость ума и ловкость», ассоциируются с компонентом-зоонимом **лиса**.

Например:

– греч.: «*Η έξυπνη αλεπού πιάνεται από τα τέσσερα ποδάρια*» (букв.: «*Умную лису ловят за четыре лапы*»);

– англ.: «*Old foxes want no tutors*» (букв.: «*Старые лисы не нуждаются в наставниках*»);

– рус.: «*Лиса семерых волков проведёт*»;

15) паремии, имеющие значение «хитрость и лукавство», ассоциируются с компонентом-зоонимом **лиса**.

Например:

– греч.: «*Η αλεπού 'ναι πονηρή, αλλά πιο πονηρός εκείνος που την πιάνει*» (букв.: «*Хитра лиса, но хитрее тот, кто её поймает*»);

– англ.: «*The cunning of the fox is as murderous as the violence of the wolf*»
(букв.: «*Хитрость лисы столь же убийственна, как и жестокость волка*»);

– рус.: «*Лиса своего хвоста не замарают*».

Анализ зоонимических компонентов в поговорках греческого, английского и русского языков показывает, что, несмотря на наличие ряда универсальных коннотаций, существенные различия в ценностных ассоциациях сохраняются.

Так, *алчность* в греческом языке выражается через образ **собаки** (**σκύλος**), тогда как в английском и русском языках аналогичных зоонимических соответствий не выявлено.

Авторитарность ассоциируется с **кошкой** (**γάτα, cat**) во всех трёх языках, что свидетельствует о межкультурной универсальности данного образа.

В греческом языке выделяется уникальная связь **быка** (**βόδι**) с понятием *богатства*, которая отсутствует в английских и русских поговорках.

Образы **лошади** (**άλογο**) в греческой традиции наделены двойственной характеристикой: с одной стороны, они олицетворяют *важность* и *достоинство*, с другой – *высокомерие*, тогда как в английском и русском языках подобные значения либо отсутствуют, либо проявляются иначе.

Отдельного внимания заслуживает ценность *интеллекта*. В греческом языке высоким умом наделены как **кошка** (**γάτα**), так и **лиса** (**αλεπού**), тогда как в английской и русской культурах интеллектуальные качества ассоциируются исключительно с **лисой** (**fox, лиса**). Таким образом, в греческой картине мира когнитивные качества домашних животных (**кошек**) оцениваются выше, чем в англоязычной и русскоязычной традициях.

Коннотация *грязи* и *невоспитанности* передаётся в греческих поговорках с использованием образов **осла** (**γάιδαρος**) и **свиньи** (**γουρούνι**), тогда как в английском и русском языках подобная негативная характеристика связана только со **свиньёй** (**pig, свинья**).

Понятие *жертвы* и *трусости* выражено в сопоставляемых языках схожим образом через образ **мыши** (**ποντίκι, mouse, мышь**), что указывает на интернациональность данного символа.

Отмечаются различия в передаче коннотации *жестокости* и *злости*: в

греческом языке негативными чертами наделяются как **волк** (λύκος), так и **собака** (σκύλος), тогда как в английском языке – преимущественно **волк** (wolf), а в русском языке – **волк** и в ряде случаев **собака**.

Коннотация *верности* демонстрирует совпадение между всеми тремя культурами: и в греческом, и в английском, и в русском языках **собака** символизирует *преданность*.

В аспекте *медлительности* также прослеживается единая тенденция: **черепаха** (χελώνα, turtle, черепаха) ассоциируется с медленным движением во всех трёх культурах.

Коннотация *мудрости* традиционно закрепляется за образом **совы** (κουκουβάγια, owl, сова) в греческом, английском и русском языках.

В отношении *мужественности* и *физической силы* наблюдаются различия: в греческом языке данная характеристика передается через **волка**, в английском – через **волка, лошадь** и **быка**, а в русском – через **волка** и **быка**. Таким образом, в английском языке спектр животных, олицетворяющих силу, шире.

Коннотация *бессмысленного рвения* отражена только в английских поговорках через образ **лошади** (horse) и отсутствует в греческой и русской традициях.

Различия прослеживаются и в передаче негативных когнитивных качеств.

В греческом языке *низкий интеллект* выражается через образы **быка** (βόδι), **курицы** (κότα) и **петуха** (κόκορας), в английском – через **быка** (ox) и **курицу** (chicken), в русском – через **курицу, осла** и **свинью**. Таким образом, в русском языке представлены дополнительные символы *тупости*, отсутствующие в английском и греческом языках.

Коннотация *обманных методов* появляется только в английском языке через образ **зайца** (hare), в то время как в греческом и русском аналогичные зоонимы отсутствуют.

Живучесть и *выносливость* универсально передаются образом **кошки** во всех трёх языках.

То же можно сказать о коннотации *материнской заботы*, связанной с образом **курицы**. Английский язык демонстрирует уникальные ассоциации, связывая **курицу** с *умением рано просыпаться*, а **сову** – с *поздним*

бодрствованием, чего не наблюдается в греческих и русских поговорках.

Терпимость и *упрямство* во всех трёх языках олицетворяются через образ **осла** (*γάιδαρος*, *donkey*, *осёл*).

Наконец, коннотация *хитрости* через образ **лисы** является универсальной для всех трёх языков.

Стоит отметить уникальную для русского языка коннотацию *бесхарактерности*, выраженную через образ **рыбы**, которая в греческой и английской поговорочной традиции в таком значении отсутствует.

Таким образом, проведённый анализ подтверждает как наличие общих универсальных образов в трёх языках (**кошка, собака, лиса, мышь, черепаха, сова**), так и значительные культурно-языковые различия в восприятии отдельных животных, обусловленные спецификой национальных менталитетов и историко-культурных традиций.

Обобщая результаты сопоставления, можно сделать следующие выводы. Отражение зоонимических коннотаций в поговорочном фонде греческого, английского и русского языков указывает на то, что культура каждого народа формирует собственную систему ценностей и представлений о мире, в рамках которой животные наделяются определёнными символическими значениями. Там, где коннотации совпадают (например, *верность собаки, хитрость лисы, трусость мыши*), можно говорить о наличии глубинных универсалий человеческого восприятия природы и поведения. Вместе с тем различия в семантических акцентах (например, *высокая оценка лошади* в греческом языке, *связь курицы с ранним подъемом* в английском языке, *ассоциация рыбы с бесхарактерностью* в русском языке) отражают особенности мировосприятия и этнокультурных установок.

Греческие поговорки демонстрируют акцент на социальные качества животных (*гордость, высокомерие, терпимость*), что соотносится с античной традицией антропоморфизации природы и социальной ориентацией эллинского мировоззрения.

Английские поговорки склонны интерпретировать животных через призму

практической полезности и поведенческих характеристик, что свидетельствует о прагматичности англосаксонской культуры.

Русские поговорки, напротив, часто акцентируют внимание на *морально-нравственных качествах и крайностях поведения*, что коррелирует с ценностным дуализмом и эмоциональностью русского менталитета.

Язык в данном случае выступает не только средством описания реальности, но и механизмом её концептуализации: через поговорки фиксируются укоренённые в сознании модели мира, отражающие отношение человека к природе, обществу и самому себе. Зоонимические образы в поговорочном фонде являются своего рода культурными кодами, позволяющими реконструировать базовые категории народного мировоззрения, такие как *сила, ум, верность, хитрость, глупость*, и проследить особенности их осмысления в разных лингвокультурах.

Таким образом, сопоставительный анализ зоонимов в поговорках выявляет не только лексико-семантические различия, но и глубинные особенности культурной картины мира в греческой, английской и русской традициях.

Выводы по второй главе

Проведенный сравнительный лингвокультурологический анализ поговорок с компонентом-зоонимом в греческом, английском и русском языках выявил сложную и многогранную структуру как формальных, так и содержательных аспектов этого фольклорного жанра. Несмотря на различия в лингвистических системах и культурно-исторических контекстах, в исследуемых языках обнаруживаются значительные универсалии, а также ярко выраженные культурно-специфические особенности, что позволяет глубже понять взаимосвязь языка, мышления и ценностных ориентиров народов.

С точки зрения синтаксической организации поговорок с зоонимами демонстрируются устойчивые коммуникативные модели, включающие императивные конструкции, отрицательные формулы, каузативные схемы с

инфинитивом и бинарные параллелизмы. Эти синтаксические шаблоны не только облегчают восприятие и запоминание пословиц, но и усиливают их риторическую и оценочную направленность. Синтаксис выступает здесь как активный компонент семиотического процесса, структурирующий смысл и фокусирующий внимание на ключевых моральных и поведенческих нормах. Таким образом, формальная структура паремий тесно переплетена с их аксиологическим содержанием, что отражает универсальное когнитивно-прагматическое ядро фольклорной морали.

Ключевую роль в семантике и аксиологии паремий играет глагольная компонента, которая задает действие, связанное с животным, и становится центральным «смысловым якорем» высказывания. Разнообразие глаголов – от физиологических состояний до когнитивных и социальных актов – отражает универсальные поведенческие модели и культурные сценарии, упакованные в устойчивые языковые формы. Изменение глагола при сохранении одного и того же зоонима часто ведёт к трансформации оценочного и смыслового акцента паремии, что подчёркивает важность динамики взаимодействия лексических компонентов для концептуализации культурных ценностей.

Зоонимические образы функционируют как мощные символы, репрезентирующие широкий спектр социальных, моральных и поведенческих представлений. Они воплощают бинарные оппозиции – знание и невежество, силу и слабость, активность и пассивность, являясь одновременно когнитивными, риторическими и культурологическими маркерами. При этом анализ выявляет амбивалентность и полисемантичность зоонимов: одни и те же животные могут нести как положительные, так и отрицательные оценки в зависимости от контекста и национальной культурной традиции, что отражает сложность и многослойность народной ментальности.

Лингвокультурологический анализ каждого из трёх языков выявил особенности национальных аксиологических систем.

В новогреческом языке аксиологическая структура паремий концентрируется на ценностях интеллекта, физической и моральной силы,

поведенческой нормы и социального статуса. Животные, такие как лиса, волк, осёл и кошка, несут как положительные, так и отрицательные оценки, причем значительная часть пословиц подчёркивает этическую маркированность поведения, что подтверждает дидактическую функцию паремий как средства нравственного воспитания. Категории изменчивости и гендерного статуса менее выражены, однако отражают патриархальные стереотипы и культурно значимые интерпретации женских образов.

В английском языке наблюдается акцент на индивидуализме, личной ответственности и прагматизме, что проявляется в значениях таких зоонимов, как кошка, лиса, осёл и лошадь. Зоонимы здесь также играют роль концептуальных маркеров социальных норм, интеллекта, осторожности и социальной иерархии. Англоязычные паремии подчёркивают рациональность, осторожность и социальную типизацию, при этом амбивалентность оценок демонстрирует сложность и многоуровневость английской культурной модели.

В русском языке зоонимы обладают ярко выраженной полисемантической и аксиологической амбивалентностью, где одно животное может ассоциироваться с противоречивыми качествами. Значимыми ценностными ориентирами выступают верность, выносливость, ум и социальная ответственность, а также отрицательные качества, такие как грубость, невежество, агрессивность. Русские паремии традиционно насыщены бытовыми и мифологическими представлениями, отражающими сложный социально-моральный ландшафт. При этом пословицы выполняют функцию социального регулятора и механизма передачи коллективного опыта.

Таким образом, зоонимические паремии представляют собой не просто устойчивые языковые единицы, а сложные культурные константы, функционирующие на стыке языка, мышления и социокультурных норм. Они служат инструментом не только для отражения и закрепления базовых человеческих ценностей, но и для выражения национальной идентичности и культурной специфики. Универсалии в структурных и семантических характеристиках подтверждают существование общечеловеческих когнитивно-

прагматических механизмов, в то время как вариативность в аксиологической интерпретации животных иллюстрирует разнообразие культурных мировоззрений.

Исследование паремий с компонентом-зоонимом позволяет глубже понять, как через фольклорный язык формируются, закрепляются и передаются социальные нормы, моральные ориентиры и культурные модели поведения, а также раскрывает способы, которыми язык выражает и трансформирует коллективный опыт различных народов.

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В СОВРЕМЕННОМ ГРЕЧЕСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Проведённый в предыдущих главах анализ паремий с компонентом-зоонимом в греческом, английском и русском языках позволил выделить устойчивые аксиологические коннотации, лежащие в основе национальных и универсальных ценностных представлений. Настоящая глава направлена на выявление степени сохранности, актуальности и дискурсивной реализации этих коннотаций в современном языковом пространстве.

Исследование прагматических функций, частотности употребления и интерпретативной доступности паремий осуществляется с опорой на корпусные данные и результаты анкетирования, что позволяет оценить, насколько традиционные ценностные смыслы продолжают функционировать в актуальной коммуникации. Тем самым третий этап анализа представляет собой эмпирическую верификацию выявленных ранее аксиологических коннотаций паремий с зоонимами.

3.1. Паремии как отражение менталитета нации: корпусный анализ

Лингвистический корпус представляет собой большую коллекцию аутентичных текстов. Они представлены в электронной форме, что позволяет исследователю расширять объём материала по мере его анализа. Данный ресурс отвечает определённому набору критериев в зависимости от поставленных целей исследования [Bowker, 2002].

Существует множество областей науки, в которых лингвистические корпуса полезны (например, лексикография, преподавание и изучение языков, социолингвистика, перевод, и это лишь некоторые из них). В любом случае, независимо от сферы деятельности, большинство исследователей испытывают потребность в едином пространстве, объединяющем формальные, терминологические, лексические и концептуальные аспекты, а также контекстную информацию. Использование лингвистических корпусов тесно связано с необходимостью изучения языков для специальных целей (Languages for Specific Purposes – LSPs) [García-Izquierdo, 2012: 131–156]. Наблюдение за лингвистическими корпусами даёт возможность выявить конкретные закономерности, фразеологию, терминологические варианты, частоту концептуально значимых слов, связующие особенности и т.д. С помощью такого инструмента исследователь может провести качественный анализ [Bermúdez Bausela, 2016: 363–374].

Лингвистические корпуса в исследовании паремий служат не только источником статистических данных, но и важным инструментом для анализа их функционирования в живом языковом пространстве. Они позволяют выявить частотность употребления пословиц, отследить их динамику во времени, определить типичные контексты и жанры, в которых те актуализируются. Благодаря корпусному подходу исследователь получает возможность «услышать» голос языка; проследить, как паремии отражают ментальные установки, культурные коды и социальные смыслы, проявляясь в конкретных речевых ситуациях. Таким образом, корпус открывает доступ не только к структуре, но и к жизни паремии в реальном коммуникативном употреблении.

Лингвистические корпуса предоставляют уникальные возможности для исследования паремий в их естественной языковой среде. Они позволяют определить частотность употребления устойчивых выражений, проследить изменения в их актуальности на протяжении различных исторических периодов, а также выявить типичные контексты и жанры, в которых паремии функционируют. Такой подход выходит за рамки формальной статистики: корпусное исследование позволяет «услышать» живой голос языка; зафиксировать, как через паремии

репрезентируются ценности, стереотипы и ментальные модели, укорененные в культуре носителей.

В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется анализу паремий на материале трёх языков – греческого, английского и русского. Задачей данной главы является обоснование выбора лингвистических корпусов в качестве основного инструмента для выявления дискурсивных, временных и количественных особенностей употребления пословиц. Лингвистические корпуса предоставляют доступ к обширному массиву аутентичных данных и позволяют проследить реальные закономерности функционирования паремий в разных контекстах. Такой подход обеспечивает объективность, репрезентативность и глубину анализа, что особенно важно при сопоставительном исследовании пословиц в различных языках и культурах.

В представленной научной работе в ходе поиска и использования лингвистических корпусов было отобрано 10 греческих, 10 английских и 10 русских паремий с зоонимами из различных фразеологических словарей [Булатов, 1961; Даль, 1997; Круглов, 1990; Cowie, 1999; King, 2019; Speaker, 2015; Λουκάτος, 1957; Τεγόπουλος-Φυτράκης, 1993]. Данные пословицы и поговорки были отобраны на основе их интересной структуры, бинарных значений и различной степени лёгкости интерпретации их компонентов. Отбор паремий осуществлялся на основе ряда критериев, направленных на обеспечение репрезентативности и аналитической ценности материала. В первую очередь, учитывалась структурная организация паремий: предпочтение отдавалось единицам с выраженной бинарной структурой, репрезентирующей сопоставление или противопоставление понятий. Такой тип структуры позволяет выявить типичные синтаксические модели и когнитивные механизмы, характерные для паремий в разных языках. Наряду с этим внимание уделялось степени прозрачности компонентов: отобраны как пословицы с легко интерпретируемыми значениями, отражающими универсальные концепты, так и выражения, требующие учёта культурных и контекстуальных факторов при интерпретации. Такой принцип отбора обеспечивает комплексное рассмотрение паремий с позиций их структурной, семантической и когнитивной организации.

3.1.1. Корпусный анализ греческих паремий

Для выявления особенностей функционирования греческих паремий в современном языке был проанализирован материал Ηλεκτρονικό Σώμα Κειμένων Ελληνικής γλώσσας (Электронный корпус текстов греческого языка) [web-corpora.net]. Корпус представляет собой электронную коллекцию текстов с разметкой, включающую более 35,7 млн словоупотреблений. Основу корпуса составляют материалы греческой прессы начала XXI в. (газеты «Η Καθημερινή» («Ежедневная газета»), «Μακεδονία» («Македония»), «Το Βήμα» («Шаг»), «Ελευθεροτυπία» («Свободная пресса»), а также тексты художественной литературы, поэзии, научных, официальных и религиозных изданий XIX–XX вв. При корпусном анализе приоритетным оставался аксиологический подход: за частотными и хронологическими показателями рассматривались те формы языкового употребления, в которых паремия проявляет ценностную функцию – осуждение, иронию, предупреждение или норму. Таким образом, количественные данные интерпретировались не только как факт употребления, но и как индикатор устойчивости определенных социальных смыслов. Анализ частотности и хронологии употребления 10 наиболее характерных паремий позволил установить даты их первого письменного упоминания, интенсивность использования и жанровую представленность. В большинстве случаев пик употребления паремий приходится на период 2000–2010 гг., что подтверждает их устойчивую актуальность в общественном дискурсе.

Так, выражения типа «Κατά φωνή κι ο γάιδαρ» («Помяни осла, он и появится») или «Δυο γάιδαροι μάλωνα σε ξένο αχυρώνα» («Два осла спорили в чужом сарае») фиксируются десятками тысяч вхождений, преимущественно в газетных текстах, где они выполняют функцию лаконичного комментария к социальным или политическим событиям. Это свидетельствует о высокой степени интеграции паремий в медиаречь и повседневную коммуникацию. Кроме того, корпусный анализ позволяет проследить жанровое распределение пословиц (от художественной прозы до публицистики), зафиксировать возможные сдвиги в

значении и раскрыть аксиологическую нагрузку устойчивых выражений. Таким образом, корпусные данные демонстрируют, что паремия в греческом языке функционирует не как реликт народной мудрости, а как живой элемент языкового сознания, отражающий социальные установки, нормы и ценности общества. Это особенно проявляется в контексте медиатекстов, где паремия становится средством не просто выражения мнения, но и социального суждения: например, фраза «*Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλα*» («*Осёл петуха назвал большеголовым*») в политических текстах используется для выявления лицемерия или двойных стандартов, а «*Κατά φωνή κι ο γάιδαρος*» («*Помяни осла, он и появится*») – для критики неожиданного, но симптоматичного появления фигуры, ассоциируемой с предсказуемым негативом.

Рассмотрим конкретные примеры на греческом языке.

– для паремии «*Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα*» (букв.: «*Поставил волка охранять овец*») было найдено 2053 совпадения в 1141 различных текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении А. Пападиамандиса «*Βαρδιάνος στὰ σπόρκα*» (букв.: «*Сторож в чумном бараке*») в 1883 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Элефтеротипия» в 2013 г. Интересно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 724 совпадения в 460 документах. Эта паремия выражает критику нерационального распределения ответственности и служит предупреждением об опасности доверия тем, кто по своей природе склонен к разрушению. Таким образом, она передаёт ценность здравого смысла и осторожности в социальной иерархии;

– для паремии «*Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλα*» (букв.: «*Осёл петуха назвал большеголовым*») было найдено 32 609 совпадений в 4017 различных текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении А. Пападиамандиса «*Η Μετανάστις*» («*Миграция*») в 1879 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Элефтеротипия» в 2013 г. Важно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 9973 совпадения в 1855 документах. Данная паремия высмеивает лицемерие, когда обвинения исходят от тех, кто сам подвержен тем же недостаткам. Она

выполняет функцию морального осуждения и служит инструментом социальной саморегуляции через иронию;

– для паремии «*Ακόμα δεν βγήκες από τ' αυγό σου*» (букв.: «Ты даже ещё не вылупился из яйца») было найдено 16 405 совпадений в 3623 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении К. Хацопулоса «*Ο Πύργος του Ακροπόταμου*» («Башня Акропотамоса») в 1915 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Македония» в 2013 г. Нужно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 4972 совпадения в 1641 документе. Паремия выражает недоверие к неопытности и предостерегает от преждевременных притязаний. Она акцентирует ценность опыта и возрастной иерархии, напоминая о социальной зрелости как критерии авторитета;

– для паремии «*Δυο γάιδарοι μάλωναν σε ξένο αχυρώνα*» (букв.: «Два осла спорили в чужом сарае») было найдено 66 286 совпадений в 6169 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении А. Пападиамандиса «*Η φόνισσα*» («Убийца») в 1915 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Македония» в 2013 г. Интересно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 26 301 совпадение в 3481 документе. Здесь кодируется идея бессмысленности конфликта на чужой территории, что воспринимается как абсурдное или неуместное поведение. Паремия обостряет восприятие границ дозволенного и чужого пространства, транслируя идею невмешательства;

– для паремии «*Βγάζει απ' τη μύγα ζήγκι*» (букв.: «Он из мухи сало получит») было найдено 677 совпадений в 496 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении П. Дельта «*Στα μυστικά του βάλτου*» («В тайнах болота») в 1937 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Элефтеротипия» в 2013 г. Важно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 253 совпадения в 199 документах. Употребление данной паремии связано с критикой чрезмерной жадности или стремления к наживе любой ценой. Она указывает на негативную оценку патологической бережливости и гиперутилитарного мышления;

– для паремии «*Γάτα στο σακί, ποντικούς δεν πιάνει*» (букв.: «*Кот в мешке мышей не ловит*») было найдено 427 совпадений в 129 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении Г. Визийноса «*Ποίος Ἦτον ο Φονεύς του Αδελφού μου*» («*Кто убил моего брата?*») в 1883 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Вима» в 2013 г. Нужно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 113 совпадений в 47 документах. Эта формула выражает сомнение в эффективности скрытых или непрозрачных решений, при этом транслируя ценность открытости, ответственности и деловой пригодности субъекта действия;

– для паремии «*Κάλλιο γαϊδουρόδενε παρά γαϊδουρογύρευε*» (букв.: «*Лучше осла привязать, чем потом его искать*») было найдено 111 совпадений в 56 текстах. Самое старое упоминание паремии было обнаружено в произведении Г. Визийноса «*Ο Μοσκώβ–Σελήμ*» («*Селим-московит*») в 1895 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Вима» в 2013 г. Интересно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 21 совпадение в 20 документах. Паремия несёт в себе установку на предвидение и профилактику: лучше заранее обезопасить себя, чем потом ликвидировать последствия. Это отражает высокую значимость рационального планирования и ответственности;

– для паремии «*Κατά φωνή κι ο γάιδαρος*» (букв.: «*Помяни осла, он и появится*») было найдено 69 377 совпадений в 6556 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в газете «Македония» в 2007 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Македония» в 2013 г. Важно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 24 865 совпадений в 3842 документах. Данное выражение часто используется в ироническом ключе и связано с появлением нежелательного субъекта, чьё имя только что было упомянуто. Смысл – в ироническом предостережении: оно критикует предсказуемо негативное явление, связанное с этим субъектом;

– для паремии «*Αλλού τα κακαρίσματα κι αλλού γεννούν οι κότες*» (букв.: «*В одном месте – лишь одно кукарекание, а в другом – куры несутся*») было найдено 3082 совпадения в 1612 текстах. Самое старое упоминание паремии

обнаружено в произведении А. Морайтидиса «Διήγηματα» («Короткие рассказы») в 1921 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Македония» в 2013 г. Нужно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 24 865 совпадений в 3842 документах. Паремия выражает недоверие к поверхностной информации или пустым словам. Она транслирует важную ценность: различие между видимостью и реальностью, предупреждая об опасности обмана и дезинформации;

– для паремии «*Δεματιάζει αβγά*» (букв.: «Сложит яйца в стог») было найдено 257 совпадений в 169 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении Н. Казандзакис «Οι αδερφοφάδες» («Братоубийцы») в 1963 г. С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в газете «Элефтеротипия» в 2013 г. Интересно отметить, что в период 2000–2010 гг. паремия использовалась наиболее часто: 86 совпадений в 65 документах. Это выражение используется для описания неуместных, нелепых или неосуществимых действий. С его помощью общество критикует поведение, лишённое практической логики, подчёркивая ценность рациональности и здравого смысла.

Данные по 10 греческим паремиям на основе анализа Ηλεκτρονικό Σώμα Κειμένων Ελληνικής γλώσσας (Электронного корпуса текстов греческого языка) представлены в таблице 3.1.

Результаты данной части исследования лингвистического корпуса о греческом языке дают возможность выявить различные даты первого упоминания конкретных паремий в установленных временных рамках (XIX в. – начало XXI в.). Кроме того, паремии на греческом языке часто встречаются как в литературных произведениях популярных писателей, так и в печатном и электронном виде. А также удалось определить, что наиболее частое употребление греческих пословиц и поговорок приходится на период 2000–2010 гг.

Диаграмма, представленная на рис. 3.1, наглядно иллюстрирует, какие греческие паремии являются наиболее употребляемыми в корпусе: лидирует выражение «*Κατά φωνή κι ο γάιδарος*» («Помяни осла, он и появится»), за ним следуют «*Δυο γάιδарοι μάλωναν σε ξένο αχυράνα*» («Два осла спорили в чужом сарае») и «*Είπε ο γάιδарος τον πετεινό κεφάλα*» («Осёл петуха назвал большеголовым»).

**Данные по 10 греческим паремиям на основе анализа
Ηλεκτρονικό Σώμα Κειμένων Ελληνικής γλώσσας
(Электронного корпуса текстов греческого языка)**

№	Παρέμια	Дата первого упоминания, г.	Κολ-во вхождений	Наиболее активный период (2000–2010 гг.)
1.	<i>Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα</i> («Поставил волка охранять овец»)	1883	2053	724 в 460 документах
2.	<i>Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλια</i> («Осёл петуха назвал большеголовым»)	1879	32 609	9973 в 1855 документах
3.	<i>Ακόμα δεν βγήκες από τ' αυγό σου</i> («Ты даже ещё не вылутился из яйца»)	1915	16 405	4972 в 1641 документе
4.	<i>Δυο γάιδαροι μάλωναν σε ξένο αχυρώνα</i> («Два осла спорили в чужом сарае»)	1915	66 286	26 301 в 3481 документе
5.	<i>Βγάζει απ' τη μύγα ζίγκι</i> («Он из мухи сало получит»)	1937	677	253 в 199 документах
6.	<i>Γάτα στο σακί, ποντικούς δεν πιάνει</i> («Кот в мешке мышей не ловит»)	1883	427	113 в 47 документах
7.	<i>Κάλλιο γαϊδουρόδενε παρά γαϊδουρογύρευε</i> («Лучше осла привязать, чем потом его искать»)	1895	111	21 в 20 документах
8.	<i>Κατά φωνή κι ο γάιδαρος</i> («Помяни осла, он и появится»)	2007	69 377	24 865 в 3842 документах
9.	<i>Αλλού τα κακαρίσματα κι αλλού γεννούν οι κότες</i> (букв.: «В одном месте – лишь одно кукареканье, а в другом – куры несутся»)	1921	3082	876 в 423 документах
10.	<i>Δεματιάζει αβγά</i> («Сложить яйца в стог»)	1963	257	86 в 65 документах

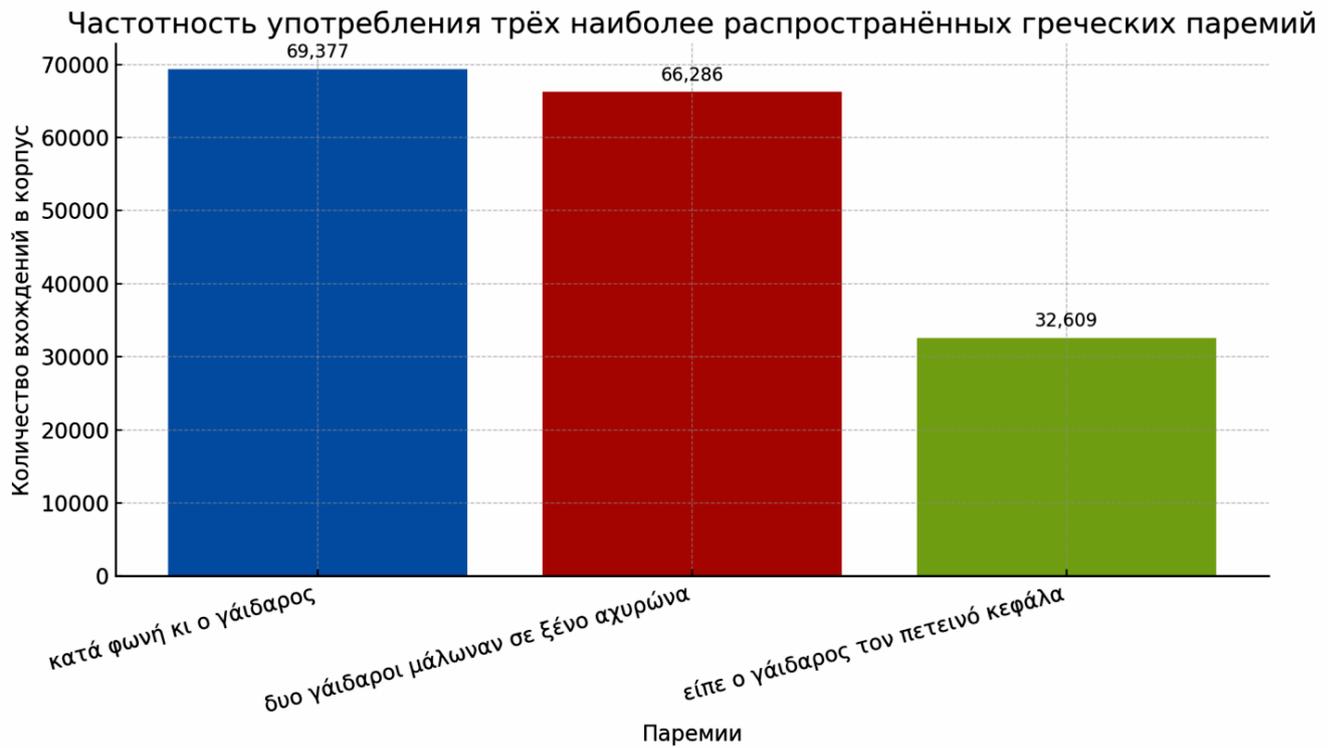

Рис. 3.1. Частотность употребления зоонимических паремий в корпусе греческого языка (по данным Ηλεκτρονικό Σώμα Κειμένων Ελληνικής Γλώσσας (Электронного корпуса текстов греческого языка))

Комментарий по результатам:

– **жанрово-стилистическая принадлежность:** паремии активно используются в публицистике (особенно в газетах начала XXI в.), что указывает на их живую роль в современной речевой практике. Наряду с этим, они встречаются в художественной литературе, начиная с конца XIX в., включая произведения таких авторов, как Пападиамандис и Визийнос;

– **семантические сдвиги:** в большинстве случаев паремии сохраняют исходное значение, однако наблюдаются контекстуальные переосмысления – ироничное или саркастическое употребление, особенно в современных СМИ и в политическом дискурсе;

– **доминирующие паремии:** паремии с компонентом «осёл» («γάιδαρος») оказываются наиболее частотными, что подчёркивает устойчивую ассоциацию этого животного с глупостью, упрямством или неуместностью. Это отражает когнитивные стереотипы, закреплённые в народной культуре;

– **отражённые ценности:** выражения транслируют социальные и моральные установки: критика несправедливости, ирония по отношению к властям, оценка чужого поведения, осуждение лицемерия. Часто они служат механизмом социальной коррекции, напоминая о границах дозволенного в обществе.

Таким образом, результаты корпусного анализа не только подтверждают частотность и жанровую устойчивость определённых зоонимических паремий, но и позволяют проследить, какие ценности и стереотипы они закрепляют в сознании носителей языка. Паремии функционируют как миниатюрные культурные сценарии, воспроизводящие этические нормы, критикуя глупость, алчность, наивность, лицемерие или социальную некомпетентность. Это подтверждает, что даже в цифровую эпоху паремия остаётся значимым средством моральной навигации в обществе.

3.1.2. Корпусный анализ английских паремий

Чтобы сделать вывод об использовании английских паремий, был изучен фонд Библиотеки Конгресса: Центр прикладной лингвистики (The Library of Congress (LOC): Center for Applied Linguistics (CAL)). Хотелось бы предоставить некоторые сведения о самой платформе. В 1983 г. Центр прикладной лингвистики в рамках гранта Национального фонда гуманитарных наук инициировал обзор и сбор записей диалектов английского языка, который был предпринят для составления каталога образцов речи и, в итоге, для улучшения доступа к ним. На этой странице представлены архивы из цифровых коллекций библиотеки, которые можно бесплатно и повторно использовать [www.loc.gov]. Рассмотренные частотные данные позволяют перейти от количественного анализа к выявлению аксиологического наполнения английских паремий с зоонимическим компонентом. Далее будут представлены интерпретации некоторых из наиболее употребительных выражений с точки зрения транслируемых ими ценностей.

Рассмотрим конкретные примеры паремий на английском языке:

– для паремии «*Kill two birds with one stone*» (букв.: «Убить двух птиц одним камнем») было суммарно найдено 1 364 775 совпадений, 1 302 010 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XVI в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Интересно отметить, что наиболее частые упоминания паремии происходили в XX в.: 734 920 совпадений. Паремия отражает ценность эффективности, рационального действия и целеустремленности. Она подкрепляет идеал минимальных затрат при максимальной пользе – ключевой принцип англо-американского прагматизма и культуры достижения;

– для паремии «*When pigs fly*» (букв.: «Когда свиньи летают») было суммарно найдено 673 070 совпадений, 644 443 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XIII в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Важно отметить, что паремия наиболее часто использовалась в XX в. (411 124 совпадения). Данное выражение служит маркером скептицизма и иронии. Оно транслирует отрицательную оценку маловероятных или абсурдных ожиданий, указывая на реалистическую установку и низкий уровень терпимости к наивности;

– для паремии «*To sweat like a pig*» (букв.: «Потеть, как свинья») было суммарно найдено 269 581 совпадение, 254 233 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XVI в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Нужно отметить, что чаще всего паремия использовалась в течение XX в. (156 572 совпадения). Паремия акцентирует физический дискомфорт и ассоциирует его с пренебрежительно маркированным животным образом. Отражает отношение к тяжелому труду как к чему-то грубому, неприятному, потенциально унижительному с акцентом на телесность;

– для паремии «*Let the cat out of the bag*» (букв.: «Вытащить кошку из мешка») было суммарно найдено 1 097 234 совпадения, 1 058 864 из которых

были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XIII в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Интересно отметить, что наиболее часто паремия использовалась в течение XX в.: 614 049 совпадений. Выражение иллюстрирует ценность тайны и контролируемой информации. Нарушение этой нормы маркируется через зоометафору, отражающую негативное отношение к излишней откровенности или утечке;

– для паремии «*Barking up the wrong tree*» (букв.: «*Лаять не на то дерево*») было суммарно найдено 718 187 совпадений, 674 112 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XVI в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Важно отметить, что наиболее частые упоминания паремии происходили в XX в.: 354 024 совпадения. Формирует ироничную оценку ошибочных действий или обвинений. В основе – ценность справедливости и точности: указывает на недопустимость действий, не основанных на верном понимании ситуации;

– для паремии «*It's raining cats and dogs*» (букв.: «*Идёт кошачий и собачий дождь*») было суммарно найдено 677 915 совпадений, 642 547 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XIII в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Нужно отметить, что чаще всего паремия использовалась в течение XX в.: 397 024 совпадений. Несмотря на кажущуюся нейтральность, паремия обладает экспрессивной функцией – подчёркивает интенсивность явления. Через зоонимический образ выражается восприятие природы как стихийной и иррациональной силы;

– для паремии «*Get your ducks in a row*» (букв.: «*Собери своих уток в ряд*») было суммарно найдено 464 458 совпадений, 449 979 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XIII в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Нужно отметить, что наиболее часто паремия использовалась в течение XX в.: 290 818 совпадений. Образная конструкция транслирует ценность порядка,

организованности, внутренней дисциплины. Такая установка отражает протестантскую трудовую этику и культуру предварительной подготовки к действию;

– для паремии «*Dog days of summer*» (букв.: «Летние собачьи дни») было суммарно найдено 1 321 325 совпадений, 1 234 440 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XVI в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Нужно отметить, что чаще всего паремия использовалась в течение XX в.: 739 191 совпадение. Фразеологизм содержит коннотацию физического и морального упадка, лени и вялости. Ценностно это критика бездействия, характерного для жаркого времени года; косвенно поддерживает идеал активности и продуктивности;

– для паремии «*Not my circus, not my monkeys*» (букв.: «Не мой цирк – не мои обезьяны») было суммарно найдено 114 173 совпадения, 108 336 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XVI в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Нужно отметить, что наиболее частые упоминания паремии происходили в XX в.: 70 841 совпадение. Транслирует установку на личные границы, дистанцирование от чужих проблем. Ключевая ценность – автономия, нежелание брать на себя ответственность вне собственного пространства контроля;

– для паремии «*Mad as a March hare*» (букв.: «Безумный, как мартовский заяц») было суммарно найдено 960 219 совпадений, 941 031 из которых были в печатных СМИ. Самое старое упоминание паремии относится к XV в. С другой стороны, самые новые упоминания приходятся на период с 2000 г. по сегодняшний день. Нужно отметить, что чаще всего паремия использовалась в течение XX в.: 427 430 совпадений. Выражение маркирует поведение как девиантное, ассоциируя его с «естественным» безумием животного. Тем самым задается норма психической устойчивости и социально приемлемого поведения.

Данные по 10 английским паремиям на основе анализа корпуса The Library of Congress (LOC): Center for Applied Linguistics (CAL) (фонд Библиотеки Конгресса: Центр прикладной лингвистики) представлены в таблице 3.2.

Таблица 3.2

**Данные по 10 английским паремиям на основе анализа корпуса
The Library of Congress (LOC): Center for Applied Linguistics (CAL)
(фонд Библиотеки Конгресса: Центр прикладной лингвистики)**

№	Паремия	Дата первого упоминания, в.	Количество вхождений	Наиболее активный период, в.
1.	<i>Kill two birds with one stone</i> («Убить двух птиц одним камнем»)	XVI	1 364 775	XX
2.	<i>When pigs fly</i> («Когда свиньи летают»)	XIII	673 070	XX
3.	<i>To sweat like a pig</i> («Потеть, как свинья»)	XVI	269 581	XX
4.	<i>Let the cat out of the bag</i> («Вытащить кошку из мешка»)	XIII	1 097 234	XX
5.	<i>Barking up the wrong tree</i> («Лаять не на то дерево»)	XVI	718 187	XX
6.	<i>It's raining cats and dogs</i> («Идёт кошачий и собачий дождь»)	XIII	677,915	XX
7.	<i>Get your ducks in a row</i> («Собери своих уток в ряд»)	XIII	464 458	XX
8.	<i>Dog days of summer</i> («Летние собачьи дни»)	XVI	1 321 325	XX
9.	<i>Not my circus, not my monkeys</i> («Не мой цирк – не мои обезьяны»)	XVI	114 173	XX
10.	<i>Mad as a March hare</i> («Безумный, как мартовский заяц»)	XV	960 219	XX

Диаграмма, представленная на рис. 3.2, наглядно иллюстрирует, какие английские паремии являются наиболее употребляемыми в корпусе: лидирует выражение «*Kill two birds with one stone*» (букв.: «Убить двух птиц одним камнем»), за ним следуют «*Dog days of summer*» (букв.: «Летние собачьи дни») и «*Let the cat out of the bag*» (букв.: «Вытащить кошку из мешка»).

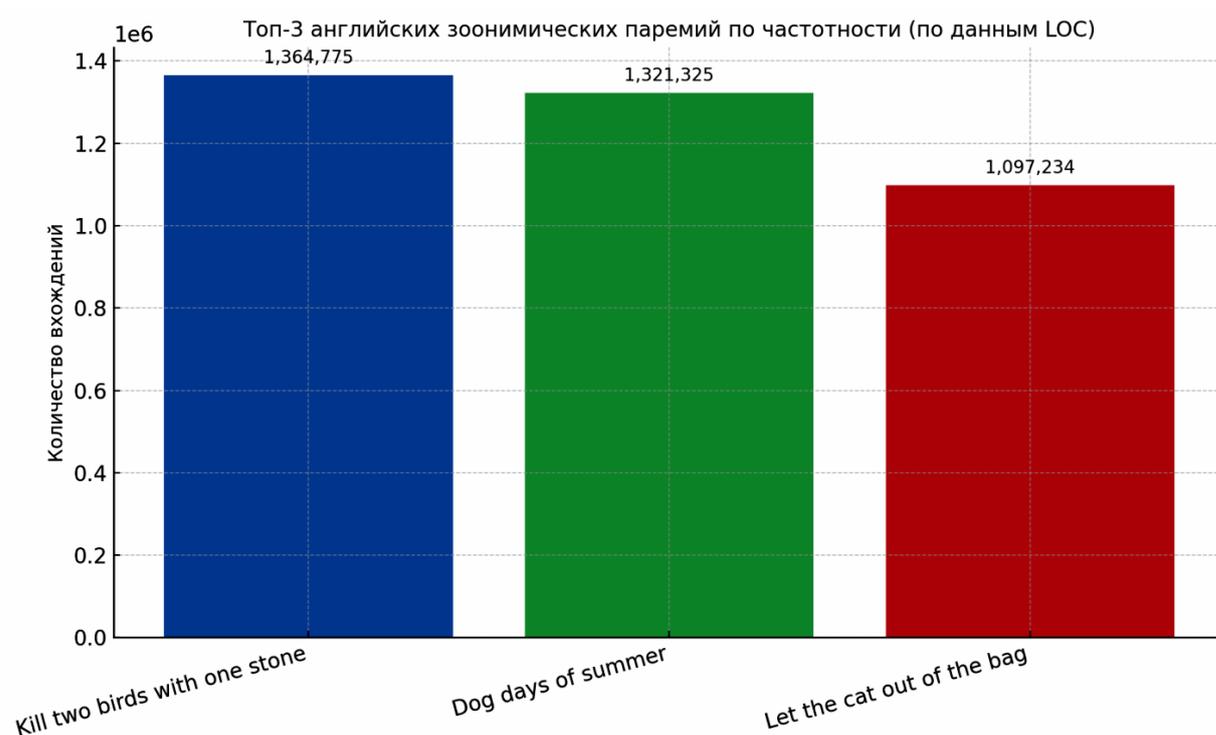

Рис. 3.2. Частотность употребления зоонимических паремий в корпусе английского языка (по данным фонда Библиотеки Конгресса: Центр прикладной лингвистики)

Рассмотренные данные о лексическом употреблении английских паремий, собранные с использованием лингвистического корпуса, позволяют выделить несколько ключевых аспектов, характеризующих их особенность в языковом контексте XX в.:

– **доминирование печатной прессы:** анализ данных демонстрирует, что наибольшая частота упоминания английских паремий наблюдается в печатных СМИ, что подчёркивает важность данного канала для их распространения и закрепления в современном языковом сознании. Печатные издания, включая

газеты, журналы и книги, играют ключевую роль в стандартизации и фиксации фразеологических единиц, обеспечивая их долгосрочную актуализацию в массовом дискурсе. В XX в. печатная пресса стала основным средством, через которое устойчивые выражения приобрели широкое распространение и закрепились в общественном лексиконе;

– **продолжительная история употребления:** английские поговорки, рассмотренные в исследовании, обладают продолжительной историей употребления, которая охватывает несколько столетий. Например, поговорка «*When pigs fly*» («*Когда свиньи летают*») впервые была зафиксирована в XIII в., а «*Mad as a March hare*» («*Безумный, как мартовский заяц*») – в XV в. Эти факты свидетельствуют о культурной и исторической значимости фразеологических единиц, а также о том, как они сохраняют свою актуальность и функциональность на протяжении длительного времени. Многовековая история употребления подчёркивает устойчивость и адаптивность этих выражений, что делает их важным элементом как лексического, так и культурного наследия;

– **устойчивость форм:** параллельно с долгой историей употребления поговорки сохраняют свою структуру и форму на протяжении многих лет. Примером может служить фраза «*Kill two birds with one stone*» («*Убить двух птиц одним камнем*»), которая, несмотря на более чем полтысячелетнюю историю, не претерпела значительных изменений. Такая устойчивость форм является важным признаком фразеологических единиц, обеспечивающим их сохранность в языке. Именно благодаря сохранению структурной целостности поговорки могут функционировать как стабильные элементы языка, передаваясь из поколения в поколение и сохраняясь в общественном сознании;

– **ценности, отражаемые в поговорках:** английские поговорки служат индикаторами важнейших культурных и социальных ценностей. Например, выражение «*Not my circus, not my monkeys*» («*Не мой цирк – не мои обезьяны*») указывает на личную дистанцию от внешних проблем. Множество английских поговорок отражает прагматизм и практическую направленность английского языка, в том числе через использование ярких образов и метафор. Эти выражения

содержат в себе ценности, характерные для англоязычных культур, такие как прагматизм, индивидуализм и склонность к метафорическому осмыслению мира;

– **причины «живучести» английских паремий:** английские паремии демонстрируют свою наибольшую активность в XX в., что обусловлено рядом факторов: во-первых, гибкость и заимствованность английского языка, который активно интегрирует элементы из других языков и культур, способствуют постоянному обновлению и распространению устойчивых выражений; во-вторых, глобальное распространение английского языка, ставшего языком международного общения, способствует глобализации паремий, делая их известными за пределами англоязычных стран; в-третьих, паремии в английском языке обладают высокой степенью образности и простоты восприятия, что делает их легко усваиваемыми и употребляемыми в повседневной речи. Эти характеристики обуславливают их широкое распространение и сохранение в массовом сознании, особенно с 1900-х гг. до настоящего времени.

Таким образом, английские паремии, будучи одними из самых «живых» и широко распространённых выражений в XX в., не только сохраняют свою устойчивость и актуальность на протяжении нескольких веков, но и продолжают выполнять важные функции в рамках современного языкового и культурного контекста.

Можно отметить, что английские паремии с зоонимами представляют собой не только устойчивые элементы языка, но и значимые маркеры культурных установок. Через метафорические конструкции типа «*Not my circus, not my monkeys*» («*Не мой цирк – не мои обезьяны*») транслируются ценности, связанные с трудом, ответственностью, индивидуализмом, прагматизмом и отношением к личным и социальным границам. Эти аксиологические аспекты актуализируются не только в частотном употреблении, но и в их прагматической функции – объяснять, критиковать, направлять поведение в соответствии с культурными нормами.

3.1.3. Корпусный анализ русских паремий

Для того, чтобы сделать вывод об использовании русских паремий, был изучен Национальный корпус русского языка. Хотелось бы предоставить некоторые сведения о самой платформе: Национальный корпус русского языка – это представительная коллекция текстов на русском языке общим объемом более 2 млрд слов, оснащенная лингвистической разметкой и инструментами поиска. Данный корпус охватывает период от первых восточнославянских памятников (XI в.) до первых десятилетий XXI в. Он представляет как язык предшествующих эпох, так и современный в разных социолингвистических вариантах – литературном, разговорном, просторечном, диалектном. В корпус включаются, в частности, произведения художественной литературы (проза, драматургия, поэзия, звучащая речь кино), имеющие культурную значимость, а также представляющие интерес с точки зрения языка [ruscorpora.ru].

Рассмотрим конкретные примеры из русского языка:

– для паремии *«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»* было найдено 2 совпадения в 2 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении М. Анчарова *«Как птица Гаруда»* (1989 г.). С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в произведении А. Минаевой *«Работал на заводе до мозолистых рук»* в 2003 г. Паремия транслирует ценность труда как единственного способа достижения цели, подчёркивает установку на усилие и полезную активность как этическую и поведенческую норму;

– для паремии *«Когда рак на горе свистнет»* было найдено 6 совпадений в 6 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении А.А. Авдеева *«Дневник»* (1942 г.). С другой стороны, самое новое упоминание паремии было в произведении Р.Ш. Валеева в 2004 г. Данная паремия отражает фатализм и скептическое восприятие обещаний или ожиданий, передаёт установку на реализм и дистанцию по отношению к маловероятным событиям;

– для паремии *«Волка ноги кормят»* было найдено 35 совпадений в

31 тексте. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении Д.Н. Мамина-Сибиряка «В худых душах» (1882 г.), а самое последнее упоминание паремии было в произведении А. Марданя «Тайна на троих» в 2019 г. Паремия выражает идею личной инициативы, самостоятельности и активности как пути к выживанию и успеху. Ценностно она апеллирует к ответственности и свободе как к жизненно важным ориентирам;

– для паремии «*Грозит мышь кошке, да из норы (да издалече)*» было найдено 1 совпадение в 1 тексте. Упоминание паремии обнаружено в произведении Е. Лукина «Катали мы ваше солнце» (1997 г.). Паремия высмеивает притворную смелость слабого, утверждая ценность умеренности и реалистичной самооценки. Одновременно транслируется иерархическая модель межличностных и социальных отношений;

– для паремии «*Как собака на сене: и сама не ест, и другим не даёт*» было найдено 4 совпадения в 4 текстах. Самое старое упоминание паремии было в произведении В.Ф. Одоевского «Дневник» в 1863 г. С другой стороны, самое последнее упоминание паремии обнаружено в статье «О русском правописаніи», напечатанной в журнале «Златоцвѣт» в 1963 г. Имя автора статьи не приводится. Паремия порицает эгоистичное или бесполезно-обладательское поведение, формируя установку на разумное распределение ресурсов и социальную кооперацию;

– для паремии «*Баба с возу – кобыле легче*» было найдено 14 совпадений в 13 текстах. Самое старое упоминание паремии обнаружено в произведении А.И. Куприна «Яма» (1909–1915 гг.), самое последнее – в произведении А. Моторова «Преступление доктора Паровозова» в 2013 г. Эта паремия несёт в себе патриархально-нормативную установку на избавление от «обузы», отражая практико-ориентированную и иерархичную ценностную модель;

– несмотря на то, что паремия «*Хоть волк каждый год линяет, а всё сер бывает*» взята из сборника образных слов и иносказаний М.И. Михельсона [Михельсон, 1902]. В Национальном корпусе русского языка не было найдено

совпадений. Несмотря на отсутствие актуального употребления, паремия фиксирует представление о неизменности сущности, транслируя скептическую установку к переменам и недоверие к внешним преобразованиям;

– для паремии *«Отольются кошке мышкены слёзки»* было найдено 12 совпадений в 12 текстах. Самое старое упоминание паремии было обнаружено в произведении Н.Д. Ахшарумова *«Концы в воду»* (1872 г.), а самое последнее – на форуме *«Четыре пули за подзатыльник и “БМВ”»* в 2012 г. (электронный ресурс). Паремия иллюстрирует идею воздаяния, моральной компенсации за причинённый вред. Ценностно она акцентирует важность справедливости и скрытого этического баланса;

– для паремии *«Цыплят по осени считают»* было найдено 23 совпадения в 22 текстах. Самое старое упоминание паремии было обнаружено в дневнике архиепископа Н. Японского (1901 г.), а самое последнее – в статье О. Арестовой *«Исследования восприятия пословиц»*, опубликованной в 2018 г. в электронном издании *«ПостНаука»*. Эта паремия акцентирует важность итогов, осмотрительности и терпения, выражает ценность сдержанного и рационального поведения в оценке событий;

– для паремии *«Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась»* было найдено 1 совпадение в 1 тексте. Упоминание паремии обнаружено в книге С.В. Максимова *«Крылатые слова»* в 1899 г. Паремия иронизирует над ложным превосходством, транслируя норму скромности и критическое отношение к притязаниям на ценность без основания.

Проведенный корпусный анализ позволяет не только зафиксировать хронологические и частотные параметры функционирования паремий в русском языке, но и выделить ценностное содержание, закреплённое в них. Русские зоонимические паремии формируют аксиологическое пространство, отражающее такие ключевые черты народной ментальности, как уважение к труду, осторожность, здравый смысл, иерархичность и фатализм.

Краткий аксиологический анализ отдельных единиц представлен в таблице 3.3 (данные по 10 русским паремиям на основе анализа Национального

корпуса русского языка).

Таблица 3.3

**Данные по 10 русским паремиям на основе анализа
Национального корпуса русского языка**

№	Паремия	Первое упоминание, произведение	Кол-во вхождений	Наиболее активный период, гг.
1.	<i>«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»</i>	М. Анчаров «Как Птица Гаруда» (1989 г.)	2	1989–2003
2.	<i>«Когда рак на горе свистнет»</i>	А.А. Авдеев «Дневник» (1942 г.)	6	1942–2004
3.	<i>«Волка ноги кормят»</i>	Д.Н. Мамин-Сибиряк «В худых душах» (1882 г.)	35	1882–2019
4.	<i>«Грозит мышь кошке, да из норы (да издалече)»</i>	Е. Лукина «Катали мы ваше солнце» (1997 г.)	1	1997
5.	<i>«Как собака на сене: и сама не ест, и другим не даёт»</i>	В.Ф. Одоевский «Дневник...» (1863 г.)	4	1863–1963
6.	<i>«Баба с возу – кобыле легче»</i>	А.И. Куприн «Яма» (1909–1915 гг.)	14	1909–2013
7.	<i>«Отольются кошке мышкены слёзки»</i>	Н.Д. Ахшарумов «Концы в воду» (1872 г.)	12	1872–2012
8.	<i>«Цыплят по осени считают»</i>	Архиепископ Николай Японский (1901 г.)	23	1901–2018
9.	<i>«Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась»</i>	С.В. Максимов «Крылатые слова» (1899 г.)	1	1899
10.	<i>«Хоть волк каждый год линяет, а всё сер бывает»</i>	Совпадений не найдено	Совпадений не найдено	Совпадений не найдено

Результаты данной части исследования Национального корпуса русского языка предоставляют возможность выявить различные даты упоминания конкретных паремий в установленных временных рамках (XIX в. – начало XXI в.). Но, к сожалению, Национальный корпус русского языка даёт только информацию об общем количестве пословиц и поговорок, но не приводит данных о частотности употребления русских паремий в определённых временных рамках. Однако можно заключить, что паремии на русском языке часто встречаются в

литературных произведениях русских писателей.

Одной из ключевых особенностей, выявленных на основе данных из Национального корпуса русского языка, является доминирование художественной литературы как основной сферы функционирования русских паремий. Практически все паремии, представленные в таблице 3.3, впервые фиксируются и многократно воспроизводятся именно в художественных текстах – произведениях писателей XIX–XX вв. Это свидетельствует о важной роли литературы в закреплении и передаче паремий как части языкового и культурного наследия. Литературный текст благодаря своей стабильной письменной форме и широкому охвату читательской аудитории служит мощным каналом для сохранения фразеологического фонда и его передачи следующим поколениям. Такое доминирование указывает не только на устойчивость паремий, но и на то, что литература выполняет функцию культурной памяти, способствуя институционализации народной мудрости в литературной традиции.

Диаграмма, представленная на рис. 3.3, наглядно иллюстрирует, какие русские паремии являются наиболее употребляемыми в корпусе: лидирует выражение *«Волка ноги кормят»*, за ним следуют *«Цыплят по осени считают»* и *«Баба с возу – кобыле легче»*.

Рис. 3. Частотность употребления зоонимических паремий в корпусе русского языка (по данным Национального корпуса русского языка)

Комментарии к результатам анализа:

– **доминирование художественной литературы:** на основании данных, полученных из Национального корпуса русского языка, можно утверждать, что художественная литература является основной сферой функционирования русских паремий. Значительное количество вхождений в произведениях таких авторов, как Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.И. Куприн, В.Ф. Одоевский, указывает на устойчивое присутствие паремий в литературном дискурсе. Это позволяет рассматривать паремии не только как устойчивые языковые единицы, но и как элементы культурной памяти, репрезентирующие народную мудрость в рамках художественного текста;

– **продолжительная история употребления:** ряд паремий (в частности, *«Волка ноги кормят»*; *«Цыплят по осени считают»*) демонстрируют длительный период активного употребления, восходящий к XIX в. Их присутствие как в дореволюционных текстах, так и в произведениях XX–XXI вв. подтверждает устойчивость этих выражений в языке и культуре. Таким образом, можно говорить о межвековой преемственности в использовании паремий, что свидетельствует о глубокой укоренённости этих единиц в национальной языковой картине мира;

– **устойчивость форм:** выявленные данные также подтверждают высокую степень структурной устойчивости русских паремий. Такие выражения, как *«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»* и *«Волка ноги кормят»*, употребляются в литературных и публицистических текстах без значительных модификаций. Это указывает на их лексико-синтаксическую стабильность и функциональную завершённость, что обеспечивает их воспроизводимость и узнаваемость в различных контекстах;

– **отражение культурных ценностей:** русские паремии представляют собой концентрированное выражение социокультурных установок, в частности, таких ценностей, как трудолюбие, практическая мудрость, осторожность и справедливость. Так, паремия *«Волка ноги кормят»* акцентирует идею необходимости активных действий для достижения целей, а *«Цыплят по осени*

считают» иллюстрирует важность итоговой оценки и обдуманного подхода к результатам деятельности. Таким образом, паремии функционируют как вербальные маркеры нормативных представлений, закрепленных в народной ментальности.

Проведенный анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет утверждать, что русские паремии характеризуются значительной устойчивостью (как формальной, так и семантической) и продолжают активно функционировать в литературной и культурной практике. Их длительное бытование, подтвержденное корпусными материалами, свидетельствует о глубокой инкорпорированности этих единиц в языковую систему и в культурный контекст. Русские паремии выполняют важные когнитивную и ценностно-регулятивную функции, способствуя трансляции культурного опыта и поддержанию национальной идентичности.

Таким образом, можно прийти к выводу о количестве употребления паремий во всех рассматриваемых языках. На основе данных, предоставленных лингвистическими корпусами, количество используемых английских пословиц и поговорок многократно превышает употребление паремий в греческом и русском языках. По количеству употребления пословиц и поговорок русский язык значительно уступает двум другим рассматриваемым языкам, поскольку количество паремий, приведённых в Национальном корпусе русского языка, ничтожно по сравнению с греческим и английским языками.

Что касается анализируемых временных рамок, то наиболее давние упоминания паремий происходят в литературных памятниках английского языка (XIII в.), а в греческом и русском языках подобные упоминания приходятся на XIX в. Интересно отметить, что наиболее частое употребление греческих пословиц и поговорок обнаружено в период 2000–2010 гг., в отличие от наивысшей частотности употребления английских паремий в XX в. Данные о частотности использования русских паремий не обнаружены.

Также удалось определить наиболее широкую сферу употребления паремий в рассматриваемых языках. Исследование было проведено на базе следующих

источников: произведения художественной, научной, публицистической литературы, а также веб-издания. Греческие паремии имеют наибольшую распространенность в публицистических изданиях и произведениях художественной литературы. Употребление английских паремий значительно преобладает в печатных СМИ. Русские же пословицы и поговорки получили наиболее широкое использование в произведениях художественной литературы. Но здесь следует упомянуть, что в русском языке не существуют данные об анализе употребления паремий в печатных СМИ. Таким образом, было проведено исследование различных контекстов, предоставленных лингвистическими корпусами, и сделан анализ количества, частотности, сферы употребления паремий в установленных временных рамках.

Даже краткий аксиологический анализ русских паремий позволяет зафиксировать наличие устойчивых смысловых полей, конституирующих национальную ценностную картину мира. Эти выражения функционируют не только как элементы художественной или разговорной речи, но и как носители моральных норм, правил поведения и коллективных оценок, репрезентирующих традиционные установки русской культуры.

3.1.4. Сравнительный анализ:

частотность употребления и ценностные доминанты

Корпусное исследование паремий с зоонимическими компонентами в греческом, английском и русском языках позволяет выявить как особенности их функционирования в различных жанрах, так и специфические культурные ценности, зафиксированные в устойчивых выражениях.

С точки зрения частотности, греческие зоонимические паремии проявляют наибольшую активность в начале XXI в., особенно в публицистике, где они нередко используются в ироническом ключе. Английские паремии, напротив, демонстрируют устойчивое присутствие на протяжении нескольких веков,

особенно активно употребляясь в печатной прессе XX в. Русские паремии с зоонимами фиксируются преимущественно в художественной литературе XIX–XX вв., что отражает высокую степень институционализации этих выражений в культурной традиции. Эти распределения позволяют говорить о разной степени аксиологической нагрузки в зависимости от жанра и исторического периода. Так, в греческом дискурсе паремии с зоонимами часто приобретают функцию социальной коррекции и демонстрируют ироничное дистанцирование от устоявшихся норм. Английские зоонимические паремии, напротив, конструируют прагматическое поведение субъекта, апеллирующего к личной выгоде, ответственности и самоконтролю. В русском же материале особенно подчёркнута этико-нравственная функция: паремии часто формируют модели поведения на основе моральной оценки действий индивида через образы животных – **волка, лисы, собаки, курицы.**

Для системного сопоставления культурных ценностей, зафиксированных в паремиях с зоонимами, целесообразно выделить их аксиологические доминанты, то есть устойчивые смысловые узлы, вокруг которых группируются поведенческие и мировоззренческие установки.

Таблица 3.4 демонстрирует соотношение типичных зоонимов и отражаемых ими ценностей в трёх языках.

Таблица 3.4

Сравнение аксиологических доминант паремий с компонентами-зоонимами

Язык	Типичные зоонимы	Доминирующие ценности (аксиологические доминанты)
Греческий	Γάιδαρος (осел), λύκος (волк), αλεπού (лиса)	Здравый смысл и рациональность; осторожность (предвидение последствий); социальная зрелость и иерархия (авторитет опыта); антилицемерие и справедливость; границы дозволенного/невмешательство
Английский	Pig (свинья), hare (заяц), monkey (обезьяна), dog (собака)	Эффективность/результативность; прагматизм и реалистичность; самоорганизация/дисциплина; контроль информации (норма)

		конфиденциальности); личные границы/автономия
Русский	Волк, лиса, курица, собака, мышь	Труд как норма; инициатива/самостоятельность; осмотрительность и терпение; справедливость/воздаяние; социальная кооперация (осуждение жадности и «бесполезного владения»)

Зоонимические паремии выполняют не только эстетическую или выразительную функцию, но и служат репрезентантами базовых культурных ценностей, транслируемых через поколения. Они остаются узнаваемыми и живыми в языке именно благодаря своей частотности и способности адаптироваться к новым социальным реалиям. Зоонимы, выступающие в роли символов, позволяют кодировать и передавать когнитивные стереотипы, которые могут эволюционировать, но сохраняют устойчивую семантическую основу. В этом смысле паремии с зоонимами – это не просто речевые клише, а вербальные маркеры аксиологических ориентиров общества, устойчивые и гибкие одновременно.

Таким образом, корпусное сравнение зоонимических паремий позволяет реконструировать не только культурно-языковую картину мира, но и специфическую систему ценностных координат, транслируемую через малые жанры. Аксиологическое пространство каждого языка оказывается структурированным вокруг определенных доминант: греческие паремии критикуют и иронизируют, английские – направляют и рационализируют, русские – поучают и нормируют. Несмотря на лаконичную форму, такие выражения продолжают выполнять когнитивную, воспитательную и интерпретирующую функции, оставаясь риторическим механизмом культурной преемственности. Это подтверждает тезис о том, что паремии с зоонимами – это не просто фольклорные остатки, а активные носители и передатчики ментальных структур, в которых за образом животного скрыт социальный и ценностный смысл.

3.2. Рецепция зоонимических паремий в языковом сознании

Данный раздел посвящен исследованию паремий как средства речевого общения, а также анализу частоты их употребления и степени их «прозрачности» в обиходно-бытовой коммуникации. Целью настоящего исследования является выявление способности носителей греческого, английского и русского языков распознавать и интерпретировать паремии, а также оценка степени их интеграции в повседневную устную речь. Вклад исследования заключается в сопоставительном анализе восприятия и понимания паремиологического материала в трёх языках с учетом социокультурного и образовательного фона их носителей.

Исследование опирается на следующие исходные гипотезы:

– паремии в греческом, английском и русском языках обладают различной степенью прозрачности, то есть степени очевидности их значения, выводимого из значения составляющих слов;

– прозрачность паремий может варьироваться в зависимости от предшествующего опыта, уровня образования, а также культурного и социального фона респондентов;

– несмотря на процессы модернизации и цифровизации коммуникации, паремии сохраняют свою функциональность в повседневной устной речи, хотя частота и цели их употребления могут различаться по языкам и сообществам.

Исследование основывается на анкетировании носителей трёх языков (греческого, английского и русского), целью которого было оценить понимание и частотность использования паремий. Были отобраны 30 паремий (по 10 на каждом языке) с компонентом-зоонимом, извлеченных из авторитетных фразеологических словарей [Бадмаева, 2022; Герасимова, 2022; Онуфриева, 2021: 34–43; Малкова, 2019: 137–142; Елгешина, 2023; Захарова, 2013].

Для целей анализа отобранные паремии были предварительно распределены по трём уровням семантической прозрачности:

1) очевидное значение (буквальные, легко интерпретируемые);

2) умеренно прозрачное значение (частично метафоризированные, но с сохраняющейся семантической связью с компонентами);

3) малопрозрачное значение (метафорические и культурно специфичные выражения).

Подобная классификация является ориентировочной и основана на предварительной экспертной оценке исследовательской группы. Мы принимаем субъективность такого распределения, поскольку степень понятности может варьироваться в зависимости от индивидуального лингвокультурного опыта.

Анкета была разделена на две части:

1) *общая информация о респонденте:*

– демографические данные (возраст, уровень образования, регион проживания);

– частота употребления паремий в повседневной речи;

– цели и мотивация использования (например, для выражения жизненного урока, оценки ситуации, морального суждения);

– отношение к ценности паремий в современном обществе;

2) *оценка прозрачности паремий.* Каждая из 10 паремий оценивалась по пятибалльной шкале:

– «1» – значение не очевидно;

– «2» – значение слабо распознается;

– «3» – значение умеренно понятно;

– «4» – значение ясно;

– «5» – значение абсолютно очевидно.

Респондентов просили интерпретировать паремии даже в случаях, если они ранее не сталкивались с ними, основываясь на значении входящих слов и предполагаемом контексте.

Порядок представления паремий в опросе был выстроен от более буквальных и прозрачных к более метафорическим и малопонятным с целью выявления порога когнитивной интерпретируемости.

Все участники опроса являлись носителями соответствующих языков.

Данные собирались и анализировались отдельно по каждому языковому сообществу, что позволяет сравнивать восприятие и интерпретацию паремий в рамках одного культурного контекста, а затем проводить кросс-культурное сопоставление.

3.2.1. Восприятие паремий с компонентом-зоонимом в греческой лингвокультуре

Рассмотрим результаты опроса греческих респондентов. Количественные состав участников, соотношение и уровень образования респондентов представлены в таблице 3.5.

Таблица 3.5

Пол, возраст и образование респондентов – носителей греческого языка

Параметр	Категория	% участников
Пол	Женщины	60
	Мужчины	40
Возраст	19–34	53
	35–54	23
	55+	24
Образование	Высшее образование I степени (бакалавриат)	64
	Высшее образование II степени (магистратура/ специалитет)	27
	Высшее образование III степени (аспирантура/ докторантура)	9

Из представленных данных следует, что в исследовании преобладают женщины, которые составляют 60% от общей выборки. Это может свидетельствовать о более высоком уровне заинтересованности женщин в данном

исследовании или о большем числе женщин, участвующих в опросах такого рода. Мужчины составляют 40% респондентов, что также представляет собой значительную группу участников, но уступает женской аудитории.

Наибольшее количество участников опроса (53%) относятся к возрастной категории 19–34 года, что указывает на высокую активность и интерес к рассматриваемой теме среди молодых людей. Этот возрастной сегмент может быть более склонен к участию в социальных исследованиях, возможно, из-за большей доступности цифровых платформ и онлайн-опросов. Возрастная категория 35–54 лет включает 23% участников, что может свидетельствовать о менее активном вовлечении этой группы в исследуемый процесс. 24% респондентов относятся к возрастной группе 55+, что является достаточно высоким показателем и подтверждает наличие интереса и среди более зрелой аудитории к изучаемой теме.

Наибольший процент участников (64%) имеют высшее образование первой степени (бакалавриат), что отражает доминирование этой образовательной категории среди респондентов. Это также может указывать на высокий интерес к исследуемой проблеме среди людей, получивших базовое высшее образование. 27% респондентов имеют степень магистра или специалиста, что свидетельствует о наличии значительного числа участников с более высоким уровнем образования. 9% участников обладают степенью аспиранта или доктора, что указывает на определённую представленность в выборке людей с более глубокими академическими знаниями и высоким уровнем образовательной подготовки.

Таким образом, структура выборки демонстрирует преобладание женщин и молодых людей, а также высокий уровень образования среди участников опроса, что может свидетельствовать о более высоком интересе к исследуемой теме в этих группах населения.

На вопрос: «Знаете ли Вы какие-нибудь паремии?» – 23 участника ответили, что «знают очень много паремий» (больше 100; 23%), 55 участников ответили,

что «знают много паремий» (больше 50; 55%), 22 участника ответили, что «знают несколько паремий» (22%).

Интересно отметить, что никто из участников не ответил, что «вообще не знает никаких паремий».

Результаты опроса представлены в таблице 3.6.

Таблица 3.6

Уровень знакомства респондентов с греческими паремиями

Объём знания	% участников
Более 100 паремий	23
Более 50 паремий	55
Лишь несколько паремий	22
Полное отсутствие знаний	0

Представленные данные демонстрируют высокий уровень знакомства респондентов с греческими паремиями. Наибольшая доля участников опроса (55%) заявили, что знают более 50 паремий, что указывает на широкое распространение и устойчивое присутствие этих языковых единиц в коллективной памяти и речевом обиходе. При этом 23% респондентов отметили знание более 100 паремий, что может свидетельствовать о повышенном уровне языковой компетенции или об осознанном интересе к пословичному наследию.

Значимая часть участников (22%) указали, что знают лишь несколько паремий, что, вероятно, связано с меньшей вовлеченностью в речевые практики, где активно используются устойчивые выражения. Отсутствие респондентов с полным незнанием паремий (0%) подчёркивает их универсальность и культурную значимость: даже при ограниченном опыте общения большинство пользователей языка всё же сталкиваются с подобными конструкциями в различных коммуникативных контекстах.

Таким образом, можно заключить, что паремии сохраняют высокую степень узнаваемости и актуальности в греческом языке, а их знание варьируется в

зависимости от уровня образовательной подготовки, речевого опыта и коммуникативных потребностей респондентов.

На вопрос: «Используете ли Вы поговорки в повседневной жизни? Если да, то как часто Вы употребляете поговорки, чтобы сделать Вашу речь более убедительной?» – 14 участников ответили «очень часто» (14%), 32 участника ответили «иногда» (32%), 52 участника ответили «редко» (52%), 2 участника ответили «никогда» (2%).

Результаты опроса представлены в таблице 3.7.

Таблица 3.7

Частота использования поговорок респондентами – носителями греческого языка

Частота	% участников
Очень часто	14
Иногда	32
Редко	52
Никогда	2

Анализ данных, представленных в таблице 3.7, свидетельствует о том, что поговорки продолжают функционировать в современном дискурсе, однако интенсивность их использования варьируется среди носителей греческого языка. Наиболее многочисленная группа респондентов (52%) указала, что использует поговорки редко, что может указывать на сужение сфер их актуального применения, а также на преобладание спонтанных, ситуативных актов цитирования устойчивых выражений.

В то же время 32% участников опроса отметили, что прибегают к поговоркам «иногда», а 14% – «очень часто». Эти данные позволяют говорить о сохраняющейся продуктивности пословичной формы в определённых коммуникативных стратегиях, особенно в ситуациях, требующих лаконичного выражения коллективного опыта, оценки или иронии.

Лишь 2% респондентов заявили о полном отсутствии практики использования паремий, что подтверждает гипотезу о том, что пословицы, несмотря на возможную архаичность формы, остаются частью языковой картины мира и используются как репрезентанты культурных норм и типизированных моделей поведения.

Таким образом, частотность употребления паремий демонстрирует как признаки их функциональной адаптации к современному языковому пространству, так и тенденции к снижению частоты использования в повседневной речи.

На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что паремии полезны для передачи сообщений в повседневной жизни?» – 18 участников ответили «полностью согласен» (18%), 51 участник – «согласен» (51%), 28 участников – «не определился» (28%), 3 участника – «не согласен» (3%). Важно отметить, что никто из участников не ответил, что «категорически не согласен».

Результаты опроса представлены в таблице 3.8.

Таблица 3.8

**Распределение ответов на вопрос о полезности паремий
в повседневной коммуникации респондентами – носителями греческого языка**

Ответ	%
Полностью согласен	18
Согласен	51
Затрудняюсь ответить	28
Не согласен	3
Категорически не согласен	0

18% участников полностью согласны с тем, что паремии полезны для передачи сообщений в повседневной жизни. Этот показатель указывает на значительную, но меньшую группу респондентов, для которых паремии играют

важную роль в коммуникации и воспринимаются как эффективные средства передачи мыслей.

Наибольшая группа (51% участников) выразила согласие с утверждением о полезности паремий. Это подтверждает, что паремии в целом воспринимаются как полезный инструмент для передачи информации, являясь значимой частью повседневного общения. Такой результат свидетельствует о высокой степени осведомлённости участников о функциональности и роли паремий в коммуникации.

28% респондентов затруднились с ответом на этот вопрос, что может свидетельствовать о некоторой неопределённости или недостаточной уверенности в восприятии роли паремий в повседневной жизни. Этот показатель может указывать на необходимость более глубокого анализа и уточнения в отношении восприятия паремий и их функциональной роли среди участников.

3% участников выразили несогласие с утверждением о полезности паремий. Это относительно небольшой процент респондентов, который может быть связан с индивидуальными предпочтениями или восприятием паремий как ненужных или малозначимых в их коммуникации.

Интересным является тот факт, что никто из участников не выразил категорическое несогласие с полезностью паремий. Это свидетельствует о том, что даже те респонденты, которые не придают им особого значения, всё равно воспринимают их как имеющие определённую роль в общении.

Таким образом, результаты подтверждают, что большая часть участников опроса осознаёт полезность паремий в коммуникации, а значительная часть затрудняется с оценкой их значения. Эти данные подчёркивают важность паремий как языкового ресурса в повседневной речи, несмотря на наличие неопределённости у части респондентов.

На вопрос: *«С какой целью Вы используете пословицы и поговорки?»* – 57 участников ответили *«по привычке»* (57%), 48 участников – *«чтобы облегчить понимание информации»* (48%), 40 участников – *«чтобы выразить иронию»* (40%), 38 участников – *«чтобы привести аргумент»* (38%), 35 участников –

«чтобы дать совет» (35%), 31 участник – «чтобы дать наставление» (31%), 29 участников – «чтобы продемонстрировать знание языка» (29%), 28 участников – «чтобы закончить предложение» (28%), 25 участников – «для утешения собеседника» (25%), 23 участника – «для воодушевления собеседника» (23%), 21 участник – «для снятия напряжения в общении / для разрядки напряжения» (21%), 16 участников – «чтобы передать знания» (16%). И только 6 участников ответили «другая причина» (6%).

Результаты опроса представлены в таблице 3.9.

Таблица 3.9

Цели использования паремий респондентами – носителями греческого языка

Цель	% участников
По привычке	57
Для облегчения понимания	48
Для выражения иронии	40
С целью аргументации	38
Для дачи совета	35
Для наставления	31
Демонстрация знания языка	29
Для завершения высказывания	28
Утешение	25
Воодушевление	23
Снятие напряжения в коммуникации	21
Передача знаний	16
Иные причины	6

Анализ целей использования паремий в общении показывает, что наибольшее количество респондентов (57%) применяют паремии «по привычке», что свидетельствует о глубокой укоренённости этих выражений в повседневной

речи и их автоматическом использовании. Паремии как элемент лексического арсенала функционируют в виде неосознанной части речевого поведения, что отражает их когнитивную и культурную интеграцию.

Значительный процент участников (48%) использует паремии *«с целью облегчения понимания»*, что подчёркивает их роль в упрощении восприятия сложных идей и утверждений. Паремии благодаря своей метафорической природе могут эффективно служить инструментом, позволяющим передавать абстрактные концепты более доступным способом.

40% респондентов применяют паремии *«для выражения иронии»*, что подтверждает их важность в риторической и эмоциональной сфере общения. Ироничные выражения помогают придать речи определённую окраску, позволяя смягчить серьёзность обсуждаемого вопроса или усилить контекст.

«Цель аргументации» (38%) также является значимым мотивом для употребления паремий, что указывает на их роль в поддержке и усилении высказывания. В этом контексте паремии служат не только для убеждения собеседника, но и для структурирования аргументов, делая их более убедительными и запоминающимися.

Использование паремий *«для дачи совета»* (35%) и *«наставления»* (31%) подтверждает их дидактическую функцию в общении. Эти выражения служат источником мудрости и жизненных уроков, что характерно для их употребления в наставнических или образовательных ситуациях.

Реже встречаются такие цели, как *«демонстрация знания языка»* (29%), *«завершение высказывания»* (28%), *«утешение»* (25%), *«воодушевление»* (23%), *«снятие напряжения в коммуникации»* (21%) и *«передача знаний»* (16%), что может свидетельствовать о менее очевидной, но всё же важной роли паремий в поддержании социального взаимодействия, создании комфортной атмосферы общения и мотивации участников.

Таким образом, использование паремий в речи имеет разнообразные функциональные цели, отражающие их многообразие в коммуникации, включая

когнитивные, эмоциональные и риторические аспекты.

По поводу второй части опроса на греческом языке об использовании паремий в обиходно-бытовой коммуникации, как выяснилось из ответов участников, «прозрачность» греческих паремий показывает колебания.

Результаты опроса представлены в таблице 3.10.

Таблица 3.10

Восприятие «прозрачности» греческих паремий

№	Паремия	Абсолютно очевидно, %	Понятно, %	Умеренно видно, %	Мало очевидно, %	Нет смысла, %
1.	«Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα» («Поставил волка охранять овец»)	74	17	7	0	2
2.	«Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλι» («Осёл петуха назвал большеголовым»)	69	13	14	1	3
3.	«Ακόμα δεν βγήκες από τ' αυγό σου» («Ты даже ещё не вылупился из яйца»)	65	22	9	1	3
4.	«Δυο γάιδαροι μάλωνα σε ξένο αχυρώνα» («Два осла спорили в чужом сарае»)	63	18	14	2	3
5.	«Βγάζει απ' τη μύγα ζύκι» («Он из мухи сало получит»)	58	25	12	3	2
6.	«Γάτα στο σακί, ποντικού δεν πιάνει» («Кот в мешке мышей не ловит»)	47	23	20	6	4

№	Паремия	Абсолютно очевидно, %	Понятно, %	Умеренно видно, %	Мало очевидно, %	Нет смысла, %
7.	«Κάλλιο γαϊδουρόδενε παρά γαϊδουρογύρευε» («Лучше осла привязать, чем потом его искать»)	46	11	17	11	15
8.	«Κατά φωνή κι ο γάιδαρος» («Помяни осла, он и появится»)	45	16	16	8	15
9.	«Άλλού τα κακαρίσματα κι αλλού γεννούν οι κότες» («В одном месте – лишь одно кукареканье, а в другом – куры несутся»)	43	20	18	10	9
10.	«Δεματιάζει αβγά» («Сложит яйца в стог»)	23	14	20	14	29

Анализ восприятия греческих паремий с зоонимами показывает, что наибольшую степень «прозрачности», то есть лёгкости интерпретации, демонстрируют выражения, в которых использованы универсальные и знакомые образы, встроенные в повседневный опыт и причинно-следственные схемы. Так, паремии «Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα» («Поставил волка охранять овец») (74%) и «Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλα» («Осёл петуха назвал большеголовым») (69%) демонстрируют высокий уровень интерпретативной доступности. Эти выражения опираются на узнаваемые метафорические оппозиции – «хищник–жертва», «лицемерие–проекция» – и, по-видимому,

широко употребимы в современном языке.

Также достаточно понятными оказались пословицы с отсылкой к возрастным и социальным ролям, например: «*Ακόμα δεν βγήκες από τ' αυγό σου*» («Ты даже ещё не вылупился из яйца») (65%) и «*Δυο γάιδαροι μάλωναν σε ξένο αχυρώνα*» («Два осла спорили в чужом сарае») (63%). Их интерпретация облегчается благодаря наличию конкретного сюжета, а также связи с жизненным опытом и ситуациями из повседневной коммуникации.

Снижение уровня понимания наблюдается в случае выражений, где метафора более сложная, образ менее очевиден или отсутствует прозрачная связь между формой и предполагаемым значением. Так, «*Κατά φωνή κι ο γάιδαρος*» («Помяни осла, он и появится») и «*Κάλλιο γαϊδουρόδενε παρά γαϊδουρογύρευε*» («Лучше осла привязать, чем потом его искать») показывают значительное число ответов в категориях «мало очевидно» и «нет смысла» (до 15%). Это может быть связано с архаичностью образов или их сниженной частотностью в современной речи.

Наименьшую степень интерпретативной доступности продемонстрировала паремия «*Δεματιάζει αβγά*» («Сложить яйца в стог»), где почти треть респондентов (29%) не увидели смысла вовсе. Такая реакция может быть обусловлена отсутствием очевидной метафорической логики или слабой связью образа с привычными когнитивными схемами.

Таким образом, данные подтверждают, что уровень семантической прозрачности греческих паремий тесно связан с узнаваемостью образа, его культурной релевантностью и степенью соответствия повседневному опыту. Паремии, опирающиеся на универсальные или устойчивые метафоры, воспринимаются легче и функционируют как эффективный инструмент коммуникации.

Результаты опроса выявили статистически значимую положительную зависимость между степенью семантической «прозрачности» греческих паремий и успешностью их интерпретации носителями языка. Иными словами, чем очевиднее значение выражения, вытекающее из его лексических компонентов и

образных ассоциаций, тем легче оно воспринимается и корректно интерпретируется.

Наиболее легко воспринимаются паремии, в которых:

- используются хорошо знакомые, устойчивые метафорические образы животных (например, волк, осёл), отражающие коллективные стереотипы и ассоциированные с определёнными моральными или поведенческими характеристиками – силой, упорством, упрямством;

- значение паремии может быть интуитивно восстановлено из буквального смысла компонентов, что способствует её оценочной прозрачности;

- выражение соотносится с повседневной логикой и жизненным опытом, укрепляя такие базовые ценности, как трудолюбие, осторожность, самостоятельность, прагматизм.

Трудности вызывают паремии, в которых:

- используются редкие, архаичные или иносказательные образы, требующие глубокого культурного или исторического знания;

- значение имеет метафорический характер, не очевидный и не подкреплённый актуальными жизненными реалиями;

- отсутствует непосредственная связь между формой и предполагаемым смыслом, что препятствует извлечению аксиологического содержания без контекста.

Кроме того, анализ ответов показал, что основными мотивами употребления паремий среди говорящих на греческом языке являются языковая привычка (57%) и облегчение понимания информации (48%), что подчёркивает их когнитивную и прагматическую функции в коммуникации.

Кроме того, анализ ответов показал, что основными мотивами употребления паремий среди говорящих на греческом языке являются языковая привычка (57%) и облегчение понимания информации (48%). Эти данные подчёркивают не только когнитивную и прагматическую, но и аксиологическую функции паремий как механизмов социального нормирования и оценки поведения.

Регулярное использование зоонимических паремий позволяет

воспроизводить в речи ценностные ориентиры: образы животных несут ассоциативную нагрузку (осёл – упрямство, волк – опасность, собака – преданность или униженность, лиса – хитрость), через которую транслируются социально одобряемые или осуждаемые качества.

Таким образом, паремии с зоонимами продолжают выполнять ценностно-регулятивную функцию, интегрируя когнитивное и аксиологическое измерения. Их эффективность во многом зависит от степени семантической прозрачности, культурной укоренённости и актуальности образа, что позволяет им сохранять устойчивость в языковом сознании и адаптироваться к изменяющимся условиям коммуникации.

3.2.2. Восприятие паремий с компонентом-зоонимом в англоязычной культуре

Рассмотрим результаты опроса на английском языке. Опрос, проведённый в рамках данной части исследования, носит пилотный характер. К сожалению, из-за текущей глобальной ситуации не удалось привлечь носителей английского языка для участия в опросе или они отказались от участия по различным причинам. В связи с этим результаты исследования представляют собой предварительный анализ, который следует рассматривать с учётом ограничений, связанных с выборкой респондентов. Таким образом, представленные данные носят предварительный характер и требуют дальнейшего подтверждения и расширения в более масштабных и репрезентативных исследованиях.

Количественные состав участников, соотношение и уровень образования респондентов представлены в таблице 3.11.

Социодемографический профиль участников опроса среди носителей английского языка демонстрирует сбалансированное распределение по половому признаку: мужчины составили 52,5%, женщины – 47,5%, что обеспечивает относительную гендерную нейтральность выборки и позволяет избежать

искажений, связанных с половыми различиями в восприятии паремий.

Возрастной состав респондентов показывает преобладание молодежи: 57,5% участников находятся в возрастной категории 19–34 лет. Это может свидетельствовать о более высокой вовлеченности молодых носителей в исследуемую тематику, а также об их большей доступности к цифровым формам опросов. Средняя возрастная группа (35–54 года) представлена в меньшей степени (27,5%), а респонденты старше 55 лет составили лишь 15%, что может несколько ограничивать полноту возрастного среза, особенно в контексте изучения традиционных языковых практик.

Таблица 3.11

Пол, возраст и образование респондентов опроса на английском языке

Категория	Подкатегория	Количество респондентов	%
Пол	Женский	19	47,5
	Мужской	21	52,5
Возраст	19–34	23	57,5
	35–54	11	27,5
	55+	6	15
Уровень образования	Высшее образование I степени (бакалавриат)	18	45
	Высшее образование II степени (магистратура/специалитет)	19	47,5
	Высшее образование III степени (аспирантура/докторантура)	3	7,5

Уровень образования участников указывает на высокую степень академической подготовки: 92,5% респондентов имеют высшее образование (из них 47,5% – степень магистра, 45% – степень бакалавра). Лишь 7,5% участников имеют ученую степень третьего уровня, что, несмотря на малочисленность этой подкатегории, отражает наличие в выборке респондентов с развитым

аналитическим мышлением. Таким образом, полученные данные можно считать надёжными и релевантными для анализа интерпретативной доступности английских паремий в академически ориентированной англоязычной среде.

На вопрос: «Знаете ли Вы какие-нибудь паремии?» – 15 участников ответили, что «знают очень много паремий» (больше 100; 37,5%), 11 участников – «знают много паремий» (больше 50; 27,5%), 14 – «знают несколько паремий» (35%). Интересно отметить, что никто из участников не ответил, что «вообще не знает никаких паремий».

Результаты опроса представлены в таблице 3.12.

Таблица 3.12

Уровень знания паремий на английском языке

Объём знания	Количество респондентов	%
Более 100 паремий	15	37,5
Более 50 паремий	11	27,5
Лишь несколько паремий	14	35
Полное отсутствие знаний	0	0

Анализ данных, представленных в таблице 3.12, свидетельствует о достаточно высоком уровне знания паремий среди респондентов. Наибольшая доля участников (37,5%) указала, что знакома более чем со 100 паремиями, что позволяет говорить о глубокой укоренённости паремиологического знания в языковом сознании этой группы. Ещё 27,5% респондентов заявили о знании более 50 паремий, что также указывает на уверенное владение данным сегментом фразеологического ресурса.

Интересным является тот факт, что 35% участников признают знание лишь нескольких паремий, что может отражать как возрастные и образовательные различия, так и снижение частоты использования подобных единиц в повседневной англоязычной коммуникации. В то же время отсутствие респондентов, полностью не знакомых с паремиями (0%), подтверждает

предположение о том, что пословицы и поговорки сохраняют свою культурную и когнитивную значимость даже в условиях современного языкового употребления.

Таким образом, большинство опрошенных демонстрируют хотя бы базовое знание паремий, что делает возможным дальнейшее изучение интерпретативных стратегий и функциональных особенностей этих единиц в современной англоязычной культуре.

На вопрос: «Используете ли Вы паремии в повседневной жизни? Если да, то как часто Вы употребляете паремии, чтобы сделать Вашу речь более убедительной?» – 3 участника ответили «очень часто» (7,5%), 16 – «иногда» (40%), 21 – «редко» (52,5%). Интересно отметить, что никто из участников не ответил «никогда».

Результаты опроса представлены в таблице 3.13.

Таблица 3.13

Частота использования паремий на английском языке

Частота использования	Количество респондентов	%
Очень часто	3	7,5
Иногда	16	40
Редко	21	52,5
Никогда	0	0

Данные, представленные в таблице 3.13, демонстрируют относительно низкую частоту употребления паремий в повседневной речи англоязычных респондентов. Лишь 7,5% участников отметили, что используют паремии очень часто, в то время как подавляющее большинство опрошенных (52,5%) указывают на редкое их употребление. Существенная доля респондентов (40,0%) сообщила, что прибегает к паремиям лишь время от времени.

Примечательно, что ни один из участников не указал на полное отсутствие употребления паремий (0%), что косвенно подтверждает их продолжающееся присутствие в коммуникативной практике, пусть и на периферии повседневного

дискурса. Такая тенденция может быть связана с рядом факторов: изменением коммуникативных стратегий в цифровую эпоху, снижением популярности риторически маркированных форм, а также возрастной или профессиональной спецификой респондентов.

Таким образом, хотя активное использование паремий наблюдается лишь у ограниченного числа носителей языка, сама практика их применения сохраняется и не утрачивает своей актуальности в определённых прагматических и стилистических контекстах.

На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что паремии полезны для передачи сообщений в повседневной жизни?» – 8 участников ответили «полностью согласен» (20%), 18 – «согласен» (45%), 11 – «не определился» (27,5%), 3 – «не согласен» (7,5%). Важно отметить, что никто из участников не ответил, что «категорически не согласен».

Результаты опроса представлены в таблице 3.14.

Таблица 3.14

**Распределение ответов на вопрос о полезности паремий
в повседневной коммуникации на английском языке**

Ответ	Количество респондентов	%
Полностью согласен	8	20
Согласен	18	45
Не уверен / Затрудняюсь ответить	11	27.5
Не согласен	3	7.5
Категорически не согласен	0	0

Распределение ответов, представленных в таблице 3.14, свидетельствует о преимущественно положительном отношении респондентов к утверждению, вынесенному на обсуждение (об использовании или значении паремий). В совокупности 65% участников (20% – «полностью согласен», 45% – «согласен»)

выразили согласие, что указывает на наличие сформированного и в целом благожелательного восприятия рассматриваемого явления.

При этом заметная доля респондентов (27,5%) выбрали позицию неопределенности («не уверен / затрудняюсь ответить»), что может отражать либо недостаточную осведомленность, либо неоднозначность самого утверждения. Лишь 7,5% участников выбрали категорию «не согласен», при этом ни один из опрошенных не выбрал опцию «категорически не согласен», что подчёркивает отсутствие резко негативной оценки в выборке.

Таким образом, можно заключить, что среди респондентов преобладает умеренно положительное отношение к паремиям или их функции, тогда как нейтральная и колеблющаяся позиция значительной части участников указывает на необходимость дальнейшего уточнения контекста и факторов, влияющих на восприятие этих языковых единиц.

На вопрос: «С какой целью Вы используете паремии?» – 26 участников ответили «чтобы дать совет» (65%), 23 – «чтобы облегчить понимание информации» (57,5%), 21 – «по привычке» (52,5%), 20 – «чтобы привести аргумент» (50%), 16 – «чтобы выразить иронию» (40%), 15 – «чтобы дать наставление» (37,5%), 12 – «чтобы передать знания» (30%), 11 – «чтобы привести аргумент» (27,5%), 11 – «для утешения собеседника» (27,5%), 10 – «для воодушевления собеседника» (25%), 8 – «чтобы закончить предложение» (20%), 8 – «чтобы продемонстрировать знание языка» (20%). И только 2 участника ответили «другая причина» (5%).

Результаты опроса представлены в таблице 3.15.

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет выделить наиболее распространенные цели использования паремий среди англоязычных респондентов. На первом месте стоит мотивация «дать совет» (65%), что указывает на доминирование дидактической функции паремий в повседневной коммуникации. Существенная доля респондентов также используют паремии для «облегчения понимания информации» (57,5%) и «по привычке» (52,5%), что подтверждает их укоренённость в языковом поведении и роль в

структурировании высказывания.

Значительное количество участников отметили использование паремий в целях «*приведения аргумента*» (50%) и «*выражения иронии*» (40%), что свидетельствует об их риторическом потенциале и способности усиливать коммуникативное воздействие. Примерно треть респондентов (30–37,5%) указали на такие когнитивные и эмоциональные функции, как «*наставление*», «*передача знаний*», «*утешение*» и «*воодушевление*».

Таблица 3.15

Цели использования паремий на английском языке

Цель использования	Количество респондентов	%
Дать совет	26	65
Облегчить понимание информации	23	57.5
По привычке	21	52.5
Привести аргумент	20	50
Выразить иронию	16	40
Дать наставление	15	37.5
Передать знания	12	30
Привести дополнительный аргумент	11	27.5
Утешить собеседника	11	27.5
Воодушевить собеседника	10	25
Закончить предложение	8	20
Продемонстрировать знание языка	8	20
Другая причина	2	5

Менее значимыми, но всё же присутствующими функциями остаются «*завершение высказывания*» и «*демонстрация знания языка*» (по 20%), что может отражать стилистические или идентичностные стратегии общения. Наконец, лишь 5% респондентов выбрали вариант «*другая причина*», что подчёркивает достаточно устойчивый и типизированный характер употребления паремий.

Таким образом, данные подтверждают многофункциональность паремий в англоязычной культуре с преобладанием дидактической, когнитивной и прагматической направленности.

По поводу второй части опроса на английском языке об использовании паремий в обиходно-бытовой коммуникации, как выяснилось из ответов участников, «прозрачность» английских паремий показывает колебания.

Результаты опроса представлены в таблице 3.16.

Таблица 3.16

Восприятие «прозрачности» английских паремий

№	Паремия	Абсолютно очевидно, %	Понятно, %	Умеренно видно, %	Мало очевидно, %	Нет смысла, %
1.	« <i>Kill two birds with one stone</i> » («Убить двух птиц одним камнем»)	50	32,5	12,5	5	0
2.	« <i>When pigs fly</i> » («Когда свиньи полетят»)	40	22,5	15	12,5	10
3.	« <i>To sweat like a pig</i> » («Потеть, как свинья»)	30	27,5	20	15	7,5
4.	« <i>Let the cat out of the bag</i> » («Выпустить кошку из мешка»)	30	30	20	15	5
5.	« <i>Barking up the wrong tree</i> » («Лаять не на то дерево»)	30	20	32,5	10	7,5
6.	« <i>It's raining cats and dogs</i> » («Идёт дождь из кошек и собак»)	30	12,5	27,5	25	5

№	Паремия	Абсолютно очевидно, %	Понятно, %	Умеренно видно, %	Мало очевидно, %	Нет смысла, %
7.	« <i>Get your ducks in a row</i> » («Поставить своих уток в ряд»)	25	12,5	30	25	7,5
8.	« <i>Dog days of summer</i> » («Собачьи дни лета»)	25	2,5	15	25	32,5
9.	« <i>Not my circus, not my monkeys</i> » («Не мой цирк – не мои обезьяны»)	22,5	20	22,5	27,5	7,5
10.	« <i>Mad as a March hare</i> » («Сумасшедший, как мартовский заяц»)	20	7,5	32,5	17,5	22,5

Анализ уровня «прозрачности» английских паремий показывает, что наиболее понятными для респондентов оказались выражения, в которых заложен очевидный причинно-следственный образ («*Kill two birds with one stone*» («Убить двух птиц одним камнем»), «*Let the cat out of the bag*» («Выпустить кошку из мешка»)). Эти паремии, по всей видимости, прочно вошли в повседневный обиход и опираются на универсальные когнитивные схемы – цель и результат, правда и сокрытие и т.д.

При этом они одновременно закрепляют и транслируют такие ценности, как рациональность, эффективность, прямота – типичные для англоязычной коммуникативной культуры. «Убийство двух птиц одним камнем» метафорически восхваляет результативность и умение решать несколько задач одновременно, тогда как «Выпустить кота из мешка» апеллирует к

нравственной категории честности и разоблачения.

Менее понятными оказались выражения с культурно-специфичными или архаичными образами («*Mad as a March hare*» («Сумасшедший, как мартовский заяц»)), а также идиомы, отсылающие к игровым или образным контекстам («*Not my circus, not my monkeys*» («Не мой цирк – не мои обезьяны»), «*Get your ducks in a row*» («Поставить своих уток в ряд»)). Это может быть связано не только с метафоричностью конструкций, но и с тем, что среди участников опроса были носители различных вариантов английского языка (британского, американского, австралийского и др.).

Аксиологически подобные выражения сложнее интерпретировать, поскольку они апеллируют к фоновым знаниям и образам, утратившим актуальность или доступность. Например, «мартовский заяц» (символ иррационального безумия) сегодня требует культурной расшифровки, а «цирк и обезьяны» (аллюзия на хаос), не подпадающий под сферу личной ответственности; несёт в себе ценностное утверждение об ограничении личной вовлеченности и эмоционального дистанцирования.

Результаты опроса показали статистически значимую положительную зависимость между степенью семантической «прозрачности» английских паремий и их успешностью интерпретации носителями языка. Иными словами, чем более очевидное значение паремии вытекает из её лексических компонентов и образных ассоциаций, тем легче она воспринимается и корректно интерпретируется.

Однако важно отметить, что прозрачность образа способствует не только когнитивному пониманию, но и аксиологической интерпретации – легче усваивается та паремия, чья ценностная подоплёка (предупреждение, совет, критика, поощрение) очевидна и соотносится с базовыми установками культуры.

Значительное количество респондентов не смогли понять значение некоторых паремий, что проявилось в ответах, где они оценивали значение как мало очевидное или вообще не видели очевидного смысла. Это может быть связано с тем, что опрос не был ограничен конкретным вариантом английского языка (британцы, австралийцы, американцы и др.), что может привести к

различиям в восприятии одних и тех же выражений. Такая вариативность восприятия свидетельствует о динамике аксиологического содержания – паремии теряют актуальность или переосмысливаются, если их ценностные импликации перестают быть релевантными конкретному культурному опыту.

Что касается цели употребления английских пословиц и поговорок, большинство респондентов ответили, что они используют их с целью «*дать совет*» (65%) и «*облегчить понимание информации*» (57,5%). Это подчёркивает не только когнитивную и прагматическую, но и аксиологическую функции английских паремий, которые служат средствами нормативной ориентации в социальном пространстве. Совет, зашифрованный в паремии, имеет, как правило, оценочную природу – он регулирует поведение, предлагает модели действия, закрепляет предпочтения или предостерегает.

Таким образом, паремии остаются ключевым элементом речевой практики, однако их эффективность и восприятие во многом зависят от степени их прозрачности, культурной укоренённости и ценностной релевантности. Образы животных, служащие ядром многих английских идиом, функционируют как символические носители оценок и поведенческих ориентиров – от рационального действия до ироничной саморефлексии. Это позволяет рассматривать английские зоонимические паремии не только как лингвистические явления, но и как инструменты актуализации культурных и этических норм.

3.2.3. Восприятие паремий с компонентом-зоонимом в русской лингвокультуре

Рассмотрим результаты проведения опроса на русском языке.

Количественный состав участников, соотношение по полу, возрасту и уровню образования представлены в таблице 3.17.

Распределение респондентов по полу, возрасту и уровню образования позволяет выявить ряд значимых социолингвистических и культурных факторов,

влияющих на восприятие и интерпретацию русских паремий.

Во-первых, гендерный состав выборки (54% женщин и 46% мужчин) указывает на участие обеих социальных групп в равной степени, что позволяет анализировать возможные гендерные различия в интерпретации устойчивых выражений. В русской паремиологической традиции немало высказываний, затрагивающих роли мужчин и женщин в обществе, семейные и социальные роли, что может восприниматься по-разному в зависимости от гендерной идентичности респондента.

Таблица 3.17

Пол, возраст и образование респондентов русскоговорящей аудитории

Параметр	Категория	% участников
Пол	Женский	54
	Мужской	46
Возраст	19–34	67
	35–54	24
	55+	9
Образование	Высшее образование I степени (бакалавриат)	48
	Высшее образование II степени (магистратура/специалитет)	42
	Высшее образование III степени (аспирантура/докторантура)	10

Во-вторых, преобладание участников в возрасте от 19 до 34 лет (67%) позволяет рассматривать особенности восприятия паремий современной молодёжью. Молодое поколение, как правило, демонстрирует более критичное или ироничное отношение к традиционным формам народной мудрости, особенно если они содержат архаичные нормы поведения, стереотипы или патриархальные установки. Это может приводить к частичной утрате прямой интерпретативной

доступности паремий и смещению их восприятия в сторону культурных клише или ироничных форм.

В то же время наличие респондентов старших возрастных категорий (24% – 35–54 года, 9% – 55+) позволяет частично учесть и более традиционные интерпретации, а также провести сравнение возрастной динамики восприятия паремиологических единиц.

Что касается уровня образования, высокая доля участников с законченным высшим образованием (90%) делает выборку социолингвистически значимой с точки зрения культурной компетенции. Такие участники, как правило, обладают более высоким уровнем языкового сознания, способны к рефлексии над метафорикой, символизмом и прагматикой пословиц. Особенно это важно в контексте анализа паремий, содержащих зоонимы, гендерные стереотипы, ценностные установки или культурно специфические аллюзии.

Таким образом, представленные социодемографические данные позволяют рассматривать выборку как релевантную для анализа восприятия русских паремий в контексте современного языкового сознания образованного городского населения, преимущественно молодого возраста. Эти характеристики следует учитывать при интерпретации полученных результатов и их обобщении на более широкие слои населения.

На вопрос: *«Знаете ли Вы какие-нибудь паремии?»* – 9 участников ответили *«знаю очень много паремий»* (100+; 9%), 43 – *«знаю много паремий»* (50+; 43%), 48 – *«знаю несколько паремий»* (48%). Интересно отметить, что никто из участников не ответил *«не знаю никаких паремий»*.

Результаты опроса представлены в таблице 3.18.

Таблица 3.18

Уровень знания паремий на русском языке

Объём знания	% участников
Более 100 паремий	9

Более 50 паремий	43
Лишь несколько паремий	48
Полное отсутствие знаний	0

Полученные данные свидетельствуют о высокой степени интеграции паремий в языковое сознание русскоязычных носителей. Отсутствие респондентов, заявивших о полном незнании паремий, подтверждает, что паремии продолжают функционировать как важный элемент не только языковой, но и культурной компетенции. Даже в условиях цифровизации и снижения роли устной традиции устойчивые выражения сохраняются как форма передачи коллективного опыта, моральных норм и культурных ценностей.

Значительный процент участников (52%) сообщили о знании большого или очень большого количества паремий, что может быть связано с активным употреблением пословиц и поговорок в повседневной и образовательной среде, а также с высокой частотностью их появления в медиатексте, литературе и публичной речи. Паремии продолжают выполнять свою традиционную дидактическую, оценочную и мировоззренческую функции.

Также важно отметить, что знания неравномерно распределяются по возрасту и уровню образования, что может отражать социокультурную стратификацию: более образованные респонденты чаще воспринимают паремии как культурное наследие и инструмент риторики, в то время как для менее подготовленных они могут сохраняться на уровне пассивного знания.

Таким образом, данные подтверждают, что паремии остаются живым и значимым пластом культурного кода русскоязычного сообщества, демонстрируя высокую степень их укоренённости в языковом обиходе.

На вопрос: «Используете ли Вы паремии в повседневной жизни? Если да, то как часто Вы употребляете паремии, чтобы сделать Вашу речь более убедительной?» – 8 участников ответили «очень часто» (8%), 50 участников – «иногда» (50%), 36 участников – «редко» (36%), 6 участников – «никогда» (2%).

Результаты опроса представлены в таблице 3.19. Представленные данные

указывают на то, что паремии продолжают функционировать как средство усиления выразительности и авторитета речи, особенно в ситуациях, требующих убеждения, оценки или морального суждения. Однако наблюдается сдвиг от активного использования к более пассивному знанию, что типично для современной городской речевой культуры, где на смену традиционной фольклорной стилистике часто приходят клише массовой культуры, интернет-мемы и другие формы кратких выразительных конструкций.

Таблица 3.19

Частота использования паремий на русском языке

Частота использования паремий	% участников
Очень часто	8
Иногда	50
Редко	36
Никогда	6

Интересно, что 6% респондентов утверждают, что *«никогда не используют паремии»*. Это может быть связано с прагматическими предпочтениями (стремление к прямой, «нефигуральной» речи) либо с изменением коммуникативных норм в молодежной и цифровой среде, где доминируют иные формы стилистической игры и языкового творчества.

Тем не менее тот факт, что 58% респондентов (8% – *«очень часто»*, 50% – *«иногда»*) продолжают использовать паремии, подтверждает их живучесть как культурного маркера, особенно в контекстах, где требуется апелляция к «народной мудрости», эмоциональное воздействие или демонстрация принадлежности к определённой речевой традиции.

На вопрос: *«Согласны ли Вы с тем, что паремии полезны для передачи сообщений в повседневной жизни?»* – 18 участников ответили *«полностью согласен»* (18%), 40 участников – *«согласен»* (40%), 23 участника – *«не определился»* (23%), 19 участников – *«не согласен»* (19%). Интересно отметить, что никто из участников не ответил *«категорически не согласен»*.

Результаты опроса представлены в таблице 3.30. Данные показывают, что большинство респондентов признают пользу паремий в повседневной жизни, что подчёркивает их функциональную значимость как инструмента передачи культурных норм и ценностей. 58% участников (18% – «полностью согласен», 40% – «согласен») отмечают важность паремий, что указывает на их воспринимаемую значимость как средства эффективной и образной коммуникации. Это также свидетельствует о том, что паремии продолжают выполнять свои традиционные функции в языке, помогая усиливать эмоциональное воздействие и смысловое содержание высказывания.

Таблица 3.20

**Распределение ответов на вопрос о полезности паремий
в повседневной коммуникации на русском языке**

Ответ	%
Полностью согласен	18
Согласен	40
Не определился	23
Не согласен	19

В то же время 23% русскоязычных респондентов «не определились», что может отражать более нейтральное или современное восприятие паремий, где они воспринимаются, скорее, как декоративный элемент речи, а не обязательный компонент. Однако отсутствие респондентов, отвергающих полезность паремий («категорически не согласен»), подтверждает их культурную универсальность и устойчивость в языке, несмотря на изменения в коммуникативных практиках.

Таким образом, результаты подтверждают, что паремии остаются важным элементом культурной и речевой практики, полезным инструментом в передаче сообщений, особенно в контексте ежедневной риторики и социальных взаимодействий.

На вопрос: «С какой целью Вы используете паремии?» – 73 участника

ответили «чтобы выразить иронию» (73%), 49 участников – «для снятия напряжения в общении / для разрядки напряжения» (49%), 46 участников – «чтобы привести аргумент» (46%), 38 участников – «по привычке» (38%), 37 участников – «чтобы облегчить понимание информации» (37%), 35 участников – «чтобы дать наставление» (35%), 35 участников – «чтобы продемонстрировать знание языка» (35%), 34 участника – «для утешения собеседника» (34%), 31 участник – «чтобы дать совет» (31%), 30 участников – «чтобы закончить предложение» (30%), 25 участников – «для воодушевления собеседника» (25%), 23 участника – «чтобы передать знания» (23%). Интересно отметить, что 6 участников ответили «другая причина» (6%).

Результаты опроса представлены в таблице 3.21.

Таблица 3.21

Цели использования паремий на русском языке

Цель	% участников
Чтобы выразить иронию	73
Для снятия напряжения / разрядки напряжения	49
Чтобы привести аргумент	46
По привычке	38
Чтобы облегчить понимание информации	37
Чтобы дать наставление	35
Чтобы продемонстрировать знание языка	35
Для утешения собеседника	34
Чтобы дать совет	31
Чтобы закончить предложение	30
Для воодушевления собеседника	25
Чтобы передать знания	23
Другая причина	6

Результаты показывают, что поговорки используются в речи для разнообразных целей, и большинство русскоязычных респондентов прибегают к ним в ироническом контексте (73%), что подтверждает важную роль поговорок как средства выражения субъективных оценок и критики. Ирония, являясь мощным средством риторики, позволяет коммуникатору донести скрытый смысл, не прибегая к прямой агрессии или спору, что может объяснить такой высокий процент ответов.

Кроме того, значительная часть респондентов используют поговорки «для снятия напряжения в общении» (49%), что указывает на их роль как психологического инструмента в поддержании социального контакта и предотвращении конфликтных ситуаций. Это подтверждает теорию, согласно которой поговорки служат не только для выражения мудрости, но и для сохранения гармонии в межличностном общении.

Также важно отметить, что поговорки активно используются «для предоставления аргументов» (46%) и «дачи советов» (31%), что свидетельствует об их функции в логической аргументации и наставничестве. Эти цели подчеркивают роль поговорок как средства усиления влияния и авторитета в разговоре.

В то же время использование поговорок «по привычке» (38%) и «для облегчения понимания» (37%) может свидетельствовать о сильной автоматизации их применения в повседневной речи, когда участники общения не задумываются о глубоком смысле высказывания, но используют поговорки как интуитивные средства упрощения и украшения речи.

Интересен также небольшой процент респондентов, указавших другую причину (6%), что может подразумевать индивидуальные, специфические контексты, не охваченные стандартными категориями опроса.

Таким образом, поговорки играют многогранную роль в повседневной жизни, являясь инструментом не только для передачи знаний и советов, но и для создания эмоционального фона общения, выражения личных установок и поддержания социальной гармонии.

По поводу второй части опроса на русском языке об использовании паремий в обиходно-бытовой коммуникации, как выяснилось из ответов участников, «прозрачность» русских паремий показывает колебания.

Результаты опроса представлены в таблице 3.22. Из данных таблицы видно, как различается восприятие паремий в русском языке среди респондентов. Большинство участников легко интерпретируют простые и известные паремии, такие как *«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»*, которая была абсолютно понятной 81% респондентов, в то время как более сложные и метафоричные выражения, такие как *«Когда рак на горе свистнет»*, вызвали больше разночтений в понимании. Интересно отметить, что 25% респондентов не поняли смысла паремии *«Хоть волк каждый год линяет, а всё сер бывает»*, что может указывать на её большую культурную и временную дистанцию от современной речи.

Таблица 3.22

Восприятие «прозрачности» русских паремий

№	Паремия	Абсолютно очевидно, %	Понятно, %	Умеренно видно, %	Мало очевидно, %	Нет смысла, %
1.	<i>«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»</i>	81	15	4	0	0
2.	<i>«Когда рак на горе свистнет»</i>	43	15	12	14	16
3.	<i>«Волка ноги кормят»</i>	37	21	28	12	2
4.	<i>«Грозит мышь кошке, да из норы»</i>	36	12	24	18	10
5.	<i>«Как собака на сене: и сама не ест, и другим не даёт»</i>	36	16	22	19	7

№	Паремия	Абсолютно очевидно, %	Понятно, %	Умеренно видно, %	Мало очевидно, %	Нет смысла, %
6.	<i>«Баба с возу – кобыле легче»</i>	27	34	24	11	4
7.	<i>«Хоть волк каждый год линяет, а всё сер бывает»</i>	26	12.	21	16	25
8.	<i>«Отольются кошке мышкины слёзки»</i>	24	14	26	20	16
9.	<i>«Цыплят по осени считают»</i>	23	30	28	14	5
10.	<i>«Овсяная каша хвалилась, будто с коровым маслом родилась»</i>	15	18	32	19	15

Такие паремии, как *«Цыплят по осени считают»* и *«Овсяная каша хвалилась, будто с коровым маслом родилась»*, вызвали у респондентов разнообразные трактовки, что подтверждает гипотезу о сложности и многозначности многих народных выражений.

С аксиологической точки зрения, первая из этих паремий транслирует идею отсроченного суждения и важности итоговой оценки, что соответствует ценностной установке на сдержанность, терпение и реалистичный подход к жизни. Вторая паремия, иронизируя над мнимой значимостью, выражает критику социальной притворности и стремление разоблачить ложный престиж – то есть выступает как маркер народной морали.

Важно отметить, что присутствие паремий с размытым значением, таких как *«Отольются кошке мышкины слёзки»* (16% респондентов не понимают значения), может свидетельствовать о трудности их интерпретации вне контекста

или в современных условиях. Здесь также прослеживается важный аксиологический подтекст – выражение несёт в себе идею моральной компенсации или наказания за зло, что указывает на устойчивое народное представление о справедливости как ценности, имеющей надличностное и универсальное значение. Этот факт подчёркивает значимость не только лексической прозрачности, но и контекстуальной привязанности и культурных знаний для правильного восприятия паремий. Без активного доступа к историко-культурному фону носитель языка рискует утратить не только буквальное значение выражения, но и его ценностный посыл.

Так же, как и в случае с греческими и английскими паремиями, выявлена статистически значимая положительная связь между «прозрачностью» русских паремий и их успешной интерпретацией. То есть чем более очевидно значение выражения, вытекающее из структуры и образа, тем легче оно воспринимается людьми.

Что касается целей употребления, то большинство говорящих на русском языке указали, что используют паремии, *«чтобы выразить иронию»* и *«снизить напряжение в общении»*. Это указывает на важную аксиологическую функцию русских паремий – они выступают не только как носители знания или жизненного совета, но и как культурный механизм эмоциональной разрядки, позволяющий выражать несогласие, иронию, критику или насмешку в социально приемлемой форме. В этом смысле они выполняют роль этически смягчённой оценки, где критика подаётся завуалировано, но эффективно.

Сравнительный анализ целей употребления также показывает, что у греков превалирует языковая привычка и облегчение понимания информации, у англичан – дача совета и прояснение смысла, у русских – ирония и снятие напряжения.

Это отражает разные аксиологические доминанты в коммуникативной практике:

– греческие паремии сохраняют ритуализированную форму, поддерживающую социальное взаимодействие;

– английские паремии направлены на утилитарную передачу знаний и регуляцию поведения;

– русские паремии служат для оценки ситуации через эмоциональную ироническую дистанцию, одновременно сохраняя глубокую моральную функцию.

Таким образом, употребление паремий в современных условиях неразрывно связано с национальными представлениями о коммуникации, социальном взаимодействии и приемлемых формах оценки. Зоонимические выражения выступают в этом контексте как культурные инструменты, позволяющие выразить сложную палитру общественных и личностных ценностей – от справедливости до иронии, от осуждения до сострадания.

3.2.4. Сравнительный анализ интерпретативной «прозрачности» паремий

Исходя из исследования 10 греческих, 10 английских и 10 русских пословиц и поговорок, можно сделать вывод, что эмпирическое знание влияет на степень «прозрачности» паремий, а также на их употребление носителями греческого, английского и русского языков.

В зависимости от уровня «прозрачности» различают 2 категории паремий.

Даже если носитель языка никогда раньше не слышал или не понимает идею паремии, он легко сможет объяснить её. В качестве примера упомянем греческую паремию «*έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα*» («Поставил волка охранять овец»). Так как данная паремия состоит из двух частей и взаимосвязь её терминов очевидна (*волк–овца*), смысл паремий понятен грекоговорящему. В качестве примера на английском языке можно привести паремию «*To kill two birds with one stone*» («Убить двух птиц одним камнем»), которая состоит из двух концептов, и взаимосвязь между ними очевидна англоговорящему (*две птицы – один камень*). Таким же образом на русском языке паремия «*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*» состоит из концептов, взаимосвязь между которыми очевидна русскоговорящему (*труд–рыба*). Основные концепты паремии принадлежат к

повседневному словарю носителей языка и находятся в непосредственной связи друг с другом. Следовательно, данные паремии «прозрачны», т.е. можно легко понять их смысл.

Если носитель никогда раньше не слышал или не знает смысла паремии, он не сможет её легко понять. В качестве примера приведем греческую паремию «*Δεματιάζει αβυά*» («Сложить яйца в стог»). В этом случае слова, из которых состоит паремия, относятся к обыденному словарю (*яйца–стог*), но связь концептов не очевидна, т.е. невозможно сразу сделать вывод о значении паремии. Таким же образом на английском языке паремия «*Not my circus, not my monkeys*» («Не мой цирк – не мои обезьяны») состоит из двух концептов и, как выяснилось, взаимосвязь между ними оказалась неочевидной (*цирк–обезьяны*). А в русском языке смысл паремии «*Волка ноги кормят*» оказался неочевидным ввиду того, что связь между двумя концептами (*волк–ноги*) оказалась неясной. Основные концепты паремии принадлежат к повседневному словарю носителей языка, но их интерпретация и взаимосвязь оказались трудными для говорящих на этих языках.

Для более наглядного представления и сравнения восприятия паремий с зоонимами в греческом, английском и русском языках, а также целей их использования в коммуникации, можно привести несколько важных выводов и объединенный анализ.

Сравнение всех языков и выводы о культурных различиях в использовании паремий можно представить в следующем виде:

– **«прозрачность» паремий:** паремии с очевидными и универсальными образами (например, **волк** или **осёл** в греческих и русских выражениях) воспринимаются легче и более эффективно интерпретируются носителями всех трёх языков. Это связано с тем, что такие образы закреплены в культурном опыте и повседневной жизни. В греческом языке паремии «*Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα*» («Поставил волка охранять овец») (74%) и «*Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλα*» («Осёл петуха назвал большеголовым») (69%) демонстрируют высокую степень «прозрачности». В английском языке паремии «*Kill two birds with one stone*» («Убить двух птиц одним камнем») и «*Let the cat out of the bag*»

(«*Вытащить кошку из мешка*») легко интерпретируются и опираются на логические причинно-следственные схемы. В русском языке, например, поговорка «*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*» является легко воспринимаемой для 81% респондентов;

– **непрозрачные или более сложные поговорки:** в случае более сложных, метафоричных или редких образов уровень восприятия значительно снижается. Это касается поговорок, где изображены менее очевидные или архаичные образы. В греческом языке такие выражения, как «*Κατά φωνή κι ο γάιδαρος*» («*Помяни осла, он и появится*») и «*Κάλλιο γαϊδουρόδεγε παρά γαϊδουρογύρευε*» («*Лучше осла привязать, чем потом его искать*») вызвали трудности в интерпретации, так как их метафора менее очевидна. В английском языке «*Mad as a March hare*» («*Безумный, как мартовский заяц*») и «*Dog days of summer*» («*Летние собачьи дни*») имеют культурно специфическую нагрузку, что затрудняет их понимание для респондентов из других культур. В русском языке поговорки с размытым значением, такие как, например, «*Отольются кошке мышканы слёзки*», также вызвали затруднения (16% не поняли).

Цели использования поговорок в трёх языках представлены в таблице 3.23.

Таблица 3.23

Цели использования поговорок в трёх языках

Язык	Цели использования поговорок
Греческий	Языковая привычка (57%) Облегчение понимания информации (48%)
Английский	Дать совет (65%) Облегчение понимания информации (57,5%)
Русский	Выразить иронию и снятие напряжения (основные цели)

Греческий язык показывает склонность к использованию поговорок на основе языковой привычки, что подчёркивает их стабильность и использование в повседневной речи. Английский язык в большей степени использует поговорки для

передачи советов и для облегчения коммуникации, что показывает их прагматическую и дидактическую функции. Русский язык характеризуется широким использованием паремий с целью выражения иронии и снятия напряжения, что может указывать на более важную роль этих выражений в социализационных и эмоциональных контекстах.

В высокопрозрачных паремиях (например, волк, осёл) наблюдается бóльшая частота употребления как в греческом, так и в русском и английском языках.

Низкопрозрачные паремии, такие как, например, те, которые содержат архаичные образы или малоизвестные метафоры, имеют меньшую частоту употребления и вызывают больше трудностей в их восприятии.

Выводы о различиях в культурных установках:

– **языковая привычка** (*грекоговорящие*) – паремии в греческом языке чаще всего используются из-за их укоренённости в культуре и языке. Это выражает ценность традиций и устойчивых форм в речи;

– **совет** (*англоговорящие*) – английский язык акцентирует использование паремий для передачи советов и помощи в разъяснении информации, что связано с прагматичностью и ориентированностью на практическое применение языка;

– **ирония и снятие напряжения** (*русскоговорящие*) – в русском языке паремии в основном используются для выражения иронии, что отражает важную роль юмора и социальной функции языка в межличностном общении.

Сравнительное восприятие и цели употребления паремий в греческом, английском и русском языках представлено на рис. 3.4.

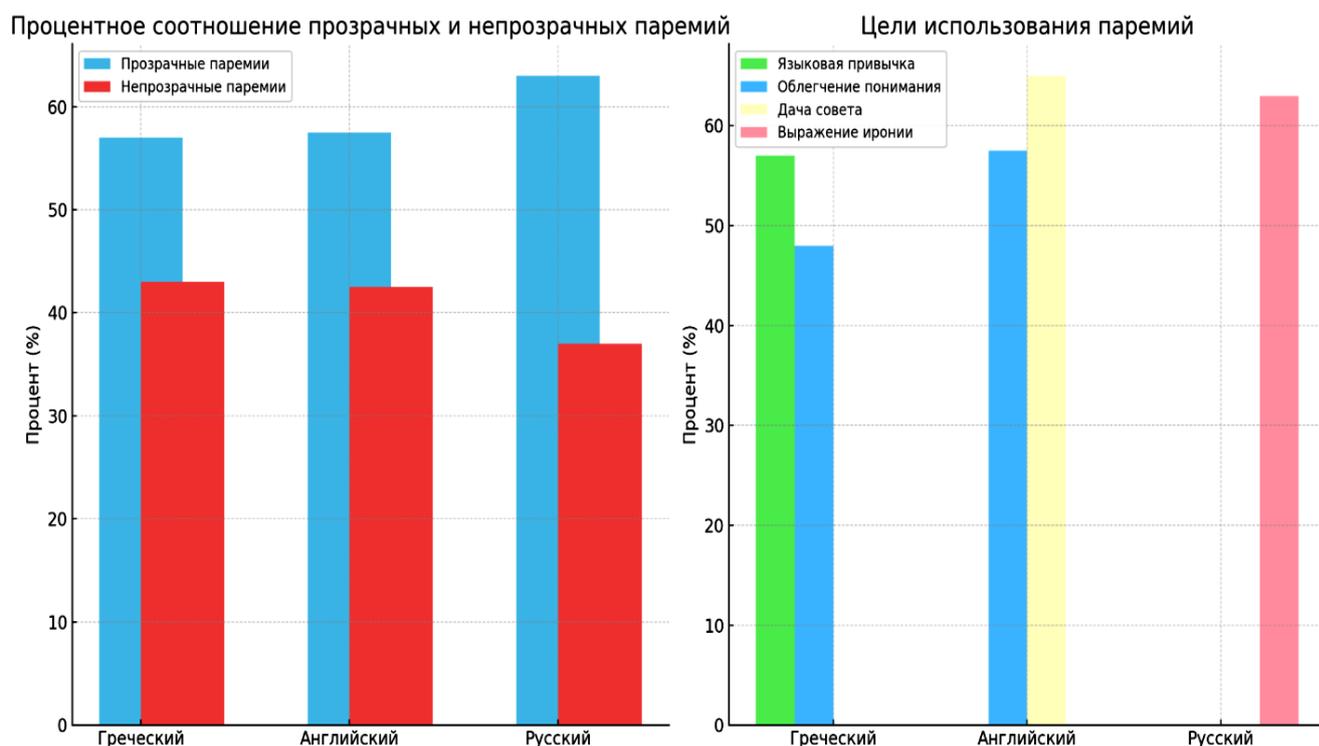

Рис. 3.4. Сравнительное восприятие и цели употребления паремий в греческом, английском и русском языках

На рис. 3.4 видно процентное соотношение восприятия паремий с разной степенью прозрачности для греческого, английского и русского языков, а также цели их использования.

Первый график показывает, что в каждом языке существует различие в восприятии прозрачных и непрозрачных паремий. В греческом и английском языках процент прозрачных паремий составляет около 57%, в то время как в русском языке этот показатель чуть выше (63%).

Второй график иллюстрирует различные цели употребления паремий. Для греческого языка важную роль играют языковая привычка и облегчение понимания информации. В английском языке наибольшее значение имеет дача совета, а в русском языке паремии часто используются для выражения иронии или снятия напряжения. Эти данные наглядно демонстрируют различия в восприятии и употреблении паремий в разных языках и культурах.

Результаты опроса выявили, что паремии используются в разных языковых культурах с различной доминантной прагматической направленностью. Однако

такие функции, как «совет», «ирония», «снятие напряжения» и др., следует интерпретировать не как нейтральные ответы респондентов, а как маркеры определённых ментальных установок и социокультурных ценностей, лежащих в основе коммуникативного поведения.

Так, преобладание **функции совета** в русскоязычных и грекоязычных ответах указывает на высокую значимость коллективного знания, передачи жизненного опыта и воспитательной роли общения. В этих культурах поговорка функционирует как средство наставления, авторитетной легитимации суждений и эмпирической верификации жизненных ситуаций. Это соотносится с такими базовыми ценностями, как *забота, поддержка, следование традициям и уважение к старшим* – важнейшими элементами аксиологической картины мира данных сообществ.

Функция иронии, чаще отмечаемая англоязычными респондентами, отсылает к ценности индивидуальной свободы, критического мышления и независимости. Использование паремий в ироничном ключе может выражать дистанцированную позицию, стремление к саморефлексии, а также коммуникативную экономию, при которой ирония выполняет функцию тонкого социального комментария. Таким образом, паремии в англоязычной культуре чаще служат не дидактическим, а интерпретативным инструментом, соответствующим ценностям автономии, самовыражения и личной ответственности.

Функция снятия напряжения хоть и встречается во всех трёх культурах, в каждой из них реализуется по-разному и также может быть связана с ценностными приоритетами. В греческом контексте она отражает экспрессивность общения и ценность открытого выражения эмоций, в русской культуре – ориентацию на коллективизм, принятие и смирение, а в англоязычном – стремление к рационализации и прагматическому контролю над эмоциональным фоном.

Таким образом, цели употребления паремий неразрывно связаны с аксиологическими приоритетами языкового сообщества. За каждой прагматической функцией – советом, иронией, утешением – стоят глубинные

культурные смыслы и ментальные практики: забота и наставление, свобода суждения и рефлексии, эмоциональное регулирование и солидарность. Это подчёркивает роль паремий не только как средства коммуникации, но и как выразителей базовых ценностных ориентаций, формирующих повседневную речевую и культурную реальность.

Выводы по третьей главе

В ходе исследования были выделены ключевые коммуникативно-прагматические и дискурсивные характеристики паремий в современном греческом, русском и английском языках, что позволило комплексно охарактеризовать их функционирование в актуальных речевых практиках.

Во-первых, паремии в трёх языках выступают как эффективные средства передачи социальных норм, нравственных установок и культурных ценностей, играя роль универсальных коммуникативных маркеров, обеспечивающих быстрое и однозначное понимание адресатом. Их использование в дискурсе сопровождается высоким уровнем клишированности, что способствует их статусу устойчивых элементов коллективной памяти и национальной идентичности.

Во-вторых, прагматическая функция паремий претерпевает трансформации в зависимости от коммуникативного контекста. В современном дискурсе греческого, русского и английского языков они могут выполнять не только дидактическую и афористическую функции, но и становиться инструментами иронии, сарказма или метапрагматического комментария, что особенно заметно в политических и социальных коммуникациях. Такая функциональная вариативность указывает на гибкость паремий как дискурсивных средств, способных адаптироваться к меняющимся потребностям говорящих.

В-третьих, дискурсивное применение паремий во всех трёх языках часто сопряжено с созданием контраста, бинарных оппозиций и усилением аргументации, что способствует структурированию текста и выделению

ключевых смыслов. Паремии выступают своеобразными семантическими якорями, упрощая и ускоряя восприятие информации, а также усиливая выразительность высказывания.

В-четвертых, культурно-специфические особенности паремий проявляются в компоненте-зоонимах, который является важным дискурсивным элементом, служащим кодировщиком национальных культурных символов и стереотипов. В разных языках одни и те же животные могут приобретать различные коннотации, что отражает специфические культурные сценарии и влияет на интерпретативную доступность паремий в межъязыковой коммуникации.

Наконец, исследование интерпретативной доступности показало, что понимание паремий напрямую связано с культурным и языковым опытом адресатов. Прозрачные, универсальные по смыслу выражения успешно выполняют коммуникативные функции, в то время как более архаичные и культурно-специфичные паремии требуют дополнительных пояснений, что ограничивает их эффективность в межкультурном дискурсе.

В ценностном аспекте паремии трёх исследуемых языков подтверждают свою роль как хранителей и трансляторов базовых морально-этических ориентиров, закреплённых в коллективном сознании. Зоонимический компонент усиливает этот потенциал, поскольку метафорическое осмысление животных выступает культурным кодом, через который закрепляются представления о «своём» и «чужом», о правильном и порицаемом поведении, о допустимых и недопустимых социальных стратегиях. Паремии одновременно фиксируют устойчивые ценностные доминанты и демонстрируют их динамику, отражая сдвиги в общественном мировоззрении и культурных приоритетах. Их сохранение и адаптация в современном дискурсе указывает на непрерывность ценностной традиции при её одновременной гибкой адаптации к реалиям настоящего времени.

Таким образом, коммуникативно-прагматические и дискурсивные аспекты использования паремий в современном греческом, русском и английском языках отражают их многогранную природу: они функционируют как стабильные

клишированные конструкции, обеспечивающие культурную идентичность и коммуникативную экономию, и одновременно адаптивные инструменты, способные изменять свои функции в зависимости от целей и контекста общения. Это подчёркивает важность дальнейших исследований в области дискурсологии и прагматики устойчивых языковых единиц с учётом межкультурных различий и современных коммуникативных тенденций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило высокую эвристическую значимость аксиологического подхода в паремиологии, позволившего выявить и систематизировать ценностные ориентиры, репрезентированные в паремиях с компонентом-зоонимом на материале греческого, английского и русского языков. В ходе исследования были выделены ключевые коммуникативно-прагматические и дискурсивные характеристики паремий с компонентом-зоонимом в современном греческом, русском и английском языках. Это позволило не только охарактеризовать их функционирование в речи, но и уточнить особенности аксиологического потенциала в условиях изменяющихся коммуникативных реалий.

Актуальность обращения к аксиологическому анализу паремий определяется стремлением современной лингвистики к интеграции когнитивного, культурного и коммуникативного уровней описания паремиологических единиц. В рамках данного подхода паремия рассматривается не только как устойчивое высказывание, но и как носитель культурного кода, в котором закреплены нормы, оценки и стереотипы, отражающие мировоззренческую парадигму этноса. Зоонимическая составляющая, в свою очередь, усиливает метафорическую ёмкость паремии и придаёт ей характер универсального символа, через который осуществляется проекция моральных, интеллектуальных и поведенческих моделей.

В первой главе были обоснованы теоретические основы исследования и рассмотрены паремии как лингвокультурные феномены, способные репрезентировать концепты и отражать ценностно-нормативную картину мира. Была подтверждена ключевая роль зоонимов в структуре и семантике паремий как носителей символического содержания и выразительных функций. Анализ показал, что зоонимы способствуют усилению дидактической и оценочной направленности высказывания, обеспечивая ассоциативную связь между

животным образом и определенными качествами человека или типичной социальной ситуацией.

Во второй главе была разработана типология паремий с зоонимами, учитывающая как универсальные, так и культурно-специфические черты.

Были выделены различные параметры классификации по:

- аксиологической направленности (положительные и отрицательные);
- типу метафорической концептуализации (антропоморфные и ситуативные);
- синтаксической структуре (простые и сложные);
- прагматической функции (дидактические, иронические, критические и нейтральные);
- особенностям национального стилистического оформления.

В результате были выявлены особенности реализации общечеловеческих ценностей (интеллект, сила, мораль, социальное поведение и др.) в каждом из трёх рассматриваемых языков. Это позволило очертить зону универсалий (например, восприятие лисы как хитрого животного, а льва – как сильного и благородного), а также культурно-специфических моделей, определяющих символическую нагрузку тех или иных зоонимов.

В третьей главе на материале корпусного анализа и пилотного социолингвистического опроса была исследована степень интерпретативной доступности («прозрачности») паремий с зоонимами в трёх рассматриваемых языках. Результаты показали, что на уровне восприятия фразеологическая и метафорическая прозрачность паремий зависит от уровня вовлечённости носителя в культурный и языковой контекст. Было выявлено, что часть паремий, несмотря на кажущуюся простоту, требуют культурного фона для правильной интерпретации, в то время как другие (особенно с устойчивыми межкультурными символами животных) обладают высокой степенью понятности. С аксиологической точки зрения, интерпретативная доступность напрямую связана с тем, насколько ценностные ориентиры, зашифрованные в паремии, совпадают с ценностной системой адресата. Паремии, опирающиеся на

универсальные морально-этические категории (справедливость, честность, смелость), легко воспринимаются и в межкультурном общении. Напротив, выражения, в которых зоонимы кодируют локальные или архаичные культурные сценарии, требуют дополнительной расшифровки и могут интерпретироваться иначе, что снижает их эффективность в передаче ценностных смыслов.

Таким образом, в ходе диссертационного исследования было подтверждено, что:

– паремии с зоонимами являются важными инструментами концептуализации и аксиологической репрезентации, передающими устойчивые элементы коллективного опыта, моральные установки и национальные стереотипы;

– зоонимы в составе паремий функционируют как символические репрезентанты универсальных и специфических черт, а их аксиологическая маркированность зависит от культурных, исторических и языковых факторов;

– сравнительный анализ показал наличие как общих аксиологических тенденций (ценности силы, ума, морали), так и специфических представлений (например, о статусе определенных животных в разных культурах). Это свидетельствует о важности учёта культурного контекста при интерпретации паремий;

– методы корпусного анализа и социолингвистического анкетирования позволили получить объективные данные о частотности, употребимости и интерпретационной доступности пословиц и поговорок в современных условиях, что подтвердило их живое функционирование в языковом сознании носителей;

– аксиологическая классификация, предложенная в исследовании, позволяет упорядочить разнообразие зоонимических единиц и предложить перспективную модель для дальнейших межъязыковых и межкультурных исследований в сфере паремиологии и лингвокультурологии.

Положения, выносимые на защиту, получили всестороннее обоснование. Результаты работы могут быть использованы в лингвокультурологических исследованиях, в преподавании сравнительной фразеологии, при составлении

учебных и лексикографических материалов, а также в межкультурной коммуникации и при переводе культурно маркированных единиц. Исследование подтвердило высокую культурную значимость и устойчивость паремий как живого элемента языка и ментальности, способного сохранять, передавать и интерпретировать ценности в изменяющемся социокультурном пространстве.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении других лексико-семантических групп, участвующих в аксиологической концептуализации в паремийном фонде (например, фитонимов, антропонимов, хрононимов), а также в расширении межкультурного материала за счёт включения в исследование восточных, тюркских и романских языков.

Кроме того, интересным направлением является использование методов когнитивной лингвистики и нейролингвистических подходов для изучения восприятия и обработки паремий в разных возрастных и социокультурных группах.

Целесообразно также разрабатывать цифровые базы данных паремий с аксиологической разметкой, что может существенно расширить возможности лингвистического и междисциплинарного анализа в области ценностной семантики языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии, научные и учебные издания, научные статьи

а) на русском языке

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. М.: ФЛИНТА, 2016. 288 с.
2. *Амосова, Н.Н.* Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 208 с.
3. *Аникин, В.П.* Русские народные пословицы и поговорки / В.П. Аникин. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 239 с.
4. *Арсентьева, Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 128 с.
5. *Архангельский, В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии: монография / В.Л. Архангельский; отв. ред. Г.В. Валимова; Ростовский-на-Дону педагогический институт. Ростов-на-Дону: Ростовский-на-Дону педагогический институт, 1964. 315 с.
6. *Бабушкин, А.П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 52–58.
7. *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. 123 с.
8. *Бадмаева, Е.С.* Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в австралийском варианте английского языка / Е.С. Бадмаева, Е.А. Шагланова, Э.В. Бурцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15.

№ 7. С. 2251–2257.

9. *Байрамова, Л.К.* Ценности и антиценности во фразеологии / Л.К. Байрамова // Живодействующая связь языка и культуры: материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора В.Н. Телии: в 2 т. Т. 1. М.; Тула: Изд-во Тульского пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. С. 67–71.

10. *Байрамова, Л.К.* Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии / Л.К. Байрамова // Фразеология и когнитивистика: материалы Международной научной конференции (Белгород, 4–6 мая 2008 г.): в 2 т. Т. 1: Идиоматика и познание. Белгород: Изд-во Белгор. гос. педагог. ун-та, 2008. С. 298–302.

11. *Байрамова, Р.М.* Истина и правда в аксиологическом, философском, этимологическом, лингвистическом, религиозном и художественном аспектах / Л.К. Байрамова, В.А. Бойчук // Вестник ЧелГУ. 2016. № 7 (389). С. 20–28.

12. *Беликов, В.И.* Паремииологические заметки / В.И. Беликов // Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М.: Русский учебный центр, 1994. С. 252–261.

13. *Бойко, Л.Г.* Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений / Л.Г. Бойко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2008. № 5 (29). С. 94–97.

14. *Бредис, М.А.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М.А. Бредис, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Вестник Московского университета. Серия 19: Языкознание и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.

15. *Бредис, М.А.* Человек и деньги: очерки о советских русских и не только / М.А. Бредис. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского центра востоковедения, 2019а. 296 с.

16. *Булатов, М.А.* Живое русское слово: русские народные пословицы и поговорки / М.А. Булатов. М.: Детгиз, 1961. 126 с.

17. *Волкова Я.А.* Лингвоаксиология эмоций: лингвокультурная ценность злости в русском языковом сознании / Я.А. Волкова, И.В. Вашунина // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1(59). С. 10–21.

18. *Воркачѳв, С.Г.* Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачѳв // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 17. Вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276.

19. *Воробьев, В.В.* Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы / В.В. Воробьев, Д.С. Скнарѳв, М.Д. Тагаѳв // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 7–21. DOI 10.22363/2618-8163-2025-23-1-7-21.

20. *Демьянков, В.З.* Семантические роли и образы языка / В.З. Демьянков // Язык о языке. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 193–270.

21. *Ермолов, А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / А.С. Ермолов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 872 с.

22. *Забудская, Я.Л.* Зоонимия в древнегреческой фразеологии (на материале лексемы ‘бык’) / Я.Л. Забудская, И.В. Тресорукова // Индоевропейское языкознание и классическая филология, СПб.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2019. С. 346–360

23. *Иванов, Е.Е.* Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) / Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова // Новые исследования Тувы. Кызыл, 2021. С. 220–233.

24. *Иллюстров, И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллюстров. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1904. 476 с.

25. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

26. *Карасик, В.И.* Оценочные приоритеты в языковом сознании современных российских студентов / В. И. Карасик, Э. А. Китанина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13, № 6. С. 7-13.

27. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. 4-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.

28. *Каримова, Р.Х.* Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с зоонимом Pferd / Р. Х. Каримова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 4(216). С. 83-90. DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-83-90.

29. *Кацюба, Л.Б.* Своеобразие семантической организации личных глагольных форм в паремиях (на примере форм 2 лица) / Л.Б. Кацюба // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2007. № 15(87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-semanticheskoy-organizatsii-lichnyh-glagolnyh-form-v-paremiyah-na-primere-form-2-litsa> (дата обращения: 04.02.2026).

30. *Кацюба, Л.Б.* Особенность структуры обобщенного значения личных форм глагола в паремиях (опыт семантико-грамматического исследования языкового сознания русского народа) / Л.Б. Кацюба // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2007. № 1(73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennost-struktury-obobschennogo-znacheniya-lichnyh-form-glagola-v-paremiyah-opyt-semantiko-grammaticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 04.02.2026).

31. *Ковшова, М.Л.* Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивнокультурологического исследования идиом / М.Л. Ковшова // Фразеология в контексте культуры: монография / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 164–173.

32. *Красных, В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Лекц. курс / В.В. Красных. М.: Гнозис, Кучково поле, 2001. 269 с.

33. *Круглов, Ю.Г.* Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Ю.Г. Круглов. М.: Просвещение, 1990. 335 с.

34. *Кубрякова, Е.С.* Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный; отв. ред. Е.С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. 240 с.

35. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова;

Рос. академия наук; Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

36. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

37. *Леви-Строс, К.* Первобытное мышление / К. Леви-Строс; пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.

38. *Линдеман, И.К.* Русские пословицы и поговорки в рисунках В.М. Васнецова и в литературе наших писателей / И.К. Линдеман. М.: Т-во А.А. Левенсон, 1914. 160 с.

39. *Ломакина, О.В.* Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень / О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637.

40. *Ломакина, О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / О.В. Ломакина; под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018. 344 с.

41. *Ломакина, О.В.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) / О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.

42. *Малкова, Е.С.* Лингвокультурная специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках / Е.С. Малкова, Ю.В. Кузина // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов (Екатеринбург, 18 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Изд. Дом «Ажур», 2019. С. 137–142.

43. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. М.: Академия, 2001. 208 с.

44. *Матвеева, Д.С.* Концепт как единица сознания / Д.С. Матвеева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 6. С. 94–99.

45. *Мокиенко, В.М.* Образы русской речи. Историко-этимологические и

этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с.

46. *Молотков, А.И.* Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков; под ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1977. 283 с.

47. *Михельсон, М.И.* (1825–1908). Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М.И. Михельсон. Посмертное изд-е. СПб: Тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1912. XII. 1046. 103 с.

48. *Негматова, М.М.* Методы, приёмы и принципы обучения речевой деятельности / М.М. Негматова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. ак. Б. Гафурова. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 254–258.

49. *Некрасова, Л.М.* Моя первая естественная история: Мир животных в кратких очерках, рассказах, загадках, пословицах, стихах и пр. / Л.М. Некрасова. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 2006. 93 с.

50. *Нелюбова, Н.Ю.* Особенности ценностных ориентиров носителей французского и русского языков и их представление в пословицах (на материале словарей) / Н.Ю. Нелюбова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 79–88.

51. *Нелюбова, Н.Ю.* Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков / Н.Ю. Нелюбова, В.И. Хильтбруннер, В.И. Ершов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243.

52. *Нелюбова, Н.Ю.* Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран / Н.Ю. Нелюбова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 323–335.

53. *Ничипорчик, Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е.В. Ничипорчик. Гомель: Гомельский государственный университет, 2015. 360 с.

54. *Онуфриева, Е.С.* К проблеме словарной репрезентации продуктивных фразеологических паттернов (на примере новогреческих фразеологизмов-

конструкций) / Е.С. Онуфриева, И.В. Тресорукова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 9. С. 34–43.

55. Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредис, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

56. Паремиология в дискурсе: общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS, 2014. 294 с.

57. *Пермяков, Г.Л.* Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1988. 326 с.

58. *Пермяков, Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 240 с.

59. *Петрова, Е.А.* Культурологический подход в интерпретации этимологии фразеологизмов-зоонимов / Е.А. Петрова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-podhod-v-interpretatsii-etimologii-frazeologizmov-zoonimov> (дата обращения: 08.02.2026).

60. Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография / Н.Ф. Алефиренко [и др.]; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. 231 с.

61. *Привалова, И.В.* Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка / И.В. Привалова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 18. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 10–16.

62. *Раджабова, М.М.* О роли и месте пословиц и поговорок в системе языка / М.М. Раджабова // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 163–168.

63. *Савинкина, Н.Б.* Идиоматичность словообразовательных пейоративов / Н.Б. Савинкина // Вопросы функциональной лексикологии: межвузовский

сборник научных трудов. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1987. С. 36–43.

64. *Селиверстова, Е.И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. М.: Флинта; Наука, 2017. 296 с.

65. *Сергиенко, О.С.* Семантические преобразования пословиц на материале чешского и русского языков / О.С. Сергиенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 280–289.

66. *Снегирёв, И.М.* Русские в своих пословицах: рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / И.М. Снегирёв. М.: URSS Либроком, 2024. 182 с.

67. *Соловьева, А.А.* Особенности функционирования субстантивной модели простого предложения во фразеологии новогреческого языка / А.А. Соловьева, И.В. Тресорукова // Филология и человек. 2022. – № 1. – С. 80-92.

68. *Сутормина, О.А.* Фитоморфизмы в лексике и фраземике донских казачьих говоров / О.А. Сутормина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12. С. 94–97.

69. *Телия, В.Н.* Русская фразеология / В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

70. *Тресорукова, И.В.* Прометей, Геракл, Икар и другие: прецедентность мифонимов в новогреческом языке / И. В. Тресорукова // Шаги / Steps. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 2024. Т. 10, № 3, С. 286–299.

71. *Тресорукова, И.В.* Семантическое поле «обжорство» в греческой языковой картине мира / И.В. Тресорукова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1, С. 90–96

72. *Тресорукова, И.В.* Темпоральная ирреальность в греческой фразеологии / И. В. Тресорукова // Филологические науки в МГИМО. М.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2021. – Т.

7, № 2(26). – С. 171–177.

73. *Тубалова, И.В.* Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях / И.В. Тубалова, А.И. Салми // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 92. С. 112–132.

74. *Чернощёкова, В.О.* Лингвокультурный аспект пословиц / В.О. Чернощёкова // Язык и культура. 2009. № 1. С. 80–85.

75. *Шаклеин, В.М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В.М. Шаклеин. М.: Общество любителей рос. словесности, 1997. 180 с.

б) на английском языке

76. *Abrahams, R.D.* The Complex Relations of Simple Forms / R.D. Abrahams // Folklore Genres. American Folklore Society Bibliographical and Special Series. Vol. 26 / ed. by D. Ben-Amos. Austin: University of Texas Press, 1976. P. 193–214.

77. *Abrahams, R.D.* The Literary Use of Proverbs / R.D. Abrahams, B.A. Babcock // The Journal of American Folklore of University of Illinois Press. 1977. Vol. 90. № 358. P. 414–429.

78. *Ayupova, R.* Identifying the key components of phraseological units / R. Ayupova, E. Arsenteva, G. Lutfullina, E. Nikulina // Humanities & Social Sciences Reviews. 2020. № 8 (1). P. 233–239.

79. *Bellah, R.* Habits of the heart: Individualism and commitment in American Life / R. Bellah. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 355 p.

80. *Berger, P.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Luckmann. Garden City, NY: Doubleday, 1967. 125 p.

81. *Bermúdez Bausela, M.* The importance of corpora in translation studies: a practical case / M. Bermúdez Bausela; ed. by A. Pareja-Lora, C. Calle-Martínez, P. Rodríguez-Arancón // New perspectives on teaching and working with languages in the digital era içinde / ed. by A. Pareja-Lora, C. Calle-Martínez, P. Rodríguez-Arancón. Dublin: Research-publishing.net, 2016. P. 363–374.

82. *Bowker, L.* Working with specialized language. A practical guide to using corpora / L. Bowker, J. Pearson. London: Routledge, 2002. 256 p.

83. *Bredis, M.A.* Toponyms in Proverbs (A Case Study of Russian, Latvian, Lithuanian, Polish, German, French, English, Finnish and Tadjk Poverbs / M.A. Bredis, O.V. Lomakina // *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*. 2019. Vol. 36. № 1. P. 75–92.
84. *Brook, G.L.* Words in Everyday Life / G.L. Brook. London: Macmillan, 1981. 207 p.
85. *Bruner, J.* Actual minds, possible worlds / J. Bruner. Cambridge, 1986. 222 p.
86. *Bryan, G.B.* The Proverbial Charles Dickens. An Index to Proverbs in the Works of Charles Dickens / G.B. Bryan, W. Mieder. N.Y.: Peter Lang, 1997. 319 p.
87. *Ridout, R.* English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. London: Pan Books, 1969. 223 p.
88. *Cruse, D.* Lexical Semantics / D. Cruse. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.
89. *DeVere, W.* DeVere's Negro Recitations and End-Men Gags / W. DeVere. Chicago: The Charles T. Powner C^o, 1946. 123 p.
90. *Devis, N.Z.* Society and Culture in Early Modern France / N.Z. Devis. Stanford: Stanford University Press, 1975. 362 p.
91. *Devitt, M.* Language & Reality. An introduction to the Philosophy of Language / M. Devitt, K. Sterelny. Cambridge: MIT Press, 1999. 342 p.
92. *Dobrovol'skij D.* Figurative language: Cross-cultural and cross-linguistic perspectives / D. Dobrovol'skij, E. Piirainen // *Вопросы языкознания*. 2007. № 1. С. 135–139.
93. *Drayton, M.* *Poems of Michael Drayton* / M. Drayton; ed. by J. Buxton. London, 1953. 724 p.
94. *Durrell, L.* Bitter Lemons. With a new introduction by Ian MacNiven / L. Durrell. N.Y., 1998. 209 p.
95. *Field, D.A.* Private Life and Communist Morality in Khrushchev's Russia / D.A. Field. N.Y.: Peter Lang Publishing, 2007. 147 p.
96. *García-Izquierdo, I.* Investigating specialized translators: corpus and documentary sources / I. García-Izquierdo, T. Conde // *Ibérica*. 2012. № 23. P. 131–156.

97. *Gil, D.J.* Front Matter. Fate of the Flesh: Secularization and Resurrection in the Seventeenth Century / D.J. Gil. NYC:Fordham University Press, 2021. 256 p.
98. *Gramley, S.* A Survey of Modern English / S. Gramley, V. Gramley, K.M. Pätzold. London: Routledge, 2020. 438 p.
99. *Harris, R.* Evaluating internet research sources / R. Harris. Wayne: Radnor Township School District, 2007.
100. *Heywood, J.* The proverbs of John Heywood / J. Heywood; ed. by J. Sharman. Illinois, 2015. 188 p.
101. *Hofstede, G.* Culture's consequences: International differences in work-related values / G. Hofstede. Beverly Hills, CA: Sage, 1984. 327 p.
102. *Honeck, R.P.* A Proverb in Mind: The Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom / R.P. Honeck. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1997. 143 p.
103. *House, J.* Covert translation, language contact, variation and change / J. House // SYNAPS. 2006. № 19. P. 25–47.
104. *Howard, P.* Cliché. The State of the Language / P. Howard. London: Hamish Hamilton, 1984.
105. *Jakobson, R.* Linguistics and Poetics // Style in Language / ed. by T. Sebeok. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1960. P. 350–377.
106. *Juraeva, Z.R.* Gender Stereotypes in the Mirror of the Categories of Masculinity and Feminity in Various Linguocultures / Z.R. Juraeva // European Journal of Innovation in Nonformal Education. 2022. T. 2. №. 3. P. 208–212.
107. *Karagiorgos, P.* Greek and English Proverbs / P. Karagiorgos. Unabridged edition. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015. 235 p.
108. *King, J.* The book of proverbs / J. King. Jaipur,: Sublime Books, 2019. 46 p.
109. *Kirshenblatt-Gimblett, B.* Toward a Theory of Proverb Meaning / B. Kirshenblatt-Gimblett // Proverbium. 1973. № 22. P. 821–827.
110. *Kouzas, G.* Proverbs and Anti-Proverbs as a Means of Promoting and Advertising Products in the Greek Open-Air Markets. An Ethnographic Approach / G. Kouzas // Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. 2019. № 36. P. 135–154.
111. *Kövecses, Z.* Metaphor in Culture: Universality and Variation / Z. Kövecses.

Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 314 p.

112. *Krikmann, A.* Proverbs on Animal Identity. *Typological Memoirs / A. Krikmann // Folklore: Electronic Journal of Folklore.* 2001. № 17. P. 7–84.

113. *Kunzle, D.* World Upside Down: Iconography of a European Broadsheet Type in The Reversible World: Essays in Symbolic Immersion / D. Kunzle; ed. by A.B. Babcock. N.Y.: Cornell University Press, 1978. 39 p.

114. *Lakoff, G.* *Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson.* Chicago: University of Chicago Press, 1980. 241 p.

115. *Lakoff, G.* *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind / G. Lakoff.* Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

116. *Langacker, R.* *Foundations of Cognitive Grammar / R. Langacker.* Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 160 p.

117. *Lauhakangas, O.* The functions of animal metaphors in proverbs / O. Lauhakangas // 12th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, ACTAS ICP18 Proceedings / ed. by R. Soares, O. Lauhakangas. Tavira: AIP-IAP, 2019. P. 582–594.

118. *Lazaridis, N.* *Wisdom in Loose Form: The Language of Egyptian and Greek Proverbs in Collections of the Hellenistic and Roman Periods / N. Lazaridis.* Brill, 2007. 320 p.

119. *Ledeneva, A.V.* *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange / A.V. Ledeneva.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 235 p.

120. *Luelsdorff, P.* What is a Cliché? / P. Luelsdorff // Trier: LAUT Papers. Series A. 1981. № 85. P. 139–153.

121. *McKenna, K.J.* *Proverbs in Russian Literature: From Catherine the Great to Alexander Solzhenitsyn / K.J. McKenna.* Vermont, 1998. 113 p.

122. *Mieder, W.* *Proverbs in World Literature: A Bibliography / W. Mieder, G.B. Bryan.* N.Y., 1996. 305 p.

123. *Mieder, W.* *Proverbs: A Handbook / W. Mieder.* Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004. 304 p.

124. *Mieder, W.* Think outside the box: Origin, Nature and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs / W. Mieder // *Proverbium: Yearbook of International*

Proverb Scholarship. 2012. № 29. P. 137–196.

125. *Moon, R.* Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-based Approach / R. Moon. N.Y.: Oxford University Press, 1998. 120 p.

126. *Norrick, N.* How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs / N. Norrick. Berlin; N.Y.: Mouton, 1985. 213 p.

127. *Ong, W.J.* Oral Residue in Tudor Prose Style / W.J. Ong // PMLA. 1965. № 80 (3). P. 145–154. DOI: <https://doi.org/10.2307/461261>.

128. *Papouli, E.* Aristotle's Virtue Ethics as a Conceptual Framework for the Study and Practice of Social Work in Modern Times / E. Papouli // European Journal of Social Work. 2019. № 22. P. 921–934.

129. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N.R. Norrick. Berlin: De Gruyter, 2007. 636 p.

130. *Phraseology: Theory, Analysis and Applications* / ed. by A.P. Cowie. Oxford: Clarendon. Press 1998. 258 p.

131. *Piirainen, E.* Idiom motivation from cultural perspectives: metaphors, symbols, intertextuality / E. Piirainen // *Linguo-Cultural Competence and Phraseological Motivation* / ed. by A. Pamies, D. Dobrovol'skij. Baltmannsweiler: Schneider Verlag, 2011. P. 65–74.

132. *Prinz, J.* Are emotions feelings? / J. Prinz // *Journal of Consciousness Studies*. 2005. № 12 (4). P. 8–10.

133. *Puttenham, S.* The Arte of English Poesie / S. Puttenham; ed. by E.C. Essays, G.G. Smith. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2005.

134. *Raben, J.* Proverbs in the Waverly Novels of Sir Walter Scott / J. Raben. Indiana: Indiana University, 1954. 1066 p.

135. *Ricoeur, P.* The Model of the Text: Meaningful Action Considered as Text / P. Ricoeur // *New Literary History*. 1973. № 1. P. 91–117. DOI: <https://doi.org/10.2307/468410>.

136. *Rosch, E.* Principles of categorization // *Readings in cognitive science: A perspective from psychology and artificial intelligence* / ed. by A.M. Collins,

E.E. Smith. San Mateo, 1988. P. 312–322.

137. *Russo, J.* The Poetics of the Ancient Greek Proverb / J. Russo // *Journal of Folklore Research*. 1983. № 20. P. 121–130.

138. *Salzmann, Z.* Language, Culture and Society. An Introduction to Linguistic Anthropology / Z. Salzmann. NYC: Avalon Publishing, 2007. 419 p.

139. *Samovar, L.A.* / A. Larry Samovar, R.E. Porter, E.R. McDaniel // *Communication between cultures*. 5th ed. San Francisco, CA: Wadsworth, 2004. 426 p.

140. *Santas, G.* The Structure of Aristotle's Ethical Theory: Is It Teleological or a Virtue Ethics? / G. Santas // *Topoi*. 1996. № 15. P. 59–80.

141. *Schwartz, S.H.* Beyond individualism collectivism: New cultural dimensions of values / S.H. Schwartz // *Individualism and collectivism* / ed. by U. Kim, H.C. Triandis, G. Yoon. London: Sage, 1994. P. 85–119.

142. *Schwarz-Friesel, M.* Language and emotion: The cognitive linguistic perspective / M. Schwarz-Friesel // *Emotion in language: Theory – research – application* / ed. by U.M. Lüdtke. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 157–173. DOI: <https://doi.org/10.1075/ceb.10.08sch>.

143. *Sinclair, J.* Trust the Text–Language, Corpus and Discourse / J. Sinclair. Routledge, London, 2004. 224 p.

144. *Smith, C.G.* Shakespeare's Proverb Lore / C.G. Smith. Harvard: Harvard University Press, 1968. 181 p.

145. *Solano, R.M.* Phraseological Units in English: variation through lexical insertion / R.M. Solano // *RILA: Rassegna Italiana di Linguistica Applicata*. 2011. № 1/2. P. 389–404.

146. *Stewart, E.C.* American cultural patterns. A cross-cultural perspective / E.C. Stewart, M.J. Bennett. Yarmouth, ME: Nicholas Brealey Publishing, 1991. 192 p.

147. *Strässler, J.* Idioms in English: A Pragmatic Analysis / J. Strässler. Tübingen: Gunter Narr, 1982. 160 p.

148. *Taylor, A.* The Proverb: And An Index to The Proverb / A. Taylor. Hatboro: Folklore Associates, 1962. 328 p.

149. *Teague, G.* USA – Culture Smart!: The Essential Guide to Customs & Culture / G. Teague, A. Beechey. Kuperard, 2023. 200 p.

150. *Ting-Toomey, S.* Managing Intercultural Conflicts Effectively / S. Ting-Toomey // *Intercultural Communication: A Reader* / ed. by L. Samovar, R. Porter. 7th ed. Wadsworth, 1994. P. 360–372.
151. *Veisbergs, A.* Phraseological Borrowing / A. Veisbergs. Berlin: Logos Verlag, 2012. 188 p.
152. *Whiting, B.J.* The Nature of the Proverb / B.J. Whiting // *Harvard Studies in Philology and Literature*. 1932. № 14. P. 273–307.
153. *Wierzbicka, A.* Emotions across languages and cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.
154. *Wierzbicka, A.* English: Meaning and Culture / A. Wierzbicka. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 368 p.
155. *Wierzbicka, A.* Understanding Cultures Through Their Key Words / A. Wierzbicka. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 328 p.
156. *Yankah, K.* Proverbs: The Aesthetics of Traditional Communication / K. Yankah // *Research in African Literatures*. 1989. Vol. 20. № 3. P. 325–346.

б) на греческом языке

157. *Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Α.* Οι στερεότυπες εκφράσεις και η διδακτική της νέας Ελληνικής ως δεύτερης γλώσσας / Α. Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Α. Ευθυμίου. Αθήνα: Πατάκης, 2005. 130 σ.
158. *Αραβαντινός, Π.* Παροιμιαστήριον ή συλλογή παροιμιών εν χρήσει ουσών παρά τοις / Π. Αραβαντινός. Ηπειρώταις, Τυπογραφείον Δωδώνης, Ιωάννινα, 1996. 183 σ.
159. *Βενιζέλος, Ι.* Παροιμίες του ελληνικού λαού / Ι. Βενιζέλος. Αθήνα: Φοιτητική Γωνιά, 1965. 359 σ.
160. *Δέδε, Μ.* Ηπειρωτική Εστία / Μ. Δέδε // *Ηπειρωτική Εστία: μηνιαία επιθεώρησης εν Ιωαννίνους*. 1988. № 37. Σ. 503–506.
161. *Δεμίρη-Προδρομίδου, Ε.* Η γλώσσα των ιδιωτισμών και των εκφράσεων / Ε. Δεμίρη-Προδρομίδου, Δ. Νικολαΐδου-Νέστορα, Ν. Τρύφωνα-Αντωνοπούλου. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2022. 140 σ.

162. *Δουλαβέρας, Α.* Η Παροιμιολογική και Παροιμιογραφική Εργογραφία του Δημητρίου Σ. Λουκάτου / Α. Δουλαβέρας. Αθήνα: Πορεία, 1994. 586 σ.
163. *Ζωχιός, Στ.* Οι παροιμίες του ρωσικού λαού του Β.Ι. Νταλ / Στ. Ζωχιός, Γ. Τσερπές. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 2024. 193 σ.
164. *Κακριδής, Ι.* Το μεταφραστικό πρόβλημα / Ι. Κακρίσης. Αθήνα: Εστία, 2000. 190 σ.
165. *Κεσόπουλος, Α.* Παροιμίες των Βαλκανικών Λαών / Α. Κεσόπουλος, Φ. Τότσκας. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης-Παιδεία, 1988. 150 σ.
166. *Κουκουλές, Φ.* Βυζαντινών βίος και πολιτισμός / Φ. Κουκουλές. Αθήνα, 1952. 43 σ.
167. *Λουκάτος, Δ.* Εισαγωγή στην Ελληνική Λαογραφία / Δ. Λουκάτος. Αθήνα, 1978. 123 σ.
168. *Λουκάτος, Δ.* Νεοελληνικά λαογραφικά κείμενα / Δ. Λουκάτος. Αθήνα: Δαίδαλος Ι. Ζαχαρόπουλος, 1957. 331 σ.
169. *Λουκάτος, Δ.* Νεοελληνικοί Παροιμιόμυθοι / Δ. Λουκάτος. Αθήνα: Εστία, 1998. 151 σ.
170. *Λουκάτος, Δ.* Ο παροιμιακός λόγος των Ηπειρωτών. (Στοιχεία από τη συλλογή ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΑΛΑΜΑΓΚΑ) / Δ. Λουκάτος. Αθήνα: Βιβλιοθήκη Υπειρωτικής εστίας Αθηνών, 1976. 36 σ.
171. *Λουπάσης, Γ.* Επιδράσεις της εκκλησιαστικής φρασεολογίας στη νεοελληνική γλώσσα / Γ. Λουπάσης. Αθήνα: Σμίλη, 2003. 256 σ.
172. *Μερακλής, Μ.* Παροιμίες ελληνικές και των άλλων βαλκανικών λαών / Μ. Μερακλής. Αθήνα: Πατάκης, 2007. 208 σ.
173. *Μιχαήλ-Δέδε, Μ.* Παροιμίες-γνωμικά και η ερμηνεία τους με διδάγματα / Μ. Μιχαήλ-Δέδε. Αθήνα: Δαμιανός, 1998. 126 σ.
174. *Μότσιου, Β.* Στοιχεία λεξικολογίας: Εισαγωγή στη νεοελληνική λεξικολογία / Β. Μότσιου. Αθήνα: Νεφέλη, 1994. 251 σ.
175. *Μότσιου, Ε.* Κατηγορίες πραγματολογικών φρασεολογισμών / Democritus University of Thrace, Greece // International Conference of Greek Linguistics. 2012. Στο 10th ICGL Proceedings. P. 960–964.

176. Παπανικολάου, Φ. Λαογραφικά Βοΐου / Φ. Παπανικολάου. Κοζάνη: Ινστιτούτο Βιβλίου και Ανάγνωσης Κοζάνης, Σύλλογος Ροδοχωριτών "Η Πρόοδος", 1999. 596 σ.

177. Πολίτης, Ν. Μελέται περι του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού / Ν. Πολίτης. Αθήνα: Πελεκάνος, 2015. 733 σ.

178. Πολίτης, Ν. Παροιμίες / Ν. Πολίτης. Αθήνα: Βιβλιόραμα, 1988. 715 σ.

179. Σηφάκης, Γ. Λαϊκή σοφία: 10 000 Ελληνικές Παροιμίες / Γ. Σηφάκης. Αθήνα: Συμυρνιωτάκης, 1993. 385 σ.

180. Συμεωνίδης, Χ. Εισαγωγή στην ελληνική φρασεολογία / Χ. Συμεωνίδης. Θεσσαλονίκη: Κώδικας, 2000. 122 σ.

181. Χρηστίδης, Δ. Παροιμίες και παροιμιακές φράσεις της ελληνικής αρχαιότητας: Εισαγωγή- κείμενο- μετάφραση- σχόλια / Δ. Χρηστίδης. Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Τριανταφυλλίδη, 2023. 734 σ.

Словари

α) на русском языке

182. Байрамова, Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей / Л.К. Байрамова. Изд. 2-е, доп. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 372 с.

183. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / авт.-сост. И.С. Брилёва и др.; отв. ред. В.Н. Телли; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Изд. 4-е. М.: АСТ-Пресс Школа, 2021. 781 с.

184. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. М.: Эксмо, 2024. 640 с.

185. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Иллюстрированное издание / В.И. Даль. М.: Эксмо, 2010. 704 с.

186. Котова, М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М.Ю. Котова; под ред. П.А. Дмитриева; С.-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 356 с.

187. *Жуков, В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. 8-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2001. 534 с.

188. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

189. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. 707с.

б) на английском языке

190. *Bertram, A.* NTC's Dictionary of Proverbs and Clichés / A. Bertram. Lincolnwood, Illinois: NTC Publishing Group, 1996. 336 p.

191. *Cowie, A.P.* The Oxford dictionary of English idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. London, 1999. 752 p.

192. Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend / ed. by M. Leach, J. Fried. N.Y.: Funk & Wagnalls, 1972. 1236 p.

193. *Knowles, E.* Oxford Dictionary of Phrase and Fable / E. Knowles. Oxford: Oxford University Press, 2005. 812 p.

194. Oxford Dictionary of Proverbs / ed. by J. Speake. 6th ed. N.Y.: Oxford University Press, 2015. 385 p.

195. *Tilley, M.P.* A dictionary of the proverbs in England in the sixteenth and seventeenth centuries: A collection of the proverbs found in English literature and the dictionaries of the period / M.P. Tilley. Michigan: University of Michigan press, 1950. 880 p.

в) на греческом языке

196. *Κριαράς, Ε.* Λεξικό της Σύγχρονης Δημοτικής Γλώσσας / Ε. Κριαράς. Εκδοτική Αθηνών Αθήνα, 1995. 1587 σ.

197. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών; Ίδρυμα Μανόλη

Τριανταφυλλίδη, 1998. 1532 σ.

198. *Μπαμπινιώτης, Γ.* Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας, Κέντρο Λεξικολογίας ΕΠΕ / Γ. Μπαμπινιώτης, Αθήνα, 2002. 2031 σ.

199. *Τεγόπουλος-Φυτράκης.* Ελληνικό Λεξικό. Αθήνα: Αρμονία, 1993. 309 σ.

Диссертации и авторефераты диссертаций

α) на русском языке

200. *Гаевая, А.И.* Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Алла Игоревна Гаевая. М., 1990.

201. *Жигарина, Е.Е.* Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Елена Евгеньевна Жигарина. М., 2006.

202. *Захарова, М.А.* Глаголы и устойчивые глагольные конструкции со значением трудовой деятельности в донском диалекте: семантический, структурный и словообразовательный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мария Алексеевна Захарова. Волгоград, 2013.

203. *Котова, М.Ю.* Славянская паремиология: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Марина Юрьевна Котова. СПб, 2004. 231 с.

204. *Ломакина, О.В.* Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Валентиновна Ломакина. СПб, 2016. 42 с.

205. *Μιζαεβα, Μ.Ο.* Φразεολογικές единицы с анималистическим компонентом в кабардино-черкесском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Мамиржан Олиевна Μιζαεβα; Черкесский университет. Черкесск, 2003.

206. *Νικολαεβα, Ю.В.* Λογικο-σημιωτικές особенности испанских и итальянских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Юлия Βαδимоβνα Νικολαεβα. СПб, 2000. 20 с.

207. *Слышкин, Г.Г.* Λινγβοκουλтурные концепты и метаконцепты: дис. ...

докт. филол. наук: 10.02.19 / Геннадий Геннадьевич Слышкин. Волгоград, 2004.

208. Чапаева, Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Любовь Георгиевна Чапаева. М., 2007.

в) на греческом языке

209. Δουλαβέρας, Α. Η έμμετρη εκφορά του νεοελληνικού παροιμιακού λόγου: дис. ... канд. филол. / Δουλαβέρας Αριστείδης. Θεσσαλονίκη, 1988.

210. Θώμου, Π. Λεξιλογικές συνάψεις (lexical collocations) στη νέα ελληνική ως ξένη γλώσσα: дис. ... канд. филол. / Παρασκευή Θώμου. Ρέθυμνο, 2006.

211. Μυτούλα, Αι. Η νεοελληνική παροιμία: συγχρονική και διαχρονική προσέγγιση: дис. ... канд. филол. / Αικατερίνη Μυτούλα. Θεσσαλονίκη, 2005.

212. Τσακνάκη, Ο. Προβληματική της παροιμίας στη μετάφραση: Η χρήση της στη νέα ελληνική και η ηλεκτρονική επεξεργασία της: дис. ... канд. филол. / Ολυμπία Τσακνάκη. Θεσσαλονίκη, 2005.

213. Τσερπές, Γ. Ο παροιμιακός λόγος των Βαλκανικών λαών. Θεματικές – Χρήσεις – Ερμηνείες – Επικοινωνία. Συμβολή στο Πεδίο της Συγκριτικής Λαογραφίας.: дис. ... канд. филол. / Γεώργιος Τσερпές. Αθήνα, 2019.

214. Χιώτη, Α. Παγιωμένες εκφράσεις της νέας ελληνικής: ιστορική διάσταση, ταξινόμηση και στερεοτυπικότητα: дис. ... канд. филол. / Αλεξάνδρα Χιώτη. Θεσσαλονίκη, 2010.

Интернет-источники

α) на русском языке

215. Елгешина, А.С. Национально-культурная специфика фразеологизмов русского языка с компонентом-зоонимом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/anastasiya-sergeevna/nacionalno-kulturnaya-specifika-frazeologizmov-russko-69197779/chitat-onlayn> (дата обращения: 15.05.2024).

216. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

б) на английском языке

217. Bible Hub. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblehub.com> (дата обращения: 15.05.2024).

218. Britannica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Geoffrey-Chaucer> (дата обращения: 8.04.2022).

219. Britannica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/Ben-Jonson-English-writer> (дата обращения: 8.04.2022).

220. Britannica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/John-Lyly> (дата обращения 8.04.2022).

221. Corpus of Modern Greek. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web-corpora.net/GreekCorpus/search> (дата обращения: 15.05.2024).

222. Library of Congress. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.loc.gov> (дата обращения: 15.05.2024).

223. Oxford Reference. Oxford University Press. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordreference.com> (дата обращения: 15.05.2024).

224. Εθνικός Συσσωρευτής Πολιτιστικού Περιεχομένου, από το Εθνικό Κέντρο Τεκμηρίωσης και Ηλεκτρονικού Περιεχομένου (ΕΚΤ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.searchculture.gr/aggregator/portal/> (дата обращения: 15.05.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Полный текст анкеты
(на английском, русском и греческом языках)***Полный текст анкеты на английском языке**Part A. Paremiology in everyday life*

Gender: Male, Female

Age: 19–34, 35–54, 55+

Academic background: Bachelor's degree, Master's degree, PhD

Do you know any proverbs?

Many.

Several.

A few.

None

Do you use proverbs in everyday life? If you do, how often do you use proverbs to justify your talk?

Very often.

Sometimes.

Rarely.

Never

Do you find proverbs useful for conveying messages in everyday life?

Strongly Agree.

Agree.

Undecided.

Disagree.

Strongly.

Disagree.

To what purpose do you use proverbs?

To impart knowledge.

To offer advice.

To teach or reinforce morals.

To make an argument.

To relieve interpersonal tensions.

To aid in understanding.

To console others.

To inspire others.

To complete a sentence.

To showcase language proficiency.

To speak in a sarcastic tone.

Out of habit.

Other.

Proverbs teach us life lessons.

Strongly Agree.

Agree.

Undecided.

Disagree.

Strongly Disagree.

Part B

Please choose the degree to which the meaning of the following expressions is evident on a scale from 1 to 5, with 5 being the highest.

- 1 – No apparent meaning / not at all.
- 2 – Little apparent meaning / slighty.
- 3 – Moderate apparent meaning / moderately.
- 4 – Apparent meaning / very much.
- 5 – Very obvious meaning / extremely.

Even if you have heard the proverb before or do not know the meaning, you are asked to judge its meaning according to the words that make it up.

Kill two birds with one stone.

1 2 3 4 5

Get your ducks in a row.

1 2 3 4 5

Not my circus, not my monkeys.

1 2 3 4 5

When pigs fly.

1 2 3 4 5

To sweat like a pig.

1 2 3 4 5

Let the cat out of the bag.

1 2 3 4 5

Barking up the wrong tree.

1 2 3 4 5

It's raining cats and dogs.

1 2 3 4 5

Mad as a March hare.

1 2 3 4 5

Dog days of summer.

1 2 3 4 5

Полный текст анкеты на русском языке

Часть А. Введение и общие вопросы

Пол: мужской, женский

Возраст: 19–34, 35–54, 55+

Образование: среднее общее / профессиональное: высшее I степени (бакалавриат), высшее II степени (специалитет, магистратура), высшее III степени (аспирантура, докторантура)

Знаете ли вы какие-нибудь пословицы и поговорки?

Очень много (100+).

Много (50+).

Несколько.

Ничего.

Используете ли Вы пословицы и поговорки в повседневной жизни? Если да, то как часто Вы употребляете пословицы и поговорки, чтобы сделать Вашу речь более убедительной?

Очень часто.

Иногда.

Редко.

Никогда.

Согласны ли Вы с тем, что пословицы и поговорки полезны для передачи сообщений в повседневной жизни?

Полностью согласен.

Согласен.

Не определился.

Не согласен.

Категорически не согласен.

С какой целью Вы используете пословицы и поговорки?

Чтобы передать знания.

Чтобы дать совет.

Чтобы давать наставление.

Чтобы привести аргумент.

Для снятия напряжения в общении / для разрядки напряжения.

Чтобы облегчить понимание информации.

Для утешения собеседника.

Для воодушевления собеседника.

Чтобы закончить предложение.

Чтобы продемонстрировать знание языка.

Чтобы выразить иронию.

По привычке.

Другая причина.

Согласны ли Вы с тем, что пословицы и поговорки преподают нам уроки жизни?

Полностью согласен.

Согласен.

Не определился.

Не согласен.

Категорически не согласен.

Часть Б

Пожалуйста, выберите степень, в которой значение следующих выражений очевидно по шкале от 1 до 5, где 5 – высшая оценка.

1 – Нет очевидного смысла.

2 – Мало очевидного значения.

3 – Умеренно видимое значение.

4 – Понятное значение.

5 – Абсолютно очевидное значение.

Даже если Вы не слышали пословицу и поговорку раньше или не знаете её значения, определите её идею по смыслу слов, из которых она состоит.

Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

1 2 3 4 5

Баба с возу – кобыле легче.

1 2 3 4 5

Цыплят по осени считают.

1 2 3 4 5

Волка ноги кормят.

1 2 3 4 5

Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась.

1 2 3 4 5

Как собака на сене: и сама не ест, и другим не даёт.

1 2 3 4 5

Отольются кошке мышкены слёзки.

1 2 3 4 5

Грозит мышшь кошке, да из норы.

1 2 3 4 5

Когда рак на горе свистнет.

1 2 3 4 5

Хоть волк каждый год линяет, а всё шер бывает.

1 2 3 4 5

Полный текст анкеты на греческом языке

Μέρος Α. Εισαγωγή και γενικές ερωτήσεις

Φύλο: Άνδρας, Γυναίκα

Ηλικία: 19–34, 35–54, 55+

Επίπεδο σπουδών: Προπτυχιακό, Μεταπτυχιακό, Διδακτορικό

Γνωρίζετε κάποιες παροιμίες?

Πολλές.

Αρκετές.

Λίγες.

Καμία.

Χρησιμοποιείτε παροιμίες στην καθημερινή σας ομιλία? Αν ναι, πόσο συχνά?

Συνέχεια.

Συχνά.

Περιστασιακά.

Ποτέ.

Θεωρείτε τις παροιμίες χρήσιμες για τη μετάδοση μηνυμάτων στην καθημερινή ζωή?

Συμφωνώ τελείως.

Συμφωνώ.

Ούτε συμφωνώ/ούτε διαφωνώ.

Διαφωνώ.

Διαφωνώ τελείως

Για ποιούς λόγους χρησιμοποιείτε παροιμίες.

Για να μεταδώσω γνώση.

Για να προσφέρω συμβουλές.

Για να επισημάνω ή να ενισχύσω ένα υπόδειγμα ηθικής.

Για να επιχειρηματολογήσω.

Για να επιλύσω μια διαπροσωπική σύγκρουση.

Για να γίνω κατανοητός/ή.

Για να παρηγορήσω κάποιον.

Για να εμπνεύσω κάποιον.

Για να «κλείσω» μια πρόταση.

Για να δείξω ευφράδεια στο λόγο μου.

Για να ειρωνευτώ.

Από συνήθεια.

Άλλο.

Οι παροιμίες μας διδάσκουν.

Συμφωνώ τελείως.

Συμφωνώ.

Ούτε συμφωνώ/ούτε διαφωνώ.

Διαφωνώ.

Διαφωνώ τελείως.

Μέρος Β

Παρακαλώ κυκλώστε το βαθμό κατά τον οποίο είναι εμφανές το νόημα των παρακάτω παροιμιών σε μια κλίμακα από το 1 έως το 5, όπου στο 5 είναι απόλυτα ξεκάθαρο το νόημα της παροιμίας και το 1 είναι εντελώς ακατανόητο.

1 – Ακατανόητο νόημα.

2 – Ελάχιστα εμφανές νόημα.

3 – Μέτρια εμφανές νόημα.

4 – Εμφανές νόημα.

5– Απόλυτα ξεκάθαρο νόημα.

Προσοχή! Ακόμη και στην περίπτωση που δεν έχετε ξανακούσει ή δε γνωρίζετε το νόημα της παροιμίας, παρακαλώ επιλέξτε την απάντηση στην οποία το νόημά της προκύπτει από τις λέξεις που την απαρτίζουν.

Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα.

1 2 3 4 5

Γάτα στο σακί, ποντικούς δεν πιάνει.

1 2 3 4 5

Βγάζει απ' τη μύγα ξίγκι.

1 2 3 4 5

Ακόμα δεν βγήκες από τ' αυγό σου.

1 2 3 4 5

Δυο γάιδαροι μάλωναν σε ξένο αχυρώνα.

1 2 3 4 5

Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλια.

1 2 3 4 5

Αγάλια αγάλια γίνεται η αγουρίδα μέλι.

1 2 3 4 5

Δεματιάζει αβγά.

1 2 3 4 5

Αλλού τα κακαρίσματα κι αλλού γεννούν οι κόττες.

1 2 3 4 5

Κάλλιο γαϊδουρόδενε παρά γαϊδουρογύρευε.

1 2 3 4 5

Перечень упоминаемых в диссертации паремий с зоонимами

а) на английском языке

Паремия (в оригинале)	Дословный перевод	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>A cat's a cat, and that's that</i>	<i>Кошка есть кошка, и точка</i>	Суть вещей неизменна
<i>A cat has nine lives</i>	<i>У кошки девять жизней</i>	О стойкости и живучести
<i>A dog is a man's best friend</i>	<i>Собака – лучший друг человека</i>	О верности, преданности и дружбе
<i>A leopard never changes its spots</i>	<i>Леопард никогда не меняет пятен</i>	Об устойчивости характера человека
<i>A whistling woman and a crowing hen, are neither fit for God nor men</i>	<i>Свистящая женщина и кукарекающая курица — ни для Бога, ни для людей не годятся</i>	Пренебрежительное обращение, часто к женщинам; негативный аксиологический окрас. Критическое отношение к чрезмерной болтливости или самовыражению там, где это неуместно
<i>An old ox makes a straight furrow</i>	<i>Старый вол несёт прямую борозду</i>	Опыт и аккуратность
<i>Don't be stubborn like a horse or mule. They need a bit and bridle in their mouth to restrain them, or they will not come near you</i>	<i>Не будь упрямым, как конь или мул. Им нужны удила и уздечка, чтобы сдерживать их, иначе они не подойдут к тебе</i>	Негативная характеристика – чрезмерная упрямость
<i>Barking up the wrong tree</i>	<i>Лаять не на то дерево</i>	Делать ложные обвинения или ошибаться в причинах

<i>Birds of a feather flock together</i>	<i>Птицы одного пера держатся вместе</i>	Люди с общими интересами тяготеют друг к другу
<i>Chicken and egg situation</i>	<i>Ситуация «курица или яйцо»</i>	Сложность в определении причинно-следственных связей
<i>Curiosity killed the cat. (Satisfaction brought it back, that's why the cat has nine lives)</i>	<i>Любопытство сгубило кошку. (Но удовлетворение её воскресило – у кошки девять жизней)</i>	Любопытство может быть опасным, но оправдано, если приводит к знанию. Двойственность ценности любознательности
<i>Dog days of summer</i>	<i>Собачьи дни лета</i>	Самые жаркие, изнуряющие дни – образ сезонной усталости и дискомфорта
<i>Don't count your chickens before they are hatched</i>	<i>Не считай цыплят до вылупления</i>	Не стоит строить планы до наступления результата
<i>Don't put the cart before the horse</i>	<i>Не ставь телегу впереди лошади</i>	Нарушение логики, порядка вещей ведёт к неэффективности
<i>Fear makes the wolf bigger than it is</i>	<i>Страх делает волка больше, чем он есть</i>	Иллюзия угрозы – опасность часто преувеличена
<i>First catch your hare</i>	<i>Сначала поймай зайца</i>	Не делай планов до достижения цели
<i>For the strength of the pack is the wolf</i>	<i>Сила стаи – в волке</i>	Для коллектива важен лидер; ценность индивидуальности в команде
<i>Get your ducks in a row</i>	<i>Расположи своих уток в ряд</i>	Призыв к организации и порядку – ценится системность
<i>Going down the rabbit hole</i>	<i>Падение в кроличью нору</i>	Попадание в запутанную или странную ситуацию; аллюзия к «Алисе»
<i>Hawks will not pick out hawks' eyes</i>	<i>Ястреб ястребу глаз не выклюет</i>	Коррупция или корпоративная солидарность – свои своих не трогают

Паремия (в оригинале)	Дословный перевод	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Hurry no man's cattle; you may come to have a donkey of your own</i>	<i>Торопись, чужого скота нет; можешь получить собственного осла.</i>	Терпение
<i>If wishes were horses, beggars would ride</i>	<i>Если бы желания были лошадьми, нищие бы ездили верхом</i>	Скепсис по отношению к пустым мечтам – ценность действий
<i>If you lie down with dogs, you will get up with fleas</i>	<i>Ляжешь с собаками – встанешь с блохами</i>	Предупреждение против дурного окружения – важна среда
<i>If you pay peanuts, you get monkeys.</i>	<i>Платишь орехами – получаешь обезьян.</i>	Критика скупости: качество требует достойной оплаты.
<i>It's raining cats and dogs</i>	<i>Льёт, как из ведра (букв.: льёт кошками и собаками)</i>	Идиоматическое выражение, описывающее сильный дождь – образная речь, без аксиологической нагрузки
<i>Let the cat out of the bag</i>	<i>Выпустить кота из мешка</i>	Разболтать тайну – критика невнимательности
<i>Mad as a March hare</i>	<i>Безумный, как мартовский заяц</i>	Идиома: безумство – насмешка над неадекватностью
<i>Many foxes grow gray, but few grow good</i>	<i>Много лис становятся седыми, но мало кто хорошими</i>	Возраст не гарантирует добродетели – ценность истинной мудрости
<i>Not my circus, not my monkeys</i>	<i>Не мой цирк, не мои обезьяны</i>	Ценность личных границ, отказ от вовлечения в чужие дела и нежелание тратить силы на то, что не имеет к тебе отношения
<i>Old foxes want no tutors</i>	<i>Старым лисам не нужны учителя</i>	Опытные люди не нуждаются в наставлениях

Паремия (в оригинале)	Дословный перевод	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Slow and steady wins the race (Aesop's fable of The Tortoise and the Hare)</i>	<i>Медленно и постоянно выигрывает гонку (Черепаха и заяц Эзопа)</i>	Постоянное и терпеливое движение к цели приносит больше пользы, чем быстрые, но прерывистые попытки
<i>The cat has nine lives – three for playing, three for straying, and three for staying</i>	<i>У кошки девять жизней: три – на игры, три – на скитания, три – на оседлость</i>	Восхищение живучестью, адаптивностью кошки
<i>The cunning of the fox is as murderous as the violence of the wolf</i>	<i>Хитрость лисы так же смертоносна, как и жестокость волка</i>	Моральное осуждение хитрости и коварства
<i>The hen lays as well upon one egg as many</i>	<i>Курица несёт яйца так же хорошо на одном, как и на многих</i>	Забота. Важно качество внимания или усилий, а не количество
<i>The wolf changes his coat, but not his disposition</i>	<i>Волк меняет шкуру, но не свой нрав</i>	Суть человека или животного не меняется, несмотря на внешние изменения
<i>To kill two birds with one stone</i>	<i>Убить двух птиц одним камнем</i>	Достичь двух целей одним действием
<i>When pigs fly</i>	<i>Когда свиньи полетят</i>	Означает «никогда», что-то невероятное или невозможное
<i>When the cat's away, the mice will play</i>	<i>Когда кот отсутствует, мыши играют</i>	О пользе отсутствия надзора
<i>Where there are no oxen, the manger is empty, but from the strength of an ox come abundant harvests.</i>	<i>Где нет волов, там ясли пусты; но от силы вола – обильный урожай.</i>	Чтобы получить прибыль, рост или результат, нужно принять связанные с этим трудности и издержки.

Паремия (в оригинале)	Дословный перевод	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Whoever wants to live with swine, will learn how to grunt</i>	<i>Кто хочет жить со свиньями – надо научиться хрюкать</i>	Окружение влияет на поведение человека
<i>You bring owls to Athens</i>	<i>Ты приносишь сов в Афины</i>	Совиная мудрость – символ знания и рассудительности
<i>You can't root with the hogs and have a clean nose</i>	<i>Нельзя копаться со свиньями и остаться чистым</i>	Общение с плохими людьми может испортить репутацию или характер
<i>You can't run with the hare and hunt with the hounds</i>	<i>Нельзя одновременно бегать с зайцем и охотиться с собаками</i>	Невозможно быть на стороне двух противостоящих сторон
<i>You can't teach an old dog new tricks</i>	<i>Старую собаку новым трюкам не научишь</i>	С возрастом люди становятся менее восприимчивы к изменениям
<i>Zeal without knowledge is a runaway horse</i>	<i>Рвение без знания – это несущийся конь</i>	Энергия без понимания приводит к опасным последствиям

б) на русском языке

Паремия	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Баба с возу – кобыле легче</i>	Уход проблемного человека облегчает жизнь остальным
<i>Без труда не выловишь и рыбку из пруда</i>	Труд, настойчивость, усилия
<i>Быть собаке битой – найдется и палка</i>	Трудная, наполненная лишениями жизнь. Если кто-то уже страдает или слаб, его легко снова наказать.

Паремия	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Взять быка за рога</i>	Смело и решительно приступить к делу
<i>Волка ноги кормят</i>	Личные усилия
<i>Виден сыч по полёту, сова – по погляду</i>	Мудрость, наблюдательность
<i>Хоть волк каждый год линяет, а всё сер бывает</i>	Внешние изменения не меняют сути
<i>Волк не может быть овцой</i>	Природу не изменить – сущность останется прежней
<i>Волком родился, овцой не бывать</i>	Сущность не меняется
<i>Всякая лиса свой хвост хвалит</i>	Каждый склонен хвастаться своими достоинствами
<i>Высидела курица утят, да плачется с ними</i>	Хорошая мать, заботливость
<i>Грозит мышь кошке, да из норы</i>	Смелость на расстоянии фиктивна
<i>Жжётся, как крапива, а колется, как ёж</i>	Сварливость, колкость, раздражающий характер
<i>Каждая собака в своей шерсти ходит</i>	Каждый живёт своей судьбой
<i>Как ни вертись собака, а хвост позади</i>	От своей судьбы не уйдёшь
<i>Как собака на сене: и сама не ест, и другим не даёт</i>	Образ жадности и вредности
<i>Когда нет лошади, и осёл – скотина</i>	В отсутствии лучшего довольствуются худшим
<i>Когда рак на горе свистнет</i>	Скептическое, насмешливое отношение к чьим-то обещаниям или ожиданиям невозможного
<i>Конь о четырех ногах, да спотыкается</i>	Неидеальность

Паремия	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет</i>	Привычка сильнее разума
<i>Кошку девятая смерть донимает</i>	Живучесть
<i>Курам на смех</i>	Глупость
<i>Курица не птица, а баба не человек</i>	Глупость, недалёкость, презрение
<i>Курица воду потому ругает, что плавать не умеет</i>	Осуждение того, чего не умеешь
<i>Лиса врёт, на свой хвост шлёт, да оба изверились</i>	Обман всегда раскрывается
<i>Лиса своего хвоста не замазает</i>	Бережёт свою репутацию, даже в обмане
<i>Лиса семерых волков проведёт</i>	Хитрость сильнее грубой силы
<i>Лошадка маленькая – а седлу место будет</i>	Полезность
<i>Молодость летает вольной пташкой, а старость ползет черепашкой</i>	Медлительность
<i>На мышку и кошка зверь</i>	Даже слабый вызывает у сильного инстинкт охоты
<i>На смиренного осла двое садятся</i>	Тихого часто эксплуатируют
<i>Не мечи бисер перед свиньями</i>	Глупость
<i>Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса</i>	Бесхарактерность
<i>Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась</i>	Притязания без оснований
<i>Один волк гоняет овец полк</i>	Один сильный может управлять многими слабыми
<i>Осёл на осле, дурак на дураке</i>	Глупость

Паремия	Краткий комментарий (аксиологический компонент)
<i>Осла с волком не четают</i>	Упрямство
<i>Осла и в львиной коже по крику узнаешь</i>	Фальшь всегда выдает себя
<i>Отольются кошке мышьи слёзки</i>	Каждый ответит за причинённое зло
<i>Растолстевшая лошадь сбрасывает с себя седока</i>	Тот, кто зажрался, не хочет подчиняться
<i>Рогатой скотине – таракана да жуколицы</i>	Неожиданное сравнение, выражающее пренебрежение или иронию
<i>Свиные глаза не боятся грязи</i>	Грубость, плохие манеры
<i>С волками жить – по-волчьи выть</i>	Чтобы выжить среди жестоких, нужно быть таким же
<i>Сердитая собака – волку корысть</i>	Вражда – выгода для третьих лиц
<i>Собака, что лает, редко кусает</i>	Много шума – мало опасности
<i>Собака белая, собака черная, а дух один</i>	Внешность разная, а суть одинаковая
<i>Собака лает, а караван идёт</i>	Крики не способны остановить процесс
<i>Со свиным рылом да в Калашный ряд</i>	Неуместность или неподходящее поведение в определенной среде
<i>Стал, как бык, и не знает, как быть</i>	Упрямство
<i>Цыплят по осени считают</i>	Итоги оцениваются после завершения дела

Παροιμίες (в оригинале)	Δοσολογικός μεταφρασμός	Κρατικός κομμενταρίος (ακσιολογικός κομμενταρίος)
<i>Γέρικο άλογο, καινούργια περπατησιά δε μαθαίνει</i>	<i>Старую лошадь нельзя научить скакать по-новому</i>	Не меняется
<i>Γέννησε η κότα το αυγό, το άκουσε όλη η γειτονιά</i>	<i>Курица снесла яйцо – вся улица услышала</i>	Μαλοε σοβυτίο στανωίτις широко известным
<i>Δεματιάζει αβγά</i>	<i>Связывает яйца</i>	Бессмысленное или невозможное действие
<i>Δυο γάιδαροι μαλώνανε σε ζένο αχυρώνα</i>	<i>Два осла ссорятся в чужом амбаре</i>	Κομφλιки за чужое имущество
<i>Έβαλε το λύκο να φυλά τα πρόβατα</i>	<i>Поставил волка охранять овец</i>	Неадекватное доверие
<i>Είδες του γάτου το μαλλί να γίνεται μετάξι, τ' ανθρώπου του κακόγνωμου η γνώμη του ν' αλλάζει</i>	<i>Видел, как шерсть коты становится шёлком, но мнение человека не меняется</i>	Невозможность изменить упрямое мнение
<i>Είπε ο γάιδαρος τον πετεινό κεφάλα</i>	<i>Осёл назвал петуха головой</i>	Γοворит о другом то, что имеет сам
<i>Η γάτα είναι εφτάψυχη</i>	<i>У кошки семь жизней</i>	Живучесть, жизнеспособность
<i>Η αλεπού πιάνεται από τα τέσσερα ποδάρια</i>	<i>Лису берут за все четыре лапы</i>	Πολλοο захватывание, безысходность
<i>Η αλεπού 'ναι πονηρή, αλλά πιο πονηρός εκείνος που την πιάνει</i>	<i>Лиса хитра, но хитрее тот, кто её ловит</i>	Хитрость и ум – борьба равных
<i>Και παντρεμένος γάιδαρος κι ανύπαντρος γομάρι</i>	<i>И женатый осел, и холостой мул</i>	Неважно положение, все имеют свои проблемы
<i>Και την πίτα ολόκληρη και το σκύλο χορτάτο</i>	<i>И пирог целый, и собака сыта</i>	Невозможно получить всё сразу

Παροιμια (в оригинале)	Δοσλοβνύη πєρєвод	Κρατкий κομμενταрий (ακσιολογический κομμενενт)
<i>Κακό σκυλί ψόφο δεν έχει</i>	<i>Πлохая собака не умирает</i>	Зло и вредность устойчивы
<i>Κάλλιο γαιδουρόδενε παρά γαιδουρογύρευε</i>	<i>Лучше привязать осла, чем потом искать его</i>	Лучше контролировать ситуацию, чем ее терять
<i>Κότα που κακαρίζει τ' αυγό θα το κάμη</i>	<i>Курица, которая кудахчет, яйцо снесёт.</i>	Легкомысленность
<i>Μαύρος γάτος τον ξεκίνησε</i>	<i>Чёрный кот положил этому начало</i>	Символ несчастья или суеверия
<i>Ο καλύτερος φίλος είναι ο σκύλος</i>	<i>Лучший друг – собака</i>	Верность и надежность
<i>Όλα τα γουρούνια την ίδια μούρη έχουν</i>	<i>Все свиньи имеют одинаковую морду</i>	Все одинаковы по своей сути
<i>Ο λύκος αρνί δε γίνεται</i>	<i>Волк ягнёнком не становится</i>	Характер или природа человека не меняются
<i>Ο λύκος κι αν εγέρασε κι άσπρισε το μαλλί του, ούτε τη γνώμη άλλαξε ούτε την κεφαλή του</i>	<i>Волк хоть и постарел и поседел, мнение и характер не изменил</i>	Сопροтивление переменам, устойчивость характера
<i>Όποιος γίνεται πρόβατο τον τρώει ο λύκος</i>	<i>Кто становится овцой, того съедает волк</i>	Беззащитность перед более сильными
<i>Ο που έχει αδελφό καλόγερο έχει ζευγάρι βόδια</i>	<i>Кто имеет брата-монаха, тот имеет пару волов</i>	Семейные связи приносят пользу и силу
<i>Όσο πλένεις το γουρούνι τόσο βρωμάει</i>	<i>Чем больше моешь свинью, тем сильнее она воняет</i>	Усилия, которые не приводят к улучшению
<i>Όταν λείπει η γάτα, χορεύουν τα ποντίκια</i>	<i>Когда нет кошки, мыши танцуют</i>	Отсутствие контроля ведёт к беспорядку

